

81.2 Англ - 823

для А 84
ИНСТИТУТОВ
И ФАКУЛЬТЕТОВ
ИНОСТРАННЫХ
ЯЗЫКОВ

English

И. В. Арнольд

ОСНОВЫ
НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЛИНГВИСТИКЕ

†

И. В. Арнольд

ОСНОВЫ
НАУЧНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
В ЛИНГВИСТИКЕ

bn 27780 *gpc*

НБ ПНУС

bn27780

Москва «Высшая школа» 1991

*Рекомендовано Государственным комитетом СССР
по народному образованию для использования в учебном процессе*

Рецензенты:

кафедра общего языкознания Тверского государственного университета (зав. кафедрой д-р филол. наук, проф. И.П. Сусов);
д-р филол. наук, проф. Э.М. Медникова

Арнольд И.В.

А 84

Основы научных исследований в лингвистике: Учеб.
пособие. — М.: Высш. шк., 1991. — 140 с.

ISBN 5-06-001499-1

Цель пособия — ознакомить студентов с основами и процедурами современных лингвистических исследований, развить у них навыки самостоятельной творческой работы.

В пособии рассматриваются методические, методологические и коммуникативные проблемы лингвистических исследований. Пособие знакомит с требованиями к терминологии, библиографическому аппарату, сбору и описанию фактического материала.

Для студентов старших курсов институтов и факультетов иностранных языков, а также для аспирантов и слушателей ФПК.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Увеличение вклада вузовской науки в решение задач общего прогресса страны и повышение качества подготовки специалистов в высшей школе требуют единства научной и учебной работы студентов и усиления индивидуальной работы с ними. Масштабы научной работы в вузах в настоящее время значительно расширятся. Исследовательская деятельность студентов должна быть неотъемлемой частью учебного процесса. Высшая школа становится важной составной частью научно-исследовательского комплекса всей страны, поскольку ускорение научно-технического прогресса требует мобилизации всего интеллектуального потенциала народа, и, более того, поскольку высшая школа готовит специалистов для будущего, развитие науки в стенах вузов должно быть опережающим по сравнению с общим уровнем развития науки.

В соответствии с этим задачи настоящего пособия состоят в том, чтобы помочь студенту овладеть важнейшими процедурами современных лингвистических исследований, ознакомить его с возможными подходами к сбору и обработке фактического материала и использованию уже достигнутого в науке, ознакомить с требованиями, предъявляемыми к научному изложению и доказательности, и заставить задуматься над этикой науки и долгом ученого.

Подлинная научная работа неотделима от повышения общего культурного уровня и развития духовной сферы личности.

Уже со студенческой скамьи необходимо развивать в себе не пассивно-потребительское отношение к науке, а привычку к самостоятельному творческому мышлению и потребность к постоянному систематическому пополнению и обновлению своих знаний, которую квалифицированный компетентный специалист пронесет через всю жизнь. В высшей школе закладывается привычка к быстрой адаптации к новым достижениям науки, которая в дальнейшем позволяет специалисту стать проводником передовой научной мысли.

Развернуть и интенсифицировать научную работу студентов можно только при условии специального внимания к их профессиональной и компетентной готовности к исследовательской работе.

Осуществление этих задач требует рассмотрения целого комплекса проблем, которые и составляют предмет этой книги.

В книгу включен и краткий обзор направлений и методов в современном языкознании. Основное внимание при этом уделяется преемственности в науке и тому, с какой целью были достигнуты те или иные результаты и какими методами они были получены. Научное исследование включает не только получение, описание и формулировку новых данных и концептов, но и представление их в такой форме, которую могли бы понять и проверить другие ученые, чтобы, убедившись в их полезности и в том, что они не повторяют уже известное, они могли бы применить их в собственной работе и развивать дальше.

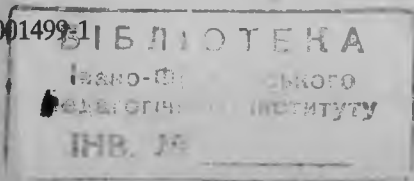
Непременным условием для этого являются: умение найти нужную литературу, грамотно оформить библиографический аппарат, знать требования, предъявляемые к

А 4602020102(4309000000) — 138
001(01) — 91 262 — 91

ББК 81.2 Англ-923

4И (Англ)

ISBN 5-06-001499-1

© И.В. Арнольд, 1991

терминологии, и не засорять ее новыми наукообразными, но лишними словами, умение количественно обработать материалы, а иногда и графически наглядно их представить.

В соответствии с этим в пособии как бы две главных темы: получение научного результата и его представление.

В центре внимания книги — филология, и в частности лексика, грамматика и стилистика английского языка и некоторые общие вопросы прагмалингвистики и семантики. Вместе с тем в каждой научной области есть много вопросов, общих для науки и научного творчества вообще, их предстоит также учитывать.

Изложение иллюстрируется в основном материалом английского языка, но это отнюдь не значит, что книга полезна только для студентов английских отделений. Она предназначена для лингвистов вообще. Предполагается, что филолог со знанием только одного языка — не филолог.

Творческая исследовательская работа студентов должна стать органической частью всего учебного процесса, а это предполагает необходимость единой системы ее реализации. Избранная на первом курсе тема может быть затем продолжена на спецсеминаре и подсказать тему курсовой или даже дипломной работы. Поэтому, хотя лекции по «Основам научных исследований» читаются студентам старших курсов, в настоящем пособии учтены и интересы студентов, делающих первые шаги в науке, с тем чтобы помочь им и далее в написании курсовых и дипломных работ. Подобные лекции охотно посещаются аспирантами и слушателями ФПК, и, по их словам, оказываются и им полезными.

Содержание примеров соотносится с программами ряда дисциплин, читаемых на факультетах иностранных языков, таких, как введение в языкознание, лексикология, теоретическая грамматика и ряд других.

Курс «Основы научных исследований» читается еще не во всех вузах и находится в процессе становления, но представленная в нем наука имеет уже давнюю историю. Существует науковедение, изучающее научное творчество и историю науки. В наше время возникла информатика, изучающая структуру и общие свойства научной информации. Много точек соприкосновения имеет науковедение с теорией библиотечного дела и другими дисциплинами.

Настоящее пособие является только введением в большой мир совершенствования и формирования интеллектуальных умений, теорию и практику управления познавательной деятельностью, развитие творческой инициативы и улучшение организации умственного труда, который не может иметь пределов, как не имеет вообще пределов человеческое познание мира.

В свете последних решений о перестройке высшей школы содержание настоящего курса и данного учебного пособия особенно актуально, ибо здесь поставлена задача обеспечить повышение эффективности вузовской науки, существенный подъем теоретического уровня и актуальности выполняемых в вузах исследований, обеспечения опережающего развития фундаментальных изысканий, постоянного обогащения содержания учебных курсов новейшими достижениями науки.

Предусмотренное этими решениями формирование специалистов широкого профиля, сочетающих глубокие фундаментальные знания основ наук, высокую общую культуру, серьезную практическую подготовку, хорошее знание иностранного языка, богатую эрудицию и высокие личностные качества, требует самого пристального внимания к самостоятельной научной работе, которую желательно сочетать с работой по индивидуальным планам.

Мы будем часто обращаться к методике научных исследований диссертационного характера, поскольку в этой сфере подготовки молодых ученых уже накоплен большой опыт, который полезно перенести и на студенческие самостоятельные работы. Уровень работы не должен снижаться от того, что ее выполняет молодой человек. Упрощенчество, предложенное в вузе, снижает научный потенциал человека на всю жизнь.

Уровень научно-исследовательской деятельности в высшей школе, развитие навыков самостоятельного творческого мышления являются важным фактором, определяющим интеллектуальный научный потенциал и высоту духовного роста страны, компетентность ее кадров, и обеспечивают возможность и потребность для постоянного самостоятельного обновления своих знаний и быструю адаптацию в дальнейшем к изменяющимся условиям деятельности и развитию нового в науке. Молодые специалисты должны стать компетентными проводниками этого нового мышления.

Автор

Глава I. ИНТЕГРАЦИЯ В НАУКЕ. МЕТОДОЛОГИЯ—МЕТОД—МЕТОДИКА. НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 1. Интеграция и дифференциация в науке

Задачи гуманитарных наук, связанные с требованиями переживаемой эпохи, очень ответственны и разнообразны. Главной из них является концентрация внимания на всестороннем развитии гуманной и творческой личности, на обогащении внутренней духовной жизни человека на основе научного наследия, уже накопленного человечеством.

Состояние любой науки в каждый момент ее истории определяется теми задачами, которые ставит перед ней общество, ее собственным уровнем и предшествующей историей, а также и состоянием других наук, как смежных, так и не смежных с ней.

Развитие науки происходит по двум противоположным и в то же время взаимосвязанным направлениям: по пути внутренней дифференциации и по пути интеграции с другими науками. Оба процесса могут происходить одновременно.

В каждую эпоху существуют какие-то общие тенденции мысли во всех областях познания. Такими общими стилями мышления могут быть, например, историзм, тенденция к математизации, рассмотрению структуры объектов, системный, функциональный или антропоцентрический подход или те или иные их сочетания. Эти общие тенденции в стиле мышления называют иногда парадигмами, подразумевая под этим совокупность общих идей и даже философских установок. Термин этот был сначала введен применительно к физике Т. Куном. Ю.С. Степанов применяет этот термин к философии языка. Он понимает под парадигмой взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве (Степанов, 1985). В грамматике этот термин закрепился уже давно в смысле «система форм словоизменения» (парадигма склонения или парадигма спряжения). Употребление этого термина в указанном выше расширительном смысле мотивировано его семантическими связями с такими словами, как «модель», «тип», «образец».

В настоящее время господствующей парадигмой, т.е. господствующим стилем мышления, следует, пожалуй, признать функционально-системный. Все большее признание получает понимание адаптивности как самоорганизации систем и антропоцентризм.

Понимание функций языковых элементов как их целевого назначения и роли в той системе, в которой они работают и которая

образует их среду, присуще функциональной грамматике, современной семасиологии, прагмалингвистике, теории текста и другим наукам о языке. Начало ему было положено Пражской лингвистической школой и особенно Н.С. Трубецким (1890–1938) (Трубецкой, 1987).

Такой подход требует изучения функций языковых элементов в их взаимодействии с условиями и задачами общения, т.е. предполагает диалектику функции и системы. Системный и функциональный подходы дополняют друг друга, объединяясь в подходе к языку как к адаптивной системе.

Важно учесть, что подобное взаимодействие имеет место независимо от масштабов объекта исследования. Оно остается справедливым и при компонентном анализе, где элементом является тема, а средой – семный состав рассматриваемого значения, и в равной степени для рассмотрения взаимодействия грамматических категорий с их средой, как это имеет место в работах А.В. Бондарко (Бондарко, 1984). Среда может быть синтагматической, как при контекстологическом анализе, когда актуализируемое слово сопоставляется с максимумом контекстуальных указателей, от которых зависит его семантическое осложнение в художественном тексте. Среда будет синтагматической и при прагматическом анализе функции слова в той или иной экстралингвистической конкретной ситуации. При анализе статуса слова во всей лексической системе языка или в какой-нибудь ее части говорят уже об отношениях ассоциативного характера, о парадигматике единиц, объединенных в памяти и связанных отношениями противопоставления.

Интеграция наук весьма характерна для нашего времени и объединяет прежде далекие дисциплины. Давно замечено, что самые интересные и принципиально новые результаты получаются именно на стыках наук. Так из объединения технических, физических и естественных наук возникли кибернетика и бионика. Так, в дальнейшем рядом с кибернетикой технической возникли кибернетики медицинская, экономическая, биологическая и т.д.

Результативность научных исследований требует не только анализа, но и синтеза, и комплексное рассмотрение объектов стало характерной чертой современной науки. Психолингвистика развивается на стыке психологии и лингвистики. Стилистика декодирования – на стыке поэтики, лингвистики и теории информации. Объединение стилистики, синтаксиса и прагматики дало теорию текста. Последняя развивается чрезвычайно интенсивно. Для получения общего представления о ней следует рекомендовать работы О.И. Москальской (Москальская, 1981) и З.Я. Тураевой (Тураева,

1986). Очень заметное место получила в работах Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой и других московских ученых интеграция с логикой. В числе разрабатываемых в этом русле проблем можно назвать проблемы референции и предикации, дейксиса, природы собственных имен, причинных отношений и другие проблемы. Большая часть этих вопросов давно занимала внимание логиков и философов, а теперь завоевала себе место и в лингвистике. Наглядным примером интеграции в этой области является теория референции, породившая целое направление семантических исследований, изучающих отношение включенного в речь имени к объектам действительности (*Новое в зарубежной лингвистике, 1982*).

Развитие науки за счет дифференциации приводит к росту новых разветвлений внутри уже существующих дисциплин. В рамках синтаксиса, например, возникли семантический синтаксис, коммуникативный, или прагматический, синтаксис, функциональный синтаксис. За счет проникновения в тонкую структуру объекта возникла теория номинации. Развивается и разветвляется стилистика, которая включает теперь функциональную лингвистилистику, литературоведческую стилистику, поэтику, стилистику декодирования и очень близкую, но не тождественную ей, теорию интерпретации текста.

Темпы развития той или иной отрасли науки определяются практическими задачами. Развитие культуры и межнационального общения требует, например, интенсификации лексикографических работ, а следовательно, и теории и практики лексикографии. Развитие нужд технического перевода определяет интенсивное развитие терминоведения и создание технических словарей. Соответственно, бурный размах приобретает и теория перевода как художественного, так и технического.

Большое развитие в связи с политической обстановкой в мире (в результате национального и территориального разобщения) получили исследования территориального варьирования языков. Изучаются множество вариантов английского языка, испанский язык в Европе и Южной Америке.

§ 2. Методология – Метод – Методика

В научном исследовании необходимо различать методологию, метод и методику.

Под **методом** понимается способ нахождения нового материала, т.е. совокупность приемов наблюдения, эксперимента и описания.

Метод – это подход к изучаемому материалу, его систематизация и теоретическое осмысление (теория).

Методология – применение к процессу познания принципов мировоззрения, т.е. соотнесение полученных данных с другими фундаментальными науками и в первую очередь с философией.

Внутри советской лингвистики при единстве методологии, поскольку основой для нее являлась философия диалектического материализма, и особенно ленинская теория отражения и теория связи языка и общества, возможны разные методы и разные направления, зависящие от объекта исследования. Внутри каждого метода различают частные методики, но последние жесткой связи с методами не имеют и могут быть или не быть общими у разных методов. Разграничение методологии, метода и методики подробно освещено в работах Ю.С. Степанова (*Степанов, 1975*).

Для того чтобы показать отсутствие жесткой связи между методом и разработанными в нем методиками, можно привести в пример структурализм. Как метод он почти перестал существовать в нашей стране, но многие созданные в нем методики сохранились, поскольку они обеспечивают последовательную объективность описания и дают материал, удобно поддающийся количественной обработке. Так, процедура дистрибутивного анализа, т.е. установление возможной сочетаемости изучаемого элемента, прочно заняла свое место в работах лексикологов, фонетистов и специалистов по морфологическому анализу.

Связь метода и аспекта, в котором рассматривается язык, определяет и направление исследования. Попытаемся дать некоторый общий их обзор в пределах последнего столетия. В любые его десятилетия можно было найти множество различных школ и направлений, работающих одновременно, хотя возникновение их относится к разным периодам и источникам.

Начнем наш обзор со сравнительно позднего периода, поскольку обзор истории языкознания в целом не может входить в нашу задачу. Для этой цели существуют соответствующие учебники. Мы же ограничимся тем, что скажем несколько слов о структурализме, семиотике и прагматике.

§ 3. Направления в современном языкознании

В XX веке в целом ряде наук – математике, физике, химии, физиологии, психологии, биологии и языкознании – наблюдается

тенденция к изучению структур и составляющих их элементов. Под структурой понимали целое, состоящее из взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов. (На разграничении структуры и системы мы остановимся позднее, см. гл. II.) Возникает структурная лингвистика. У истоков разных направлений структурализма стояли: в Швейцарии – Фердинанд де Соссюр, в Праге – замечательный русский ученый Н.С. Трубецкой, в Копенгагене – Луи Ельмслев, в США – Э. Сепир, Л. Блумфилд, а позже Ц. Харрис. Роль Н.С. Трубецкого в истории науки велика не только потому, что он был одним из основоположников структурализма, но прежде всего потому, что наука обязана ему теорией оппозиций, которая не только не потеряла своего значения до наших дней, но, вероятно, сохранит свой эвристический потенциал и в будущем (*Трубецкой, 1987*).

В 60-х годах большой шум во всем мире производит структурная генеративная грамматика Н. Хомского, но к концу 70-х годов несостоятельность ее чисто формального и не основанного на фактах языка подхода становится ясной даже самому Хомскому и наука возвращается к семантике и к учету влияния на язык экстралингвистических факторов.

Никакая наука не развивается равномерно, но развитие семасиологии знало особенно резкие взлеты и падения. После периода становления в конце XIX и начале XX века, т.е. после работ К. Райзига, И. Бреалья, Г. Пауля, а у нас М.М. Покровского, семасиология утвердилась как самостоятельная наука. Но некоторый период поступательного движения скоро сменился антитезисом – семасиологию объявляли ненаучной, субъективной и не имеющей отношения к лингвистике.

Она возродилась, когда на смену формальной односторонности структурализма пришло системное направление, о котором мы уже упоминали в начале этой главы и которому будет посвящена специально глава вторая.

Подъем семасиологии в значительной степени определялся важными задачами, которые ставят перед исследователями значения многие отрасли прикладной лингвистики.

Для 70-х годов характерна множественность направлений: развиваются социолингвистика, психолингвистика, теория речевых актов.

В 80-х годах все больше внимания завоевывает семиотика как наука об общих свойствах знаковых систем, состоящая из трех частей: семантики, изучающей отношения знаков к обозначаемому, синтактики, рассматривающей отношения знаков между собой, и

прагматики, исследующей отношения знаков и тех, кто ими пользуется. Это деление немедленно находит отражение в лингвистике.

Остановимся подробнее на последней, поскольку она привлекает сейчас максимум внимания. Прагматика изучает функционирование знаков в реальных процессах коммуникации (*Новое в зарубежной лингвистике, 1985*). Коммуникация есть межличностная деятельность, состоящая в производстве и восприятии языковых знаков с целью передачи информации. Возникает и направление, называемое коммуникативной лингвистикой.

Провести четкую грань между семантикой, прагматикой и коммуникативной лингвистикой довольно затруднительно. Все они отражают антропоцентризм, присущий современной науке. Все широко применяют экстралингвистические данные. Все должны учитывать контекст ситуации и имеют много общего в проблематике: все занимаются проблемами модальности, оценки, референции, импликации. Коммуникативная лингвистика рассматривает ситуации общения, его ролевую структуру, правила сотрудничества, речевые акты, речевой этикет, словом, изучает язык как средство социального общения. Многие из этих вопросов, хотя и под другими названиями, давно изучались учеными в нашей стране.

Прагмалингвистика развивалась настолько интенсивно, что уже к концу 70-х годов за рубежом было опубликовано несколько объемистых библиографий по прагматике. В нашей стране тоже было опубликовано немало трудов, специально посвященных ее проблемам или, так или иначе, касавшихся их. Особенно много ценного сделано по проблеме субъективной оценки Е.М. Вольф.

Важно заметить, что если для структурализма было характерно стремление рассматривать язык в стороне от экстралингвистических явлений, в изоляции от них, если структуралисты не стремились выявить в языке нечто новое, а лишь дать строго объективные методы описания уже известного, то, после того как была восстановлена в правах семантика и поддержана прагматикой, лингвисты учитывают, что речь неотделима от форм жизни и входит как неотъемлемая часть в человеческую деятельность, что и позволяет выявить новые стороны в механизмах языка и речи.

Современная прагматика стала сферой совместной деятельности лингвистов, психологов, социологов, философов и логиков, поскольку прагматические значения связывают языковые средства с ситуацией, с состоянием и намерениями говорящих, с направленностью речевого акта, с правилами вежливости (лингвист Дж. Лич), с правилами сотрудничества (философ Г. Грайс), с паралингвисти-

ческими средствами, такими, как жесты и мимика (психолог М. Арджайл).

Как было сказано выше, ход развития науки и появление в ней новых направлений подготавливаются, с одной стороны, задачами, которые ставит перед наукой общество, а с другой стороны, достижениями внутри самой этой науки или в смежных областях. Внутринаучными стимулами развития прагмалингвистики, обеспечившими ее научную базу, оказалась теория субъективности в языке Э. Бенвениста, переключившая внимание на субъективную часть высказывания, на предложения мнения и на предшествующие выражению сообщения, т.е. пропозиции, пропозициональную установку, связывающую предметно-логическую часть высказывания с личностью говорящего. С этим связаны положения теории референции, теории импликатур и теории импликации. Все эти концепции были, в свою очередь, подготовлены представленными в работах разных авторов учением об эгоцентрических словах (термин предложен Б. Расселом, но сама теория развита Э. Бенвенистом и Ю.С. Степановым), о дейксисе, об оценочных предикатах и перформативах. Попутно следует упомянуть и понятие недескриптивных слов, к которым принято относить модальные частицы, кванторы и логические связи.

Дейксис, устанавливающий связь знаков с внешним миром, мотивы и интенции говорящих, ролевая структура, структура коммуникативных ситуаций — все эти изучаемые прагматикой категории и понятия делают прагматику личностно-ориентированной, т.е. антропоцентрической лингвистикой и связывают речевую деятельность со всеми другими видами человеческой деятельности.

Другое актуальное направление современных исследований в какой-то мере контрастирует с только что рассмотренной нами прагматикой в том смысле, что оно существует очень давно и никаких серьезных кризисов не переживало, но актуальность свою сохранило. Это направление только изменило свое название во второй половине нашего века. Оно теперь называется контрастивной лингвистикой, а раньше называлось — сопоставительной. Значимость работ в этом направлении определяется их эффективностью для преподавания языков: родного или иностранного или русского в национальных школах. Главное место в контрастивной лингвистике занимают работы по сравнению двух каких-нибудь языков. Существует немало работ по сравнению английского языка с каким-нибудь другим (русским, немецким, румынским, венгерским) или по сравнению русского языка с узбекским, казахским и други-

ми языками народов Советского Союза. Большую работу в этом направлении проводят фонетисты Л.Р. Зиндер, Л.В. Бондарко.

В области контрастивной грамматики внимание исследователей привлекают те черты сопоставляемых языков, которые их особенно различают. Например, при сравнении английского языка с другими исследователи обращали особое внимание на герундиальные, инфинитивные и причастные обороты.

Сопоставительный анализ разного рода лексических группировок (синонимов, антонимов, омонимов), а также изучение безэквивалентной лексики имеет большое значение для составителей разного типа двуязычных словарей.

Подробному изложению проблематики контрастивной лингвистики и анализу ее места среди других разделов науки о языке посвящена книга В.Н. Ярцевой (*Ярцева, 1981*).

Лев Владимирович Щерба (1880 — 1944) придавал сопоставительному изучению языков очень большое значение. Он считал его необходимым не только для лучшего проникновения в иностранный язык, но и для более глубокого понимания родного. Этот замечательный ученый интересовался таким широким кругом проблем, что их перечисление придется специально дать позже, а здесь достаточно подчеркнуть его мысль о том, что для научного описания изучаемого языка необходимо сравнение полученных результатов с результатами столь же тщательно выполненного описания родного. Занимаясь методикой преподавания языков, он также отмечал большую важность проблемы интерференции родного языка при изучении иностранного (*Щерба, 1974*).

Интерес лингвистов к проблеме исторического развития языка и к связи его истории с историей народа — носителя языка — и с его культурой то значительно возрастает, то ослабевает с появлением новых модных течений, но полностью не исчезает. В настоящее время вопросы связи языка и общества вновь привлекают к себе внимание. Многие лингвисты осознают необходимость нового сближения языкознания с общественными науками и описания лексических групп, номинирующих важные для общественного сознания понятия. Для этого две причины. Во-первых, научное описание самой системы языка нуждается в помощи историзма в связи с объяснительной силой последнего. Без знания истории народа, истории его материальной культуры описание языка превратится в некое собрание непонятных фактов. Понять и объяснить вариативность языка можно только не отрывая синхронию от диахронии.

Во-вторых, что еще важнее, в этом подходе можно собрать материал с большим воспитательным потенциалом, что очень важно для преподавания родного и иностранного языков в школе. Ведь сама сущность филологии как науки о важнейшем средстве человеческого общения — языке состоит в том, чтобы изучить и описать передачу из поколения в поколение культуры, исторического опыта и традиций народа. Вместе с историей она воплощает память народа.

Так, мы подошли к целой группе направлений в лингвистике, которую можно объединить общим термином «прикладная лингвистика». Разные виды прикладной лингвистики направлены на непосредственное выполнение задач, которые ставит перед наукой практика. В прикладную лингвистику традиционно входят теоретические основы преподавания родного и иностранного языков, лексикография, терминоведение, практическая стилистика. Последнее время, однако, многие понимают прикладную лингвистику более узко как инженерную лингвистику, теорию создания машинных языков для автоматизированного поиска информации, машинного перевода и для автоматизации процессов управления. Прикладная лингвистика в этом понимании занята созданием формального аппарата для описания естественных и порождения искусственных языков. В таких математических моделях языка используются как лингвистические понятия и концепции, так и некоторые математические средства: теоретико-множественные, теоретико-вероятностные, статистические и другие.

Историю направлений и теорий не следует воспринимать как смену неоправдавших себя концепций, из которых каждая последующая опровергает предыдущую. Конечно, некоторые взгляды отбрасываются как неподтвердившиеся практикой. Но в основном наука по законам диалектики развивается по спирали. Знания, полученные в один из прошлых периодов, не исчезают бесследно, они отходят на второй план и на новом витке спирали могут возродиться в новом качестве. Интересно в этом отношении обратить внимание на мнение Н.Ю. Бокадоровой (*Бокадорова, 1986*) о необходимости преодолеть «модерноцентристский», как она его называет, взгляд на развитие языкознания, когда прошлое либо вообще отбрасывается и считается «донаучным», либо в нем ценится только то, что похоже на современное.

К сожалению, в последние десятилетия в наших публикациях появилось немало работ, авторы которых, плохо зная труды наших ученых настоящего и недавнего прошлого, некритически использовали зарубежные, особенно американские работы. А западные

ученые, по иронии судьбы, только в самое последнее время познакомились с работами таких ученых, как М.М. Бахтин, Е.Д. Поливанов и др.

Знание истории науки о языке лингвисту абсолютно необходимо. Изучая историю своей науки, начинающий ученый проходит ценную школу научного мышления. Кроме того, без этого знания он не в состоянии правильно оценить то, что он делает, и рискует изобрести велосипед.

Успешное исследование языка невозможно без знания той роли, которую сыграли в науке о языке наши ученые. Особое место в освещении истории русской науки о языке принадлежит академику В.В. Виноградову. В его трудах полно и подробно освещена история русского языкознания, начиная со второй половины XVIII века и до середины XX.

Нашу науку о языке неоднократно отбрасывали назад «экстралингвистические» причины, губившие лучших ее представителей или мешавшие им. Выдающиеся ученые Н.С. Трубецкой, С.О. Карцевский, Р.О. Якобсон вынуждены были покинуть родину. Е.Д. Поливанов был расстрелян в 1937 году и посмертно реабилитирован в 1963. Академики Д.С. Лихачев и В.В. Виноградов побывали в ссылке на Севере.

В годы, когда апостолом марксизма в языкознании стал академик Н.Я. Марр с его «новым учением о языке», все, что было ранее достигнуто русской наукой о языке, клеймилось как буржуазное, вредное, идеалистическое, а единственно материалистической теорией языка была признана яфетическая теория Марра. Ученые, не признававшие этой теории, исключались из научной и педагогической деятельности в высшей школе и не могли публиковать свои работы. Разгром языковедения с этих позиций происходил в 40-х годах уже после смерти в 1934 году самого Марра.

В 1950 году Сталин положил конец марризму своими статьями о марксизме в языкознании. Теперь уже из университетов стали выгонять сторонников Марра. Наука встала в некотором роде с головы на ноги, потому что изложенное в статьях Сталина с подачи академиков А.С. Чикобава и В.В. Виноградова было, хотя и не лишено ошибок и не ново, но осмысленно. Вместе с тем, это был для науки культ личности в прямом смысле этого слова: филологи приняли все, что было написано в этих статьях, за истину в последней инстанции, покорно превознося Сталина как корифея своей науки. Проблематика подгонялась под темы, упомянутые в статьях. Все языковедческие статьи, лекции и доклады должны были начи-

наться со слов: «Как учит в своих исторических трудах по языкознанию товарищ Сталин...».

Только после смерти Сталина стал возможен некоторый плюрализм теорий. Новинкой стали структурализм, математическая лингвистика и другие направления, о которых речь пойдет ниже.

Назначение этой главы состояло в том, чтобы дать студенту самое общее представление о современном положении дел в нашей науке о языке, помочь его общей ориентировке.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др.; Под ред. Ю.С. Степанова. — М., 1974.
- Бокадорова Н.Ю.* Проблемы историологии науки о языке // *Вопр. языкознания.* — 1986. — № 6. — С. 68 — 75.
- Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. — Л., 1984.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
- Лингвистическая прагматика* // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1985. — Вып. 16.
- Логика и лингвистика* // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1982. — Вып. 13.
- Москальская О.И.* Грамматика текста. — М., 1981.
- Соотношение частнонаучных методов и методологии в филологической науке* / Отв. ред.: Э.Ф. Володин, В.П. Нерознак. — М., 1986.
- Степанов Ю.С.* В трехмерном пространстве языка. — М., 1985.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. — М., 1975.
- Трубецкой Н.С.* Избранные труды по филологии. — М., 1987.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. — М., 1986.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974.
- Ярцева В.Н.* Контрастивная грамматика. — М., 1981.

Осмысленность эволюции
языка прямо вытекает из того,
что Язык есть система.

(Н.С. Трубецкой)

Глава II. СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД

§ 1. История системного подхода

Как уже было сказано в первой главе, в разные периоды развития науки существуют какие-то общие тенденции мышления, которые находят свое отражение во всех науках. Для современного этапа во всех отраслях знания характерен функционально-системный подход к изучаемым явлениям. Начинает пробивать себе дорогу и подход антропоцентрический, но к нему мы обратимся позже, а эту главу посвятим разным концепциям системы.

Определений системы существует очень много. Мы будем понимать под системой упорядоченную и внутренне организованную совокупность (множество) взаимосвязанных и взаимодействующих объектов. Элементы системы образуют целостный комплекс, подчинены отношениям иерархии, могут, в свою очередь, рассматриваться как подсистемы и функционируют во взаимодействии с внешней средой.

Возникновение системного подхода в науке относится к XIX и началу XX века.

Так, Чарлз Дарвин (1809 — 1882) показал в своей теории эволюции органического мира, что весь органический мир — единое целое, состоящее из систематических групп, связанных многими отношениями. Д.И. Менделеев (1834 — 1907) открыл периодический закон химических элементов (1869), на основе которого им была создана периодическая система, объединяющая в одно целое все известные химические элементы и позволяющая предсказать еще неизвестные.

С тех пор в науке, технике, искусстве идея взаимосвязанности всего существующего развивалась все шире.

Общая теория систем возникла в XX веке. Она абстрагируется от физической природы объектов, не претендует на то, чтобы заменить собой отдельные науки, но изучает общие вопросы структуры систем, управления и передачи информации, присущие разным наукам, акцентируя внимание на целостности и интегративных свойствах объектов и связях внутри систем и с внешней средой.

В теории информации понятие среды входит в понятие системы уже по определению. Там принято считать, что множество об-

разует систему, если связи определенного вида между элементами этого множества (внутренние связи) преобладают над аналогичного вида связями между элементами этого множества и окружающей средой (внешние связи) (Буза, 1968).

Первыми лингвистами, положившими в основу описания языка и языковых элементов понимание системных отношений, были И.А. Бодуэн де Куртенэ (1845 – 1929) и Ф. де Соссюр (1857 – 1913), последний писал, «... Язык есть система, элементы которой образуют целое, а значимость одного элемента проистекает только от одновременного наличия прочих» (Соссюр, 1977: 147).

Соссюр разделил и противопоставил два возможных аспекта изучения языка: синхронический и диахронический. Он считал, что изучить системные отношения в языке можно лишь при синхронном подходе, поскольку время разрушает системные связи. Соссюр, как известно, сравнивал язык с шахматами, где важны правила и значимость каждой фигуры, а материал, из которого фигуры сделаны, значения не имеет.

Позднейшие ученые от этого жесткого деления синхронии и диахронии отказались. Выдающийся французский ученый Густав Гийом (1883 – 1960)*, считая, что язык одновременно является и наследием прошлого и результатом преобразования его человеком в процессе познавательной работы, предлагал изучать и синхронию в развитии. Теорию Гийома называют психосистематикой. Изменения могут происходить как внутри системы, без изменения ее механизмов, так могут вызвать и изменения в самом механизме системы, для объяснения которых необходимо обратиться к истории. Такой подход имеет то преимущество, что позволяет не только описать, но и объяснить факты языка (Guillaume, 1984). История языка тоже должна быть историей его системы, а не отдельных фактов.

Неоднозначно решается вопрос и о моносистемности или полисистемности языка. Одни ученые рассматривают язык как систему систем. Такой точки зрения придерживался, например, А. Мейе (1866 – 1936), основоположник французской социологической лингвистики.

Глава Лондонской лингвистической школы Джон Ферс (1890 – 1960) рассматривает лингвистику как системную, но отрицает существование единой суперсистемы и признает язык полисистемным образованием. Он придает большое значение рассмотре-

нию частных систем, таких, например, как поле локативности или падежная система. Постоянно учитывается влияние внешних факторов – экстралингвистического контекста культуры и социальной среды (Firth, 1957).

Его ученик М.А.К. Халлидей, развивая его учение, создал солидную и подробно обоснованную фактическим материалом общую лингвистическую теорию, которую называют системной или системно-функциональной (Halliday, 1984).

В современной советской лингвистике существует довольно много определений системы языка, и через множество разных определений нелегко проникнуть в сущность множества подходов.

Большинство определений сводится к тому, что язык есть семиотическая функциональная система, служащая обмену информацией и хранению информации в человеческом обществе и человеческом сознании, что язык есть система систем, внутри которой различают фонетическую, морфологическую, лексическую, синтаксическую и другие подсистемы. Но существуют и другие точки зрения.

Каждая отрасль лингвистики уточняет общее понятие системы применительно к своим задачам.

Специалисты по функциональной стилистике, например, выделяют в языке систему функциональных стилей, подсистемы которой образованы отдельными функциональными стилями, такими, например, как научный, разговорный и т.п. Каждая из таких подсистем обладает своими специфическими особенностями в лексике (а иногда и в фонетике), преобладающими синтаксическими конструкциями, которые обусловлены спецификой общения в той или иной среде, той или иной сфере человеческой деятельности. Следует, однако, иметь в виду, что эта специфика не образует непродолимых границ между стилями. Наряду с типичными характерными элементами стиля встречаются и нейтральные и периферийные, возможные в нескольких стилях.

Представители теории текста считают системой каждый отдельный текст. Система текста объединяется коммуникативной целостностью, логическими, грамматическими и семантическими связями. Трактую текст как систему, представители лингвистики текста не делают разницы между множеством и единством, т.е. считают, что система может быть как множеством, так и единством.

Грамматисты считают подсистемами языка отдельные грамматические категории: категорию числа или категорию сравнения. Например, категория числа функционирует в среде грамматических разрядов исчисляемых и неисчисляемых существительных,

* Подробнее о Г. Гийоме и его трудах смотрите в работах Л.М. Скредлиной.

категория же степеней сравнения рассматривается как система, действующая в среде разрядов качественных и относительных прилагательных.

Для лексикологов лексика языка — знаковая система особого рода. Современная лексикология стремится к комплексному рассмотрению лексической системы и к показу ее связи с познавательной и практической деятельностью человека, с переживаемыми им эмоциями, а также с другими семиотическими системами, такими, например, как паралингвизмы (жесты, мимика, взгляд и т.д.), с кодами обычаев и этикета, с разнообразными графическими средствами, с искусством.

Слово существует во всех трех измерениях, присущих языку как семиотической системе: в семантике (отношение знака к внеязыковой действительности), синтактике (отношения знаков между собой) и прагматике (отношение знаков к тем, кто ими пользуется).

В зависимости от того, какая система или подсистема языка рассматривается, а при выборе темы работы важно четко себе представлять, какая из возможных в языке систем имеется в виду, решается и вопрос об ее элементах. Слово, например, является не только элементом лексико-семантической системы языка, но и элементом всей системы языка в целом. Морфема — элемент системы словообразования и словоизменения. Фонема — элемент звуковой системы языка.

Необходимо также решить вопрос о том, будут ли элементы рассматриваться как подсистемы внутри исходной или как единицы, тонкая структура которых рассматриваться не будет.

§ 2. Адаптивные функциональные системы. Среда

Теория систем не стоит на месте. Рассмотрение лексики как системы жестко детерминированной сменилось представлением о том, что это стохастическая вероятностная система. Теперь это представление вытесняется теорией адаптивных функциональных систем в сочетании с использованием в лингвистике теории множеств с размытыми границами.

Для периода детерминизма характерны гипотезы о полноте получаемой в системе информации, представление о том, что каждое последующее состояние системы полностью определяется предыдущим и сходными воздействиями, которые исследователю известны. Последующие состояния могут, таким образом, быть полностью предсказаны на основании того, что известно о предыдущем.

Вероятностный, или стохастический, подход опирается на теорию вероятностей — раздел математики, изучающий закономерности случайных явлений. Реально наблюдаемое явление относится к случайным, если при данных условиях опыта его заранее предугадать нельзя, и при многократных повторениях опыта оно тоже может проявиться по-разному, но с помощью математической статистики можно определить его частоту, а следовательно, и вероятность. Приходится, однако, учитывать, что статистические закономерности хорошо устанавливаются в языке на его низших уровнях, т.е. на уровне звуков и букв, и мало что дают на более высоких уровнях, где даже трудно определить и выбрать подлежащие счету единицы. Поэтому даже те семасиологи, которые декларировали вероятностный подход как принцип исследования, сравнительно мало пользовались им для обнаружения новых результатов.

Следует учесть также, что при помощи стохастического моделирования мы получаем собственно не сам объект, а его модель, неизбежно очень приближительную, поскольку таким способом не учитывается адаптация кода под действием сообщения, которая играет важную роль при передаче новой информации.

Адаптация состоит в частичном целесообразном изменении кода и нарушений, наложенных на код ограничений. Такое нарушение неизбежно при передаче новой научной или поэтической информации.

Под адаптивной системой понимается самонастраивающаяся система, приспособляющаяся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры, причем под структурой понимается совокупность отношений между элементами систем. Поводом и основой для адаптации является нарушение равновесия между состоянием системы — ее составом и устройством, с одной стороны, и теми задачами, которые она должна выполнять в процессе своего функционирования, с другой.

О том, что система формирует свои свойства во взаимодействии со средой, пишут представители разных наук.

Высокая способность к адаптации является чертой, отличающей живые существа от неживой природы. Неудивительно поэтому, что самим термином «адаптация» мы обязаны Чарлзу Дарвину, а теорией, прежде всего, ему же и другим крупным физиологам. Великий Павлов (1849 — 1936) воспринимал организм как целое и объяснил, каким образом это целое непрерывно адаптируется к окружающей его среде. Решающую роль при приспособлении организма к среде играет нервная система и центр высшей нервной де-

ятельности — большие полушария головного мозга. П.К. Анохин, тоже видный физиолог, предложил свою теорию функциональных систем больше полувека тому назад и продолжает ее плодотворно развивать применительно к адаптации живых существ к окружающей среде. В основе этого механизма, как он показал, лежат мотивация, ориентировка, стимул и память.

Неудивительно, что и кибернетика родилась из сотрудничества физиологов и физиков, как об этом пишет создатель кибернетики Н. Винер.

В лингвистику представление об адаптивных, или самонастраивающихся, системах попало уже из теории управления, т.е. через кибернетику. В настоящее время, когда такое большое место в науке о языке заняли прагматика и теория языка как средства воздействия, оказалось, что эти концепции хорошо друг с другом коррелируют.

Применительно к лексической системе языка адаптивность означает, что в зависимости от ситуаций общения, изменений социальных или идеологических или этикетных норм, т.е. от среды, в которой функционирует язык, в нем могут возникать не только новые слова, но возможны и категориальные изменения.

В английском языке, например, под влиянием политической борьбы женщин за свои права из языка уходят признаки лексико-грамматической категории рода, которые там сохранялись в системе местоимений и в некоторых названиях людей. Местоимения *he* и *she* заменяются на письме местоимением *he/she*.

Полуаффикс *-man* и суффикс *-ess* англичане стараются заменить словами, в которых категория рода нейтрализована: *businessman* — *business person*, *fireman* — *fire fighter*, *stewardess* — *flight attendant*.

Система личных местоимений в английском языке, в прошлом очень четко упорядоченная по трем дифференциальным признакам: лицо (говорящий — адресант; тот, к кому обращена речь — адресат; третье лицо, не участвующее в процессе коммуникации — тот, о ком говорят), число и падеж, в процессе своего функционирования постепенно преобразуется. Помимо указанного выше изменения в местоимении для третьего лица, еще раньше под влиянием речевого этикета или норм, принятых в том или ином стиле, произошли различные транспозиции. Среда — прагматические межличностные отношения — добавляет местоимению *you* гонорифический признак, а также выводит *thou* в сферу религиозного употребления.

Признак числа становится зыбким; местоимение *we* в научном стиле может относиться к автору или редактору или к говорящему и слушателям:

As we have shown in Chapter I...

As we have seen...

You может относиться к одному собеседнику, к нескольким собеседникам или в качестве неопределенного местоимения относиться к говорящему: *You never know your luck*.

Примеры можно было бы продолжить.

Возникает вопрос: если система, адаптируясь, изменяет даже свою структуру, то не перестает ли она быть сама собой? Не превращается ли в новую, уже другую систему? Конечно, возможность перехода такого типа существует и наблюдается в истории не только языковых, но и других систем. В приведенном выше примере этого, однако, не происходит, сохраняется некий инвариант. В системе личных местоимений сохраняется отражение универсальной ситуации общения: адресант, адресат и третье лицо. Больше того, элементы системы остаются прежними, хотя и получают некоторые добавочные функции, которых ранее не имели.

Адаптация может происходить в речи под влиянием контекста, который в этом случае оказывается речевой средой, способствующей развитию семантической структуры лексической единицы. Последняя в этом случае может рассматриваться как микросистема.

Итак, в понятие функционирующей адаптивной системы входит понятие среды, в которой система функционирует и во взаимодействии с которой она формирует свои свойства.

Функциональное направление в языкознании уже в работах Пражской школы учитывало, что язык функционирует в определенной среде.

Среда может быть суперсистемой высшего порядка. Так, для системы местоимений мы можем рассматривать как среду всю языковую систему. Средой для рассмотрения какой-нибудь лексической группы может оказаться грамматическая система данного языка или типичные для этой группы синтаксические конструкции. И, наоборот, в теории семантического синтаксиса средой является лексико-семантическая система языка.

Для только что рассмотренной выше системы местоимений средой является также коммуникативный процесс, ролевая структура и ситуация общения, семейные, классовые, социальные и другие межличностные отношения, а также такие личностные качества говорящих, как пол, возраст, темперамент, воспитание. Средой в

языке может быть диалект или регистр. Упомянутое выше *thou* сохранилось не только в регистре богослужения, но и в некоторых диалектах.

В разговоре с ребенком не только в английском, но и в других языках местоимения часто заменяются более знакомыми ему полноточными словами: мать говорит ребенку не «я прошу тебя – вставай», а «мама хочет, чтобы малыш или Оля, Вася и т.д. встал».

Средой может быть и другая семиотическая система. Так, например, терминологическая система рассматривается в среде той науки, которую она обслуживает, система политической лексики – в среде той идеологии, которую она выражает.

Среду можно определить как совокупность объектов, изменение свойств которых влияет на систему, а также тех объектов, чьи свойства меняются под воздействием поведения системы. Такое определение является универсальным и подходит для определения системы в любой науке.

Но в этой связи интересно еще раз обратиться к уже упомянутому выше французскому ученому Г. Гийому, который считал, что своей изменчивостью системы, изучаемые лингвистами, отличаются от тех, с которыми имеют дело физики или химики, поскольку физические и химические явления подчиняются общим неизменным законам природы. Физик наблюдает далеко не полностью познанную, но неизменную систему, устойчивую и всеобщую, а системы языка находятся в непрерывном изменении. Нетрудно видеть, что эта точка зрения хорошо коррелирует с тем, что сказано выше об адаптивных системах.

Во множестве случаев средой для изучаемой системы может оказаться пересечение нескольких как языковых, так и экстралингвистических систем.

В истории лингвистической науки понимание среды тесно связано с учением о контексте. Вся история науки о контексте, о котором подробнее будет сказано в следующей главе, есть по существу изучение зависимости развития системы от среды. Дж. Ферс, зачинатель школы контекста, включал в это понятие и контекст ситуации, и влияние социальной системы, и культуру, т.е. учитывал экстралингвистическую среду.

В нашей стране лингвистическое толкование соотношения системы и среды привлекает к себе все большее внимание лингвистов. Хорошо известны, например, работы А.В. Бондарко. Логическим завершением сочетания концепций функции, системы и среды является идея адаптивности системы. Однако А.В. Бондарко этого

шага не делает, система у него остается статической (Бондарко, 1985).

Термином «адаптивные системы» пользуется также в своих работах московский лингвист Г.П. Мельников (Мельников, 1978). Однако подход Г.П. Мельникова существенно отличается от нашего своей близостью к структурализму, что отражается в его определении системы. Под системой он понимает не некое множество взаимосвязанных элементов, а объект, свойства структуры и субстанции которого взаимосвязаны. В таком субстанционально-структурном подходе он опирается на работы французского структуралиста Ноэля Мулу. Основное внимание в этом подходе уделяется не развитию и самооптимизации системы, а, напротив, стабилизации ее свойств, желательных и существенных для присущей данной системе «детерминанты». Под детерминантой при этом подразумевается характерная для системы тенденция. В качестве примера такой детерминанты подробно рассматривается присущая китайскому языку «лексикологичность», т.е. тенденция к однотипности минимальных значимых единиц.

Как видно из сказанного, один и тот же термин может употребляться для обозначения существенно отличающихся друг от друга концепций. Адаптивные системы в нашем примере самооптимизируются, развиваясь и приобретая новые свойства. В понимании Г.П. Мельникова они самооптимизируются в направлении стабилизации уже имеющихся у них свойств.

В дальнейшем изложении термин «адаптивная система» будет употребляться в первом понимании, т.е. как упорядоченное и внутренне организованное множество взаимосвязанных объектов, которое способно автоматически приспособливаться к условиям и среде своего функционирования, изменяя при этом не только свой состав, но и свою структуру. В плане философском системный подход опирается на положение о единстве и целостности мира и об отражении его в сознании человека в виде общих законов. Системный подход позволяет раскрыть внутренние связи той или иной совокупности явлений.

Понятие множественности частей и единства целого упоминается почти во всех описаниях систем, но применительно к адаптивным системам важно подчеркнуть целенаправленное функционирование этих систем, ведущее к оптимизации работы системы и получению желаемого результата.

Большую роль в этом процессе играют формы обратной связи. Под обратной связью понимается воздействие результатов функци-

онирования какого-либо элемента системы на характер ее дальнейшего функционирования.

Рассмотрение лексики как адаптивной системы соответствует методологическим основам советской лингвистики, т.е. пониманию сущности процесса диалектического развития языка и сознания в неразрывной связи с развитием общества. В приспособлении языка к меняющимся условиям общения имеет место диалектическое единство двух противоположных его свойств: структурно-функциональной организованности и структурно-функциональной вариативности.

Объем и сложность адаптивных систем могут быть чрезвычайно различными.

§ 3. Полевая структура и нечеткие множества

Итак, поводом и основой для адаптивных изменений в языке является нарушение равновесия между состоянием системы, с одной стороны, и теми задачами, которые возникают при ее функционировании, с другой. Адаптация происходит во взаимодействии со средой, а средой для языковых подсистем являются прежде всего другие языковые подсистемы и ситуации общения.

В качестве синонима для термина «подсистема» в лингвистической литературе часто употребляют термин «поле» — лексическое поле, лексико-семантическое поле, функционально-семантическое поле и т.д. О разного типа полях написаны тысячи страниц, и давать здесь обзор этой темы нет возможности. Ограничимся тем, что сказано о поле в словаре О.С. Ахмановой: «Поле — совокупность содержательных единиц, покрывающая определенную область человеческого опыта и образующая более или менее автономную микросистему». Тем, кто хочет ознакомиться с вопросом подробнее, рекомендуем обратиться к работам Г.С. Щура (*Щур, 1974*).

Задача данного параграфа остановиться подробнее на близком, но не тождественном понятии «полевая структура», т.е. на характеристике такой «не совсем автономной» подсистемы.

Результатом адаптивного развития языка является полевая структура всех принятых в языкознании группировок языковых единиц, будь то группировки по частям речи, по тематической принадлежности или по функционально-семантическим признакам, и их вариативность.

Полям в лингвистике называют некоторое произвольное непустое множество языковых элементов. В трактовке В.Г. Адмони поле характеризуется наличием инвентаря элементов, связанных системными отношениями. В.Г. Адмони усматривает в поле цент-

ральную часть — ядро, элементы которого обладают полным набором признаков, определяющих данную группировку, и периферию, элементы которой обладают не всеми, характерными для поля признаками, но могут иметь и признаки, присущие соседним полям. Таких соседних полей может быть несколько. Структура поля таким образом неоднородна. По мере удаления от ядра доминантные признаки ослабевают. Появляются признаки факультативные (*Адмони, 1973*).

Касаясь терминологической стороны вопроса, обратим внимание на различие между полем и классом. Рассматривая классы, исследователь допускает, что большинство объектов изучаемого множества четко распределяется по нескольким группам. Число объектов, одновременно принадлежащих к двум классам, невелико, т.е. класс представляет собой замкнутое множество. Элементы более или менее равноправны.

Поле, напротив, предполагает непрерывность связей объектов множества, причем на некоторых участках поля создаются области, в которых связи особенно интенсивны, а признаки особенно сильно выражены. Элементы могут одновременно принадлежать двум классам. Оба понятия поля и класса имеют большое эвристическое значение.

Для английского языка концепция полевой структуры разработана И.П. Ивановой на материале частей речи и словообразования (*Иванова, 1981*).

И.П. Иванова на большом конкретном материале показывает нечеткость границ между частями речи, каждая из которых содержит не только центральные, но и периферийные элементы, и эти последние по тем или иным признакам близки к другим частям речи. При описании поля важно выделить элементы ядра и периферии и установить, с какими полями возможны пересечения. То же наблюдается и в словообразовании: в английском языке поле сложных слов, с одной стороны, подходит близко к полю словосочетаний, а с другой, к аффиксальным дериватам. Так, в грамматике современного английского языка Р. Кверка и его соавторов к сложным словам отнесены не только написанные через дефис *daydream, sea-green, radio-operator*, но и совершенно аналогичные им по структуре, но написанные раздельно: *night flight, brick red, crime reporter, tear gas* (*Quirk, 1972*). Среду в данном случае образуют микросистемы того же уровня.

Возможны и разноуровневые поля. А.В. Бондарко в ряде работ описывает функционально-семантические поля (ФСП), которые определяются как системы разноуровневых средств языка (морфо-

логических, синтаксических, лексических, комбинированных и т.д.), объединенных на основе общности функции и их взаимодействия.

Понимание полевой структуры в работах В.Г. Адмони, И.П. Ивановой и Г.Г. Почепцова хорошо коррелирует с представлениями об адаптивных системах и нечетких множествах, хотя и развились они совершенно независимо от них.

Теорию нечетких множеств можно при этом рассматривать как математическое обоснование лингвистического понятия поля. Нечеткие множества или множества с размытыми границами (первоначально они метафорически назывались «пушистыми» множествами) имеют периферийные элементы, которые одновременно оказываются периферийными элементами других множеств, соседних с ними. Интересно, что американский математик Л. Заде рассматривал эти множества на лингвистическом материале (Заде, 1976). Совокупности или группы языковых элементов, объединенные какими-то общими признаками, образуют подмножества всего генерального множества единиц языка. В обычной теории множеств и в обычной логике принадлежность элемента a множеству A обозначается $a \in A$ и оценивается, если оно истинно, единицей, а если ложно, — нулем. То есть в обычной логике и теории множеств мы рассуждаем по схеме «либо — либо». Элемент a либо принадлежит множеству A , либо не принадлежит. В нечетких множествах говорят уже о степени принадлежности элемента к множеству A ($\mu(a \in A)$).

Один из путей определения принадлежности или непринадлежности элемента к тому или иному нечеткому множеству в лингвистике состоит в установлении порога членства в данном множестве (по минимуму признаков), т.е. требует задания ряда параметров. Другой путь — создание вероятностной модели изучаемого множества.

§ 4. Тезаурусный подход

Еще одним важным направлением системного изучения лексики является тезаурусный подход. «Тезаурус» в этимологическом значении — *сокровищница*, а в широком современном смысле — *вся сумма накопленных знаний*. Более узкое определение заимствуем у Ю.Н. Караулова: «Тезаурус — это всякий словарь, который в явном виде фиксирует семантические отношения между составляющими его единицами». Под это определение подходят все типы идеографических словарей и, в частности, выдержавший множество изда-

ний и очень известный словарь Роже. Что касается теории тезауруса, то она наиболее полно представлена в книге Ю.Н. Караулова «Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка» (1981), где показано, что тезаурус дает компактное и обозримое представление семантического пространства языка и системных отношений в нем и позволяет наблюдать уровневую организацию лексики (роль ключевых слов в сегментации семантических полей). Принципиальной разницы между общеязыковым и информационно-поисковым тезаурусом нет, если только в последнем сняты терминологические ограничения. В.В. Морковкин, один из наших ведущих специалистов по лексикографии, считает тезаурус лексическим инструментом информационно-поисковых систем. Он состоит из словаря терминов, между которыми указаны смысловые связи (Морковкин, 1970).

Тезаурус является приближенной интерпретацией лексической системы, ее усредненной моделью. Он позволяет представить системные отношения, наблюдать уровневую организацию лексики, т.е. является способом представления семантического пространства. В этом смысле тезаурусный метод оказывается одним из перспективных методов семантических исследований с использованием компьютеров. Язык при таком подходе рассматривается как большая система.

Большие системы, состоящие из большого числа элементов с большим числом признаков, имеют и большое число разнообразных черт и связей. Один и тот же объект должен рассматриваться с разных сторон. Функционирование больших систем невозможно свести к законам, известным нам применительно к отдельным их элементам. Примером такой большой системы в лингвистике является национальный язык. Другие науки рассматривают другие большие системы, например: в организме человека, в экономике страны и т.п. Некоторые большие и сверхбольшие системы объединяют комплексы машин, строений, коллективы людей и характеризуются возможностью непредвиденных отклонений от заданных параметров. Примерами таких сверхбольших систем могут быть современный аэропорт, система рек Сибири или любой другой водный бассейн, система здравоохранения страны и т.д. Вся культура в целом может рассматриваться как адаптивная система человека.

Исследования больших систем оказываются необходимыми для лингвистики, например, при решении практических задач лингвистического обеспечения и разработки математического аппарата для информационного поиска.

§ 5. Функции системы

В этом заключительном параграфе главы о системности подчеркнем, что всю современную науку это понятие системности пронизывает вместе с понятием функции и зависимости от процесса коммуникации. Идея зависимости языка от социального устройства общества укоренилась в науке давно, представления о значении человеческого фактора и адаптивности системы получают все большее признание в наше время.

Целые школы вводят в свое название слово «система». Такова психосистематика Густава Гийома, о которой уже говорилось выше, и такова системная лингвистика М.А.К. Халлидея, на которой мы должны еще остановиться подробнее. Теории Халлидея, которые он непрерывно развивает и совершенствует, являются продолжением концепций Дж. Ферса, для которого языковое значение было функцией в контексте и в том числе – социальном. Еще в 1948 году Ферс писал: «Язык и человеческая личность постоянно принимают участие в деятельности, направленной на сохранение образа жизни. Для лингвистической науки естественно поэтому постулировать существование языковых моделей и систем (включающих адаптацию и изменения), содержащих порядок, структуру и функцию. Такие системы находятся в действии, а следовательно и изучаться должны в действии. На этом основании лингвистика должна быть системной» (Ферс, 1957).

Слово «функция» в самом общем смысле – *назначение*. Инвариантом его многочисленных употреблений (синтаксическая функция, стилистическая функция и т.д.) является указание назначения и зависимость характера использования элемента от интегративных отношений, т.е. функция – это роль, которую те или иные классы единиц выполняют в построении единиц более высоких уровней.

Разные авторы предлагали различные классификации функций языка. За примером обратимся к работам М.А.К. Халлидея. У него своя схема трех основных функций языка: 1) концептуальной, отражающей опыт говорящего, касающейся как его собственного внутреннего мира, так и объективной внешней реальности; 2) межличностной, устанавливающей и поддерживающей социальные отношения, ролевую структуру, воздействие на слушателя, оценку и т.д., и 3) текстовой, обеспечивающей подачу информации в виде связного высказывания.

Все три функции необходимы и равноправны в коммуникации. Наряду с кратким названием «системная лингвистика» эта теория

имеет еще и довольно громоздкое название «семантически ориентированная системная функциональная грамматика».

Развивая свою теорию, Халлидей в дальнейшем все больше интегрирует ее с широкой перспективой социального функционирования. Язык рассматривается как часть социолингвистического комплекса. Включаются понятия текста, ситуации, регистра.

Понятие регистра близко, но не тождественно принятому у нас понятию функционального стиля. Регистр – вариант языка, зависящий от условий использования и от того, кто говорит. Регистр определяется как картина семантических ресурсов, которые представитель той или иной культуры ассоциирует с тем или иным типом ситуации, или как семантический потенциал, возможный в данном социальном контексте. Он зависит от статуса и ролевых отношений (*tenor*), области деятельности (*field*) и от возможных для использования выразительных средств (*mode*).

Таким образом, семантический подход Халлидея включает не только социальный контекст, но и контекст культуры. Подробно разрабатывается типология и компоненты ситуаций. Его «социальная семиотика» включает понятия коммуникативной лингвистики, прагматики, модальности, связности текста, тема-рематической организации.

Теория Халлидея имеет большой практический потенциал. Она применяется и в практике преподавания языка, и в стилистическом анализе, и при описании многих конкретных языков в единстве формы, содержания и функционирования, и в работах по применению ЭВМ для разработки искусственного интеллекта.

Итак, как можно заключить из этого довольно беглого обзора принципа системности в современной лингвистике, системный подход характерен для всей современной науки. Язык признается знаковой системой особого рода. Это – адаптивная система, приспособляющаяся к потребностям коммуникации, которую она призвана обслуживать. Для того чтобы познать ее, важно обратиться к личности и психологии ее творца и носителя – человека и учесть его роль в познавательной и коммуникативной деятельности.

Средой для адаптивной системы языка являются общественные отношения, личностные взаимодействия, психология человека, история общества. Отдельные его подсистемы, функционируя во взаимодействии, служат средой друг для друга.

При определении объекта исследования начинающему лингвисту следует рекомендовать учесть существующие концепции систем. Он должен представить себе, какую именно микросистему языка или ее элемент предполагается изучить и воздействие каких

компонентов окружающей языковой или внеязыковой среды предположено учесть, и обосновать принятые решения.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка. — Л., 1973.
- Арнольд И.В., Буга Н.Н.* Адаптивные системы и некоторые вопросы лексикологии // Системное описание лексики германских языков. — 1981. — Вып. 4. — С. 3—10.
- Бондарко А.В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопр. языкознания. — 1985. — № 1. — С. 13—23.
- Буга Н.Н.* Основы теории связи и передачи данных. — Л., 1968. — Ч. I.
- Заде Л.* Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. — М., 1976.
- Иванова И.П.* О полевой структуре частей речи в английском языке // Теория языка, методы его исследования и преподавания. — Л., 1981. — С. 125—129.
- Иванова И.П. и др.* Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. — М., 1981.
- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1981.
- Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. — М., 1978.
- Морковкин В.В.* Идеографические словари. — М., 1970.
- Скрелина Л.М.* Грамматическая синонимия. — Л., 1987.
- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. — М., 1977.
- Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. — М., 1974.
- Firth J.* Papers in linguistics, 1934-1951. — L.: Oxf. univ. press, 1958.
- Guillaume G.* Foundations for a science of language. — Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1984. — P. 58-60.
- Halliday M.A.K.* A short introduction to functional grammar. — L., 1984.
- Leech G.N.* Towards a semantic description of English. — L.: Longman, 1971.
- Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. — L.: Longman, 1976.

Глава III. МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

§ 1. Выбор методики

В первой главе было показано различие между методологией, методом и методиками (процедурами) лингвистического анализа. Методология науки о языке базируется на философии и научной парадигме. Эта методология находит свое выражение в растущем внимании к функционированию языка в практике общения людей. Современный функциональный подход к языку как к постоянно саморазвивающейся системе можно рассматривать как господствующую в науке парадигму. Другими широко известными подходами, имеющими многолетнюю историю, являются сравнительно-исторический метод и исторический метод, исследующий развитие фонетики, морфологии, синтаксиса и других аспектов конкретных языков, сопоставительный метод, описывающий сходства и различия двух или больше языков, а ныне метод автоматического анализа текстов с помощью компьютеров.

В литературе существует немало работ по методам исследования, но в большинстве случаев они описывают какой-нибудь один метод и не дают общей картины. Восполнить этот недостаток и предстоит данной главе, содержащей обзор наиболее распространенных методов и возникших в их рамках процедур, так, чтобы читатель сам мог выбрать наиболее для себя подходящие.

Выбор методики, соответствующей объекту и задачам исследования, имеет для успеха работы первостепенное значение. Для начинающего исследователя этот выбор затруднен тем, что он плохо знаком с существующими возможностями и сравнительной эффективностью процедур. Поскольку такого обзора нигде в литературе нет, начинающий тратит много времени, отыскивая, более или менее вслепую, подходящую методику, а выбор его не всегда оказывается оптимальным.

Генетически каждая методика анализа связана с каким-либо конкретным методом и конкретной лингвистической теорией. Практика, однако, показывает, что оптимальные результаты дает хорошо продуманное сочетание нескольких типов процедур таким образом, что каждая из них будет не только дополнять, но и конкретизировать остальные. Известно, например, что дистрибутивный анализ, о котором пойдет речь в одном из параграфов настоящей главы, диагностирует далеко не все различия в семантике слова и его приходится дополнять трансформационным анализом. Соче-

тание дистрибутивного и трансформационного анализа изначально заложено в анализе, который называют операционным.

Ввиду тесной связи процедур анализа с теми методами, в рамках которых они возникли, материал в дальнейшем группируется по методам, а внутри каждого метода рассматриваются наиболее характерные для него методики. Таким образом будут описаны гипотетико-дедуктивный метод, метод оппозиций, дистрибутивно-статистический анализ, валентностный анализ, компонентный анализ, контекстологический анализ, методы автоматического анализа текста.

Этому списку недостает полноты, а пополнять его можно до бесконечности, поскольку в настоящее время для большинства работ характерна комплексная методика, а новое сочетание уже известных элементов может дать качественно новый результат. Будем исходить из невозможности объять необъятное и ограничимся главными типами.

§ 2. Гипотетико-дедуктивный метод

Гипотетико-дедуктивный метод анализа следует рассмотреть первым, поскольку он нередко является в исследовании основным, включающим другие, более частные методики.

Еще в 1931 году Л.В. Щерба в статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» писал, что лингвистическое исследование должно состоять из сбора фактического языкового материала, построения гипотезы и проверки ее истинности на новых фактах (Щерба, 1974).

Напомним, что под гипотезой понимается прием познавательной деятельности человека. Гипотеза — особая форма развивающегося знания, предположение, которое объясняет наблюдаемые явления и которое, для того чтобы стать научной теорией, нуждается в проверке и доказательстве.

История науки показала, что невнимание к этому естественному ходу познания, т.е. невнимание, в частности, к фактическому материалу, оказывается причиной краха многих теорий.

Подробнее с гипотетико-дедуктивным методом можно ознакомиться по очень обстоятельной статье О.Н. Селиверстовой, которая тоже показывает большую роль Л.В. Щербы в возникновении этого типа анализа. Но она же отмечает, что название «гипотетико-дедуктивный» было позже заимствовано для этого метода из философии (Селиверстова, 1976).

В основном метод состоит из следующих этапов:

Установив критерии подлежащего исследованию объекта, исследователь собирает фактический материал. Источником материала может служить художественная или специальная литература, словари или опрос информантов.

Собранный языковой материал обобщается индуктивным путем. Индуктивным называется умозаключение, в котором мысль развивается от знания единичного и частного к знанию общего. Так создается теория в виде гипотезы. Теорией будем называть некоторую систему идей, дающую научное объяснение явлению или классу явлений. Далее гипотеза уточняется многими путями, например, сопоставлением с уже известными концепциями и выявлением противоречащего им материала.

Затем наступает этап дедукции. Так называют выведение новой мысли из признанных истинными данных чисто логическим путем. Путем дедукции получают также следствия из предложенной теории.

Заключительным этапом является проверка новой теории путем сопоставления ее с дополнительно полученными фактами. Если при этом обнаруживается отрицательный, т.е. противоречащий сделанным выводам материал, который не укладывается в рамки предложенной теории, это, при условии, что гипотеза в целом подтверждается достаточно большим числом случаев, означает необходимость введения уточнений и описания пограничных случаев. Последнее обстоятельство заслуживает серьезного внимания в связи с концепцией полевого структуры языковых явлений (см. с. 26).

В большинстве работ гипотетико-дедуктивный метод применяют в сочетании с каким-либо другим из описанных ниже методов, что обеспечивает большую надежность результатов.

Все виды лингвистического исследования включают не только наблюдение и объяснение, но и классификацию полученных фактов. В целом ряде случаев классификация исследуемых объектов, т.е. распределение их по классам по наиболее существенным признакам, составляет важную часть их изучения. Предварительная классификация может иметь место уже на начальных этапах при организации исходных данных. Нередко классификация включается в задачи работы и дается в конце ее. Большое значение классификаций в лингвистической науке обусловлено тем, что в языке приходится иметь дело с очень мощными множествами единиц.

В качестве синонима для термина «классификация» часто употребляют термин «таксономия». Но это не совсем одно и то же, так как таксономия есть теория классификации, или наука о классификациях. Но ошибка здесь невелика, поскольку в языкознании

входят многие науки, названия которых метонимически совпадают с названиями изучаемых ими предметов (грамматика, морфология, семантика и т.д.).

Большинство лингвистических классификаций строится по единому принципу деления в соответствии с двузначной логикой Аристотеля. Для того же множества можно получить и другую классификацию, если ввести другой признак деления. Несколько классификаций одного и того же множества по разным основаниям образуют комплекс классификаций. Так, например, все множество английских глаголов можно по морфологическому признаку разделить на корневые, префиксальные и сложные; по синтаксическому признаку — на переходные и непереходные; по семантическим характеристикам — выделить глаголы психического состояния и подразделить их на интеллектуальные, эмоциональные, сенсорные и т.д.

После точного установления полного набора диагностирующих признаков каждый член группы характеризуется по каждому из них.

Группы формируются на основе жестких последовательных делений.

Для отнесения к группе элемент должен обладать полным набором признаков. В противном случае он выделяется для особого описания и объяснения.

При полевой структуре полным набором признаков обладает только ядро группы.

При классификации по принципам многозначных логик исследователя интересует комбинаторика признаков, отдельные признаки могут оцениваться знаком минус. Удобным средством для такого анализа оказалась Булева алгебра и решетки Вейтча (см. с. 107).

Описание количественной таксономии дано в работах А.Я. Шайкевича. На них мы подробнее остановимся ниже (см. с. 42), а здесь заметим только, что в его методике составляются таблицы, или матрицы, где строки соответствуют объектам, а колонки — признакам. На пересечении строк и колонок отмечается наличие или отсутствие признака. Результаты обрабатываются с помощью математической статистики или простыми арифметическими подсчетами.

§ 3. Метод оппозиций

Подобно многим другим методам, метод оппозиций трудно разграничить с породившей его теорией. Поэтому содержанием

этого параграфа будет прежде всего именно теория оппозиций, а ее применение в исследовательской практике лингвистов будет изложено сравнительно кратко.

Учением об оппозициях наука обязана выдающемуся русскому филологу Н.С. Трубецкому, бывшему одним из создателей Пражской лингвистической школы. Теория оппозиций изложена Н.С. Трубецким в его ставшей классической работе применительно к фонологии. Но при дальнейшем использовании многими учеными разных стран она оказалась весьма плодотворной на всех уровнях языка (Трубецкой, 1987).

Разработанное Н.С. Трубецким учение об оппозициях имеет в своей основе известный тезис Ф. де Соссюра: «Весь лингвистический механизм вращается вокруг тождеств и различий, причем эти последние только обратная сторона первых». Однако ни сам Соссюр и никто другой до Трубецкого целостной теории оппозиций не давал.

Перечислим коротко те положения теории, которые лежат в основе метода. Прежде всего надо подчеркнуть, что не всякое различие является оппозицией. Оппозиция возможна лишь тогда, когда между ее членами имеются не только различия, но и общие признаки. Эти последние называются основанием для сравнения, а различительный признак принято называть дифференциальным признаком. Оппозицию можно определить как семантически релевантное различие по одному признаку при сходстве остальных.

Основание оппозиции может рассматриваться как некоторый абстрактный инвариант. Реальные элементы оказываются тогда вариантами, осложненными некоторыми добавочными признаками. При сравнении учитываются и рассматриваются не все признаки, а только те, которые признаны существенными для предложенной модели.

Н.С. Трубецкой различает оппозиции по отношению к системе и оппозиции между членами оппозиции. Один из более поздних исследователей, успешно соединивший теорию оппозиции с теорией графов, С. Маркус убедительно показал, что оппозиции по отношению к системе целесообразнее рассматривать как отношения между оппозициями.

Оппозиции между членами оппозиции подразделяются на привативные, или бинарные, градуальные, или ступенчатые, и эквивалентные, или равнозначные. Привативными называются оппозиции, один член которых характеризуется наличием, а другой — отсутствием дифференциального признака. Привативные оппозиции соответствуют двоичной логике исключенного третьего

(да — нет), и поэтому их называют также бинарными, а классификацию по ним — дихотомической. Бинарный принцип неоднократно подвергался критике за огрубление действительности. Но огрубление неизбежно при всяком моделировании и в любой абстракции. Кроме того, стоит учесть, что все другие типы оппозиций могут, как правило, быть сведены к бинарным. Так, например, эквивалентная оппозиция, противопоставляющая исходное, метафорическое и метонимическое значения слова, может рассматриваться как привативное противопоставление исходного и неисходных, т.е. производных значений с дальнейшим подразделением внутри этих последних.

Эквивалентными называются оппозиции, которые не являются ни отрицанием, ни утверждением какого-либо признака, а характеризуются его качественным различием. Ср. *kid ребенок* и *kid лайка*. Оба члена оппозиции являются переносными вариантами *kid козленок*, но перенос в них разного типа: в первом случае — метафорический, а во втором — метонимический.

Градуальными называются оппозиции, члены которых отличаются разной степенью, или градацией, одного и того же признака. Например, глаголы: *affect :: torment :: torture* отличаются степенью интенсивности причиненного страдания.

Примеров эквивалентных оппозиций можно привести очень много. Такой лексической эквивалентной оппозицией является, например, любой ряд стилистических синонимов: *girl :: maiden :: lass*. В этом случае основанием оппозиции является денотативное значение *молодое существо женского пола*, а стилистическая отнесенность — дифференциальным признаком. Для обозначения оппозиции принято употреблять знаки $::$ и \div . То есть приведенную выше оппозицию можно записать и так: *girl \div maiden \div lass*.

Уже упомянутый выше С. Маркус, разрабатывая теоретико-множественную теорию оппозиций, добавил к перечисленным типам еще нулевые и дизъюнктивные оппозиции. Нулевые соответствуют тождеству, а дизъюнктивные — отсутствию сходства, но эти два типа могут иметь только вспомогательное значение.

Сам Н.С. Трубецкой оппозициям между членами оппозиции противопоставлял оппозиции по отношению к системе, различая при этом оппозиции пропорциональные, изолированные и многомерные.

Пропорциональной называется оппозиция, отношение между членами которой тождественно отношению между членами какой-то другой оппозиции, так что они образуют корреляцию оппози-

ций, что позволяет выявить какую-либо языковую закономерность. Оппозицию в этом случае представляют как дробь:

$$\frac{\text{able}}{\text{unable}} = \frac{\text{afraid}}{\text{unafraid}} = \frac{\text{ashamed}}{\text{unashamed}} = \frac{\text{changed}}{\text{unchanged}} = \frac{\text{fair}}{\text{unfair}} = \frac{\text{hurt}}{\text{unhurt}},$$

что позволяет выделить во всем множестве английских прилагательных подмножество прилагательных с префиксом *un-*, означающим отсутствие признака, указанного основой. Или другой пример:

$$\frac{\text{count}}{\text{countess}} = \frac{\text{heir}}{\text{heiress}} = \frac{\text{host}}{\text{hostess}} = \frac{\text{steward}}{\text{stewardess}}.$$

Здесь корреляция состоит из слов, которые попарно отличаются тем, что первые члены пар означают лиц мужского пола, а вторые — женского, причем различие в значении морфологически выражено суффиксом *-ess*.

Если в системе нет другой пары, члены которой находились бы в таких же отношениях, рассматриваемая оппозиция считается изолированной. Например: *wit :: witness*, где именная основа первого члена, сочетаясь с суффиксом, дает имя лица, в то время как обычно суффикс *-ness* присоединяется к адъективным основам и образует абстрактные существительные: *ready :: readiness*.

Многомерными Н.С. Трубецкой, называл оппозиции, основание которых не ограничивается членами данной пары, но распространяется и на другие элементы в системе.

И сам Трубецкой, и позднейшие исследователи наметили пути использования данного метода для выделения классов языковых единиц и их множеств, над которыми возможны различные операции. Обращение к теории оппозиций особенно перспективно для раскрытия системности в языке и при составлении всякого рода классификаций (Арнольд, 1986).

Метод оппозиций хорошо сочетается почти со всеми другими методами лингвистического анализа, описанными в последующих параграфах этой главы: например с дистрибутивным, не реже чем с компонентным или контекстологическим.

§ 4. Дистрибутивный анализ

Дистрибутивный анализ генетически связан со структурализмом и занимал большое место в американской лингвистике 30-х, 40-х и 50-х годов. И хотя общие теории структурализма современ-

ной лингвистикой оставлены, техника, им созданная, оказывается полезной и в настоящее время в рамках других направлений.

В этой главе мы стараемся показать, что внутри каждого метода возможны еще отдельные частные методики – процедуры сбора материала и его обработки для получения научного результата. Эти частные методики, возникшие сначала в рамках одного конкретного метода, потом могут использоваться вместе с процедурами, первоначально возникшими в других направлениях. Это справедливо и для дистрибутивных методик.

Под дистрибуцией понимают сумму всех окружений, в которых встречается тот или иной языковой элемент (фонема, морфема, слово и т.д.), т.е. сумму всех возможных позиций элемента относительно других элементов того же уровня, его сочетаемость.

Для упорядочения описания в дистрибутивном анализе широко используются условные буквенные обозначения классов слов, из которых образуются так называемые дистрибутивные формулы. При таком кодировании слова заменяются символами, указывающими класс, к которому принадлежит слово. Так, N означает существительные и слова, которые могут стоять в позиции существительных. Для уточнения, т.е. указания лексико-грамматических разрядов существительных, можно пользоваться подстрочными индексами: N_{pers} – имя лица, N_{mass} – вещественное существительное, N_{abstr} – абстрактное существительное, V_{tr} – переходный глагол, V_{intr} – непереходный глагол, A – прилагательное, D – наречие и его эквиваленты. Не кодируются, а даются в обычной транскрипции исследуемые слова и некоторые служебные.

Кодируя все слова, кроме изучаемого, получают его дистрибутивную формулу.

Дистрибутивные формулы очень удобны для классификации собираемых примеров, позволяя показать условия вариативности значения того или иного слова:

make + N	make a coat/ a decision
make + (the) + N + V	make the machine go
make + A	make sure
make + A + N + for + N	make a good wife for him

Дистрибутивное моделирование широко применяется в лексикографии для показа функционирования слова и его сочетаемости. Первыми, кто применил такое моделирование, были представители прикладной лингвистики: известный методист Г. Пальмер, использовавший моделирование в своих подстановочных таблицах для обучения английскому языку японцев, а затем в 40-х годах не

менее известный лексикограф А.С. Хорнби в учебном словаре. Оба они применяли, однако, не формулы буквенного типа, а модели, выраженные словами. В лексикографии этот метод, или точнее прием, очень себя оправдал. Модели с формулами приводятся, например, во введении к «Англо-русскому словарю глагольных сочетаний» под редакцией Э.М. Медниковой и использованы в словарных статьях этого словаря. Применяются они и в справочнике наиболее употребительных английских словосочетаний, составителями которого являются В.И. Перебейнос, С.С. Хидекель и другие авторы.

Моделью в этом последнем справочнике называется «конструкция, отражающая грамматическую сочетаемость слов и выступающая как общее правило соединения классов слов и построения словосочетаний». Модели записываются символами грамматических классов и подклассов слов и располагаются в статье в соответствии с заданным порядком моделей каждой части речи. Употребление каждого слова определяется набором моделей. Так, для глагола make дается 6 различных моделей. Среди них, например, модель VNV – Let's make it go.

Таким образом, хотя породившая дистрибутивную методику теория отошла в область истории, развитые в ней процедуры и сейчас успешно применяются в практике лексикографии.

§ 5. Дистрибутивно-статистический анализ

Только что описанная нами в предыдущем параграфе методика хорошо коррелирует с применением статистики, а следовательно, и с другими отраслями прикладной лингвистики, а не только с лексикографией.

Лингвистическая статистика – отрасль языкознания, занимающаяся изучением методов раскрытия закономерностей, свойственных большим совокупностям однородных объектов на основании их выборочного обследования. Свои важнейшие понятия лингвистическая статистика заимствует у математической статистики. Существенно обратить внимание на то, что просто количественный подсчет того или иного явления в нескольких или даже в большом числе текстов статистическим не является. Корректное применение статистики требует серьезного с ней ознакомления.

Основным методом применения статистики в сочетании с дистрибутивным анализом следует признать дистрибутивно-статистический анализ, как он представлен в трудах А.Я. Шайкевича и Ю.Д. Апресяна. Их методика имеет много общего с валентностным анализом, как он разработан Г. Хельбигом, а в Ленинграде –

Б.М. Лейкиной. Валентностному анализу будет в дальнейшем посвящен специальный параграф, а здесь достаточно указать, что термин «валентность» тоже означает сочетательную способность лингвистического элемента.

Дистрибутивно-статистический анализ в том виде, как его разработал и применяет А.Я. Шайкевич, «есть сумма формальных алгоритмических процедур, направленных на описание языка и опирающихся только на распределение (дистрибуцию) заданных элементов в тексте. Под заданными элементами могут пониматься буквы (и другие графические символы), цепочки букв между пробелами (слова), цепочки слов между более крупными пробелами (высказывания), короче — любые объекты в тексте, непосредственно доступные нашему восприятию. Сам анализ при этом носит не жестко-детерминистский, а статистический характер, постоянно использует количественную информацию о встречаемости элементов в тексте» (Шайкевич, 1976: 355).

Важно подчеркнуть, что в своем анализе А.Я. Шайкевич убедительно показывает следующее: скрытое или явное предположение о том, что текст или какие-то явления в тексте можно представить как случайный процесс, для лингвостатистики непродуктивно. Шайкевич доказывает, что основные перспективы лингвостатистики, если она хочет исследовать особенности структуры текста или структуры языка, связаны с поисками расхождений между теоретическими данными (чаще всего они сравниваются с нормальным распределением, или распределением Пуассона) и эмпирическими данными.

Объяснять здесь сущность этих понятий мы не сможем за недостатком места. Это слишком отвлекло бы нас от основного изложения. Но тому, кто будет пользоваться методикой дистрибутивно-статистического анализа, необходимо проработать не только работы самого Шайкевича, но и какой-либо из современных учебников по статистике.

Здесь мы ограничимся конкретным примером, иллюстрирующим предложенную методику. Шайкевич исследовал распределение относительной частоты неопределенного артикля в речи персонажей У. Шекспира и показал неоднородность этого распределения для двух, выделившихся именно благодаря этому анализу, групп персонажей. У слуг, горожан и носителей комического начала (шутов, остряков, глупцов) отмечено повышение частоты неопределенного артикля. И напротив, у героев «серьезных» и высоко стоящих на социальной лестнице частота неопределенного артикля понижается.

Таким образом, метод может быть использован в стилистике, но, разумеется, пригоден и для других целей. В информатике, например, его применяют для выделения ключевых слов.

§ 6. Валентностный анализ

Валентностный анализ имеет много общего с только что описанным дистрибутивно-статистическим, хотя он разрабатывался независимо от дистрибутивного, вне всякой связи со структурализмом и более лингвистичен.

Термин «валентность» заимствован в лингвистику из химии. Там валентностью называется способность атома химического элемента образовывать химические связи с другими атомами. Само слово «валентность» происходит от латинского *valentia сила*. Термин применяется и в других науках, например в биологии. Там валентность, или «экологическая пластичность», есть степень приспособляемости животного к условиям среды. Весьма вероятно, что изучение развития этого понятия в других науках могло бы быть эвристически полезным и для языковедов, но мы на этом останавливаться не будем.

В лингвистику термин был введен в 1948 году С.Д. Кацнельсоном, который определил валентность как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами». Его же более позднее определение более лаконично: «Валентность — это свойство определенных разрядов слов присоединять к себе другие слова». Для семасиологии также очень важно замечание этого ученого, ставшего еще при жизни классиком советского языкознания, о том, что валентность есть свойство значения, в котором как бы содержатся пустые места, нуждающиеся в восполнении. Валентность, таким образом, есть «имплицитно содержащееся в нем (в слове) указание на необходимость восполнения его другими словами определенных типов в предложении» (Кацнельсон, 1987).

Общая концепция валентности иллюстрируется в цитируемой выше статье (опубликованной посмертно) на примерах из области синтаксиса. Валентность предиката, например, характеризуется числом открываемых им мест. Событийные непереходные предикаты (*падать, тонуть*) одновалентны. В них события не выходят за пределы субъекта. Предикаты относительные выражают события, происходящие между двумя или больше участниками (*Подводная лодка потопила транспорт.*) В таких случаях валентность определяется числом ролей, их обычно не больше трех-че-

тырех. Тогда, соответственно, говорят о трех- или четырехместной валентности.

Не следует смешивать, как подчеркивает С.Д. Кацнельсон, «место» при глаголе и обстоятельственную характеристику действия. Поясним его положение примером. После глагола *отправил* обстоятельство времени возможно, но необязательно (*Он отправил письмо; Он отправил письмо 24-го марта*). Однако существует ряд глаголов «времяпрепровождения», которые обязательно требуют временного дополнения (*Он прождал ответа целый месяц*). Приводятся такие примеры одноместных, двухместных и трехместных глаголов. Одноместные: *смеяться, плакать, прыгать, лежать*; двухместные: *убивать, находить, ловить, догонять*; трехместные: *дать, дарить*.

По признакам сходства валентностных характеристик могут выделяться лексико-грамматические разряды, идеографические или еще более мелкие группы.

Под лексической валентностью понимается способность данного слова сочетаться с другими словами, которые образуют его валентностный набор. При этом, разумеется, целесообразно рассматривать не слова в целом, а их лексико-семантические варианты. Многозначные слова должны входить в несколько валентностных наборов. Валентностные наборы представляют собой множества, задаваемые перечислением. На некоторых этапах они удобно поддаются обработке методами символической логики.

Валентностный анализ проходит следующие стадии:

После того как установлена общая задача исследования, устанавливается список слов, валентность которых намечено изучить, определяется тип текстов, из которых будет взята выборка, и устанавливается общий объем выборки.

Общей методики свертывания примеров пока не существует, каждый решает эту задачу в соответствии со своим материалом. Так, например, в некоторых работах могут быть отброшены все элементы, которые не имеют синтаксической связи с ядром, устранение которых не нарушает отмеченности и которые избыточны как контекстуальные индикаторы. Здесь нельзя не обратить внимания на связь этой методики с методом контекстуального анализа, о котором речь пойдет в следующем параграфе; связана эта методика и с теорией вероятностей и со статистикой.

Большой вклад в разработку этой методики внесли М.Д. Степанова, Б.М. Лейкина, а за рубежом — Г. Хельбиг.

Термин «валентность» для Б.М. Лейкиной означает сочетательную способность лингвистического элемента, его способность

встречаться вместе с другими элементами того же класса. Эта способность предопределяется смысловыми, грамматическими, экспрессивными и стилистическими факторами (*Лейкина, 1961*). Впрочем, возможны и особые случаи. Так, О.Н. Селиверстова выделяет еще и произвольные особенности в сочетаемости, которые она называет конфигуративными (термин этот не привился) и иллюстрирует таким примером: можно сказать *Он прекратил чтение* и *Он перестал читать*, но нельзя сказать **Он перестал чтение*.

Сфера применения валентностного анализа очень разнообразна. Так, В.И. Шаховский использует эту методику для показа взаимодействия денотативных и эмотивных компонентов в значении слова. Под эмотивной валентностью этот автор понимает способность лингвистической единицы вступать в эмотивные связи с другими единицами на основе содержащихся в них явных или скрытых (импликационных) эмосем и таким образом осуществлять свою эмотивную функцию (*Шаховский, 1984*).

Специально занимаясь валентностным анализом, М.Д. Степанова внесла очень важный вклад в его теорию и методику (*Степанова, 1973*).

М.Д. Степанова считает валентностный анализ частным случаем дистрибутивного. Но они так близки, что с таким же успехом можно было бы считать дистрибутивный анализ частным случаем валентностного. Вероятно, точнее было бы сказать, что методика валентностного анализа хорошо комбинируется и коррелирует со многими другими, и в том числе, и с дистрибутивным, и с компонентным, и со статистической обработкой материала и очень хорошо поддается формализации. Заслуга М.Д. Степановой в том, что она не только перенесла валентностный анализ в область словообразования, но и четко связала его с вероятностным подходом.

Вероятность принято определять как числовую характеристику степени возможности наступления случайного события при определенной комбинации условий. Лингвистическую вероятность М.Д. Степанова понимает как меру возможностей при превращении последней в действительность, т.е. в факт языка. Лингвистическая вероятность проявляется на разных уровнях языка по-разному.

М.Д. Степанова предлагает различать внутреннюю (словообразовательную) и внешнюю валентность слова.

Внутренней валентностью она называет общую закономерность сцепления в слове его непосредственно составляющих. Она складывается из закономерностей комбинаторики фонетических, мор-

фологических и семантических компонентов. Изучение этих закономерностей позволяет прогнозировать дальнейшие судьбы словообразования, а определение словообразовательных потенций может составить существенную часть изучения общей проблематики лингвистической вероятности.

§ 7. Контекстологический анализ

Как и другие исследовательские процедуры, методика контекстуального анализа неразрывно связана с соответствующей языковой теорией в данном случае с теорией контекстной семантики (термин Г.В. Колшанского).

Родоначальником теории контекста можно считать основателя Лондонской лингвистической школы Дж. Ферса (см. с. 18), который, продолжая идеи антрополога Бронислава Малиновского, считал, что высказывание получает смысл в ситуативном и социальном контексте и является функцией такого контекста. При этом подходе учитывается влияние на языковую семантику коммуникативной ситуации, ролевой структуры общения, социальных факторов и условий функционирования языка, всего многообразия познаваемого человеком мира, образующего информационную основу коммуникации.

Таким образом, рассмотрение контекста как внеязыковой среды, в которой функционируют языковые единицы всех рангов: слова, предложения, тексты, возникло раньше чем концепция лингвистического и стилистического контекстов, составляющих основу современной методики, называемой контекстуальным анализом.

Подход Ферса несомненно перспективен, особенно в свете современной теории коммуникации и прагмалингвистики. К сожалению, при наличии целого ряда теоретических работ, рассматривающих проблемы контекста с этой точки зрения, ни соответствующего исследовательского метода, ни необходимых методик общего характера пока не создано.

Это — дело близкого будущего.

В нашей стране теория и методика контекстологического анализа связана прежде всего с именем Н.Н. Амосовой. Теория контекстологического анализа была создана ею в процессе исследований английской фразеологии, причем основное ее внимание первоначально было сосредоточено на разграничении постоянного и переменного контекста при описании и характеристике фразеологических единиц. То есть теория возникла при решении конкретной задачи, но оказалась вскоре применимой в значительно более ши-

роком диапазоне и плодотворно разрабатывалась уже после смерти ученого многочисленными учениками и коллегами. Метод не потерял своего значения и непрерывно развивался в последние десятилетия (Амосова, 1963).

Н.Н. Амосова определяла контекст как соединение указательно-го минимума с семантически реализуемым словом. В основе такого понимания имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке, основанная на следующих допущениях:

1. Языковой знак асимметричен, полисемия и омонимия являются языковыми универсалиями, но все множество значений каждого языкового знака можно разделить на отдельные дискретные элементы — лексико-семантические варианты, которые могут идентифицироваться по лексической, грамматической или комбинированной сочетаемости.

2. В речи слово актуализируется только в одном из возможных для него вариантов.

3. Отправитель и получатель сообщения одинаково знакомы с условиями реализации слов в данном языке, и поэтому слушатель или читатель, зная контекстуальные индикаторы, в состоянии понять, в каком из возможных для него значений встретилось слово и соответственно понять смысл текста.

4. Система языка остается неизменной.

Нетрудно убедиться в том, что эта модель достаточно огрублена и реальные условия коммуникации сложнее, о чем будет сказано позже.

В работах Н.Н. Амосовой контекст ограничивается рамками предложения. Различают лексический, синтаксический, морфолого-синтаксический, конструктивный и смешанный контексты, что зависит от того, на каком уровне отмечается индикация. Если лексический контекстуальный индикатор, обеспечивающий указательный минимум, находится в непосредственной синтаксической связи с реализуемым словом, такой лексический контекст называется лексическим контекстом первой степени. Если же связь их опосредована, то говорят о лексическом контексте второй степени. Важным достоинством подхода Амосовой является то, что она рассматривает контекст как единство реализуемого слова и индикатора, т.е. учитывает их взаимодействие. Многие другие исследователи считают контекстом только окружение слова. Внеязыковые условия, влияющие на реализацию значения, в теории Амосовой называются ситуацией. Различают внетекстовую жизненную ситуацию, в которую входят общие жизненные условия, такие, как прямой показ и

некоторые другие факторы, и текстовую ситуацию — общую тему текста или текстовое описание ситуации.

Теория ситуации получила за последнее время сильное развитие и привлекает внимание многих ученых. В этих работах можно, пожалуй, усматривать развитие концепций, начало которым было положено Дж. Ферсом.

Лингвистический контекстологический анализ, по Амосовой, часто сочетается с компонентным анализом по словарным дефинициям и имеет немало общего с рассмотренными выше валентностным и дистрибутивным анализами, но возник раньше и независимо от них. Он менее формализован, но более требователен к описанию деталей фактического текстового материала.

Для иллюстрации этой методики приведем анализ, выполненный уже в 80-х годах. Анализируется слово *rain* и его лексико-семантическое поле. Контекстуальный анализ начинается со сбора фактического материала. Большой массив обследованного текста (15 000 — 30 000 страниц) — обязательное требование. В диссертационном исследовании М.И. Румянцевой путем сплошной выборки из словарей было отобрано 60 единиц. Критерием для отбора служило наличие инвариантного элемента в дефинициях. Наличие общего семантического компонента позволило признать эти 60 единиц лексико-семантическим полем *rain*. Затем по текстовому материалу соответствующего объема были определены типичные лексические и синтаксические контексты. Так, например, удалось показать, что значение *физическая боль* реализуется в лексическом контексте первой степени в структуре $N + \text{Prer} + N_1$, где лексическим индикатором N_1 является слово, означающее какую-нибудь часть тела.

Развитие первоначальной концепции Н.Н. Амосовой последующими исследователями внесло ряд корректив в технику такого анализа, причем он сочетался с другими существующими методиками. Главная трудность, неизбежная при этой методике, заключается в зыбкости дискретизации значений, в чем легко убедиться, обратив внимание на то, как по-разному решается вопрос о числе и составе лексико-семантических вариантов одного и того же слова в разных словарях. Кроме того, в реальных текстах, особенно художественных, слова нередко передают не одно значение. Это особенно заметно для разного рода метафорических или метонимических переносных значений, где экспрессивность и образность зависит именно от сохранения как бы на заднем плане первоначального прямого значения. Не всегда оправдывается и третье из перечисленных допущений (см. с. 47) — коды отправителя и получателя со-

общения полностью совпасть не могут. И, наконец, что особенно важно, языковая система находится в состоянии постоянного развития и код под действием сообщения все время меняется, чтобы удовлетворить условиям коммуникации.

Это изменение происходит как семантическое осложнение. Для литературного текста начало исследованию этого явления было положено Б.А. Лариним, а позднее вылилось в теорию стилистического контекста в работах И.А. Банниковой, Р.А. Киселевой, С.И. Болдыревой, Г.В. Андреевой и других.

Теория стилистического контекста учитывает то обстоятельство, что при чтении читатель основывает свое понимание на всех возможных сопоставлениях и противопоставлениях элементов в структуре целого. Стилистический контекст основан не на минимальных контекстуальных указаниях, идентифицирующих уже знакомые значения, а, напротив, на возможном максимуме индикации, позволяющем заметить появление в слове новых оттенков значения, коннотаций и новых связей с обозначаемой действительностью или вымыслом. Стилистический контекст, соответственно, не ограничивается рамками непосредственного окружения элемента, а учитывает дистантные связи в тексте в целом и возможные ассоциации в тезаурусе читателя. Языковой контекст при этом должен учитываться на первой ступени анализа.

Исследования живой речи показали плодотворность и необходимость применения контекстологического анализа за рамками предложения с учетом фоновых знаний коммуникантов, речевой ситуации и ролевой структуры общения.

§ 8. Компонентный анализ

Рассмотренные выше типы анализа — дистрибутивный, контекстологический и валентностный — основывались на синтагматических связях изучаемых единиц лексики. Компонентный анализ, которому посвящен настоящий параграф, опирается на парадигматические связи в системе.

Компонентный анализ был разработан и используется в основном как метод раскрытия семантики слов, но применялся и в других областях лингвистики, например в фонологии, где фонема представлялась как связка или пучок различительных (дифференциальных) признаков на основе ряда их бинарных противопоставлений. Метод, как показали Е.В. Гулыга и Е.И. Шендельс, оказался плодотворным и в морфологии и в синтаксисе.

Но особенное развитие этот тип анализа получил применительно к семантике слов, на чем и будет сосредоточено внимание в этом параграфе.

В компонентном анализе значение слова разлагается на его составляющие. Их называют семантическими компонентами, семантическими множителями, дифференциальными семантическими признаками, семантическими параметрами, нозмами и т.д. В дальнейшем изложении будет принят термин «сема». Этот термин наиболее приемлем в качестве центрального термина компонентного анализа, поскольку он отвечает требованиям краткости, прозрачной мотивированности, указывающей на его принадлежность к семантике как плану содержания, обладает хорошим словообразовательным потенциалом (ср. «семный состав», «классема», «гиперсема» и т.д.).

Семой мы будем называть элементарную составляющую значения слова или другой языковой единицы, отражающую различаемые языком признаки обозначаемого.

Сему часто называют мельчайшей единицей смысла, неразложимой на более мелкие части. Такое определение необосновано и неудачно, поскольку для многих общеизвестных и общепринятых сем возможна дальнейшая сегментация, так, например, в семе [пол] можно еще выделить сему [живое существо]. Вряд ли можно назвать мельчайшими единицами смысла семы [невзрослость], [женский пол] и [человеческое существо], образующие смысл слова *девочка*. Предел членения того или иного значения на семы задается поставленными в исследовании задачами.

После этих общих замечаний и прежде чем переходить к описанию современного состояния методики компонентного анализа, необходимо коротко описать историю этого подхода.

Первыми исследователями, предложившими и разработавшими компонентный анализ лексики, были американские антропологи У. Лаунсбери и Ф. Гудинаф, которые при помощи информантов изучали языки американских индейцев и, в частности, термины родства у разных племен.

Сравнивая по минимальным парам термины родства, они для определения смысла слов *отец*, *мать*, *сын*, *дочь*, *дядя*, *тетка* выделили следующие признаки: [старшее :: младшее поколение], [женский :: мужской пол], [прямое :: не прямое родство]. Тогда слово *отец* означает лицо старшего поколения, мужского пола и прямого родства.

Подобные четко структурированные семантические поля позволяют выделить семы реляционно, т.е. путем сопоставления ми-

нимальных пар. Однако, поскольку таких строго упорядоченных систем в лексике очень немного, необходимо было найти более универсальный способ компонентного анализа. Такой способ и был найден в виде опоры на словарные дефиниции.

Обращение к словарям как к источникам материала при лингвистических исследованиях прочно вошло в науку со второй половины XX века. Но начало ему было положено значительно раньше. И.А. Бодуэн де Куртенэ еще в 1903 году при подготовке съезда славянских филологов и историков предложил среди прочих тем для обсуждения на съезде тему «Об утилизации словарного материала для общелингвистических, психологических и культурно-исторических выводов». О том, как реализованы эти идеи в настоящее время, будет подробнее сказано дальше, а применительно к обзору истории методики отметим, что, помимо толковых словарей, использовались и идеографические.

Идеографическим называется, как известно, словарь, в котором слова расположены не в алфавитном порядке, а, исходя из их значения, по тематическим рядам. В таком словаре в явном виде фиксируются семантические отношения между словами и дается классификация лексики применительно к отраженной в ней системе понятий.

Наиболее известным идеографическим словарем является тезаурус Роже, впервые изданный в 1852 году, а в дальнейшем неоднократно переиздававшийся и совершенствовавшийся. Разработанная в нем система понятий, хотя она неоднократно подвергалась критике и переделывалась, дает возможность классифицировать лексику применительно к обозначаемым понятиям. При этом осуществляется основное требование, предъявляемое к любому описанию — число описываемых элементов значительно меньше числа описываемых. Названия тех классов и групп, в которые слово входит, могут тогда рассматриваться как его семы.

Этим свойством и воспользовалась группа кембриджских ученых под руководством М. Мастерман. Компонентный анализ, разработанный этой группой, состоит в приписывании каждому слову индексов в соответствии с теми группами, классами и темами, в которые оно входит в словаре Роже. Исследование было ориентировано на нужды машинного перевода.

В том же Кембридже другая исследовательница К. Спарк Джоунз использовала компонентный анализ с помощью идеографического словаря для разработки теории синонимии. Обе группы исследовали также полисемию.

За последние 30 лет в лингвистической литературе многих стран появилось великое множество работ или специально посвященных компонентному анализу, или рассматривающих его в связи с другими проблемами семасиологии. Это — работы Дж. Катца и Дж. Фодора и Ю. Найды в США, работы многих французских ученых, в том числе Б. Потье, Ж. Гримаса, Рей Дебев, и многих других.

Не будет преувеличением утверждение, что особенно большое развитие теория и методика компонентного анализа получили в нашей стране (см. работы Ю.Д. Апресяна, И.В. Арнольд, Р.С. Гинзбург, Ю.Н. Караулова, Э.М. Медниковой, О.Н. Селиверстовой, И.А. Стернина и многих других).

Компонентный анализ по словарным дефинициям основывается по существу на установившейся в логике операции определения понятий. Обычные этапы такого определения — указание ближайшего рода или класса, к которому относится предмет, и указание видовых отличий, т.е. признаков, которые отличают определяемый предмет от всех других предметов того же класса.

Ю.Н. Караулов, в работах которого принят термин «семантический множитель», предлагает следующее операционное определение: «Итак, под семантическим множителем в данной работе понимаются полнзначные слова, использованные в правой части толкового словаря». Он также поясняет, что под семантическими множителями обычно понимаются элементарные единицы содержательного плана, которые, соединяясь друг с другом в различных комбинациях и числе, задают значение любого слова в языке (Караулов, 1980: 6).

О.Н. Селиверстова, придерживаясь в основном того же подхода, делает некоторые оговорки. Поскольку семы, во-первых, есть составляющие лексического значения, отражающие те признаки номинируемых объектов, которые данным языком распознаются, логично предположить, что семы должны быть вербально представлены в словарных дефинициях. Но при этом имеются в виду только толкования, оформленные как определения. В случае синонимического толкования приходится находить в словаре логическое определение данного синонима и определять семы уже по нему. Вторая оговорка состоит в том, что используются словари только филологические, а не энциклопедические. То есть сами определения должны быть филологическими. Во многих толковых американских словарях энциклопедического типа определения словарной статьи содержат больше признаков, чем интенционал слова. (Интенционалом называется обязательная часть значения.) Наконец, третья оговорка состоит в том, что в случае многозначного сло-

ва компонентный анализ проводится для каждого лексико-семантического варианта отдельно. И, наконец, еще одно соображение: в числе слов дефиниции могут встречаться слова, означающие малоизвестное или сложное понятие. Они дополнительно расшифровываются по тому же или другим словарям. То есть для дефиниции вводится еще объяснительная трансформация. Число таких повторных обращений к словарям мы будем называть глубиной дефиниции.

Поясним сказанное примером. В словаре А.С. Хорнби находим определение слова hum: hum — a continuous murmuring sound, что дает семы: [звук] и [непрерывность], а входящее в дефиницию слово murmur означает сложное понятие и требует дальнейшего дефинирования. Находим: murmur — a low continuous sound, vague or indistinct. Это дает еще две семы: [негромкость] и [неотчетливость]. Глубина дефиниции равна 2.

Очень существенно заметить, что компонентный анализ ведется на семантическом уровне и выделенные семы отдельно в слове не выражены, т.е. ни одну из выделенных четырех сем ни с какой частью слова hum соотнести нельзя.

В производных морфологически мотивированных словах дело, естественно, обстоит иначе. Так, например, при наличии отрицательного префикса в слове indistinct сема [отрицание] локализована.

Ядерное слово дефиниции является носителем категориального значения, т.е. классемы (или категориальной семы), в которой приходится разграничивать лексическую и грамматическую части. Для приведенного выше слова hum ядерное слово дефиниции sound имеет частеречное значение существительного, принадлежащего к разряду нарицательных, несклоняемых, неодушевленных. Значение лексико-грамматического разряда является пограничным между чисто грамматическими и лексическими значениями. Каждый разряд имеет свой набор присущих ему объяснительных формул и ключевых слов, выражающих классему. Применительно к рассматриваемому примеру это выражается в том, что слово sound может служить названием для целого лексико-семантического поля или дескриптором для информационно-поискового языка. Слово это имеет обобщенный характер, но сема [звук] разложима, поскольку: sound — that which is or may be heard. Ключевая часть этой последней формулы [that which] выражает самое общее значение предметности.

Итак, если мы остановим анализ на четырех семах и сохраним прежнюю глубину дефиниции, то в семе [звук] окажутся совмещенными классема, отражающая принадлежность к лексико-грамматическому разряду.

тическому разряду, и гиперсема, или тематическая сема, отнесенности к лексико-семантическому полю или тематической группе, от которых уже не требуется такой четкой структурированности, какая имела место в терминах родства.

Опираясь на словарные дефиниции, мы экстраполируем принятую в логике операцию определения понятий на лексическое значение, но при этом учитываем и различие между значением (категорией языковой) и понятием (категорией логической). Применительно к описанию значения это сводится к передаче значения одного слова с помощью других, причем определяющее имеет больше элементов, чем определяемое, и всегда классифицирует, позволяя выделить иерархию сем в составе значения. Отражая структуру соответствующего понятия, денотативное, т.е. предметно-логическое, значение слова является иерархически построенным единством.

В литературе существует немало более или менее удачных схем, описывающих компонентный состав значения. Особенно подробные классификации предложены в последнее время О.Н. Селиверстовой и И.А. Стерниным. Но мы позволим себе остановиться только на одном варианте, достоинством которого является, на наш взгляд, относительная простота и четкость. Р.С. Гинзбург в своем пособии «Основы лексикологического исследования» отмечает, что основные семантические компоненты классифицируются и получают описание как иерархически организованные категории, причем каждая последующая категория является субкатегорией для предыдущей. Наиболее крупными компонентами значения являются (по ее терминологии) категориальные семы — предметности для существительных, признаковости для прилагательных и т.д. Все остальные семы она так же, как некоторые американские авторы, подразделяет на маркеры и дистингвишеры. Маркеры указывают черты, общие для некоторого класса лексических единиц, а дистингвишеры индивидуализируют.

В слове *spinster*, например, сема [не бывшая в браке] — дистингвишер, сема [женщина] — маркер, а сема [существительное] — категориальная сема.

Внутри категориальных сем возможно дальнейшее деление и своя иерархия. Например, [одушевленность] или [лицо] являются для существительных подчиненными семами. В глаголе *bring* сема глагольности является более общей, чем также присущие этому слову семы движения и каузативности, характерные не для всех глаголов (например, в глаголе *thank* этих сем нет). Следовательно,

внутри общего класса глаголов существуют еще подмножества, характеризующиеся этими семами.

Изменения и перегруппировки внутри иерархии сем лежат в основе изменения значения слов и словообразования по типу конверсии.

Разные авторы дают разную номенклатуру и, соответственно, разную классификацию сем: гиперсеммы и гипосеммы, архисеммы и дифференциальные семмы, маркеры и дистингвишеры и т.д.

По характеру передаваемой информации и прагматическому статусу различают семмы, относящиеся к денотативному, т.е. предметно-логическому, значению слова и коннотативные, отражающие прагматику акта коммуникации, связанные с оценкой, которую говорящий дает предмету речи, с его эмоциональным состоянием, желанием воздействовать на собеседника, с обстановкой акта общения, определяющей его функционально-стилистическую окраску.

При анализе художественных текстов коннотативная часть семного состава оказывается особенно важной. При этом приходится различать узуальные и окказиональные, т.е. порожденные контекстом, коннотации. Примером окказиональной семмы является сема [лицо] при всякого рода персонификациях (олицетворениях). Так, в стихотворении Вистана Хью Одена «Спасибо, Туман» у слова *туман* возникает окказиональная сема антропоморфности [лица]. Средствами наведения этой семмы служат синтаксическая позиция обращения, написание слова с большой буквы, а в дальнейшем тексте — замещение личным местоимением второго лица.

Заканчивая рассмотрение компонентного анализа, необходимо обратить внимание на существование в слове скрытых и потенциальных сем. Единой терминологии для них тоже нет. Потенциальные семмы называют чаще всего «импликационалом» слова. Это — семмы, которые не входят в обязательный набор сем, соответствующих обязательному набору признаков, по которым данный предмет отличается от других ему подобных, но входят в число известных носителям языка или приписываемых этому предмету свойств, а потому потенциально возможных при вторичной номинации или образовании производных. М.В. Никитин определяет импликационал как «Совокупность сем, индуцируемых интенционалом значения в силу импликационных связей признаков. Импликационал образует периферию значения вокруг его интенционального ядра и упорядочен (организован в структуру) благодаря вероятностному весу и причинно-следственным и иным линейным зависимостям признаков» (Никитин, 1983: 121). Поясняя это

определение, добавим, что множественность сторон каждого явления порождает и множественность ассоциаций, возникает ассоциативное поле, тесно связанное со множеством факторов объективных и субъективных.

Под скрытыми компонентами Р.С. Гинзбург понимает те семы, которые выявляются через сочетаемостные возможности слова. Прилагательное *pretty*, например, сочетаясь с названиями лиц, предполагает в этих названиях семы молодости и женского пола. Сочетание этого прилагательного с названиями лиц мужского пола и преклонного возраста неестественно — **a pretty old man*. Существование скрытых сем доказывается, таким образом, методом от противного: ограничение на сочетаемость дает основание предположить наличие сем, препятствующих соединению.

Разработка принципов компонентного анализа продолжается. Метод представляется перспективным в смысле возможности сочетания его с принципами коммуникативной лингвистики для создания коммуникативной лексикологии и в смысле рассмотрения семного состава слова в соответствии с полевым подходом, т.е. как имеющего ядро и периферию. Порожденный данными словарей он, в свою очередь, сможет способствовать уточнению и усовершенствованию дефиниций в толковых словарях и в теории лексикографии.

Усовершенствование методики выявления и описания сем будет способствовать проникновению в семантическую природу слова, отражающего знания, приобретенные человеком в процессе общественной практики и ее осмысления.

§ 9. Использование компьютеров в лингвистических исследованиях

Задачи современной науки поставили в порядок дня использование компьютерной техники для автоматической обработки текстов.

Здесь следует различать следующие основные направления: машинный перевод, автоматизация лексикографических работ, отдельные виды автоматизации собственно лингвистических исследований и автоматический поиск библиографической информации.

Автоматизация лексикографических работ фактически уже существует и у нас и за рубежом. Успешно развивается компьютерная лексикография.

Автоматизированные лексикографические системы позволяют хранить и обрабатывать большие массивы словарной и текстовой

информации, создавать целые лексикографические системы для одно- и многоязычных словарей, конкордансов (словарей одного автора) и контекстологических словарей.

В связи с этим нельзя не упомянуть о том, что в настоящее время создается машинный фонд русского языка, в котором будет храниться информация о всех возможных зафиксированных единицах русского языка, начиная с древнерусских текстов и до современных, включая научные и вообще все возможные типы текстов. Фонд должен охватить десятки миллионов слов. Накопленную таким образом информацию можно будет использовать для самых разнообразных целей.

Ю.Н. Марчук уже 10 лет тому назад писал о возможностях применения ЭВМ для учебной лексикографии. Действительно ЭВМ может выполнять такие задачи, как упорядочение по алфавиту введенных в нее лексических единиц, приписывание каждой из них частоты встречаемости, и многие более сложные работы, на которые лексикографам приходится затрачивать очень много времени. Этот автор отмечает близость словарей, созданных для машины, к учебным, что объясняется тем, что они соответствуют минимуму информации в тезаурусе пользующегося. Эти словари дают более полную, чем во всех других словарях, информацию, необходимую для понимания и усвоения иностранного слова. Вместе с тем, он же считает, что статистические методы при их буквальном толковании не могут оптимизировать обучение, так как они вступают в противоречие с системным описанием языка и требуют поправок, основанных на содержательном употреблении изучаемой лексики (Марчук, 1978).

Тема использования ЭВМ в лексикографических работах не потеряла своей актуальности и по сей день, о чем свидетельствуют работы Л.Н. Беляевой, а за рубежом особенно работы известного американского лексикографа К. Барнхарта.

В качестве примера использования ЭВМ для развития лингвистической теории можно указать на работу группы ученых под руководством профессора Г.Г. Сильницкого, занятых корреляционным анализом взаимозависимостей морфологических, синтаксических и семантических характеристик английских глаголов, и шире — корреляцией словообразования с другими языковыми уровнями. В этой группе работ плодотворно сочетаются солидное лингвистическое обоснование и удачный выбор математического аппарата с использованием компьютерной техники.

За последнее десятилетие работы с использованием компьютеров для усовершенствования лингвистической теории и оптимиза-

ции преподавания на этой основе иностранных языков интенсивно ведутся и в других странах, особенно в Англии (Дж. Лич).

Машинные лингвистические информационные базы накапливают инвентарь сведений, пригодных для решения разного рода задач автоматической переработки научной и научно-технической информации — для автоматического поиска информации и решения других библиографических задач, для автоматического реферирования и индексирования.

Автоматический поиск библиографической информации представляется наиболее перспективным направлением применения ЭВМ в связи с лингвистикой, без него современному ученому все труднее и труднее справляться с обрушивающимся на него потоком информации.

Искусственный язык, предназначенный для записи семантической информации и последующего использования ее в информационно-поисковых системах, называется информационно-поисковым языком. Словарь, специально организованный для сопоставления естественного и информационно-поискового языка, называется информационно-поисковым тезаурусом. Тезаурус содержит список дескрипторов, т.е. лексических единиц информационно-поискового языка. Дескриптор соответствует группе ключевых слов естественного языка. Группе синонимов соответствует один дескриптор, а многозначному слову — группа дескрипторов.

Процедура составления информационно-поискового тезауруса состоит из следующих операций: определение тематического охвата тезауруса, сбор исходного массива ключевых слов, их лексикографическая обработка, установление условной эквивалентности между ними, отбор на этой основе дескрипторов и установление парадигматических отношений между ними и, наконец, окончательное оформление тезауруса. Заметим, что вся эта работа проводится на лингвистической основе. Так, например, установление условной эквивалентности проверяется по текстам, в которых встречаются ключевые слова. Если замена одного слова другим во всех контекстах не приводит к искажению смысла с точки зрения специалиста, то между словами имеет место условная эквивалентность.

Темпы развития науки непрерывно убыстряются, и сейчас невозможно прогнозировать, какие науки выйдут на передний край в ближайшем будущем. Поэтому современному ученому нужна широкая подготовка. Ему недостаточно знакомства с достижениями в своей области. Иметь широкий кругозор — значит иметь представление и о том, что делается в других специальностях. Компьютерная неподготовленность филологов и неоснащенность школ и гу-

манитарных вузов компьютерами задерживали применение этой техники для перечисленных выше целей. В 1986 — 1987 годах в административном порядке проведена кампания по ликвидации компьютерной неграмотности среди преподавателей высшей школы с целью подготовки лингвистов к использованию вычислительной техники в лингвистических исследованиях и при обучении языкам.

Машинами, однако, вузы и сейчас не обеспечены, и, кроме того, принципиально новая техника требует и создания новых методик и нового учебного и исследовательского материала. Нельзя, например, переносить на дисплей старые упражнения и называть это автоматизированной системой обучения. Несоответствие задач и материала лингвистического исследования возможностям компьютеризации тоже приводит к бессмыслице.

В английском языке существует даже специальный дерогативный акроним, высмеивающий неграмотное применение компьютеров: GIGO — Garbage In, Garbage Out — так шутливо называются случаи, когда неверная и бесполезная информация, заложенная на входе, дает ерунду на выходе.

Своеобразный триумфальный марш совершила в нашем веке математика. На наших глазах происходит общая математизация знаний и не только в лингвистике, но и в других науках, например в биологии. Важно иметь в виду, что математизация той или иной науки не сводится к приложению уже существующих математических методов, но требует поисков нового математического аппарата, адекватного новым задачам.

Лингвистов, к сожалению, иногда завораживает выражение «точные науки», создается некоторый «комплекс неполноценности», им кажется, что, применяя какой-нибудь математический аппарат, они тем самым гарантируют себе получение точных и объективных данных. На самом деле это не совсем так: грамотно выбранный математический аппарат позволяет обобщить полученные данные или представить материал в более организованном виде, или, наконец, создать модель явления. Нельзя, однако, забывать, что модель неизбежно огрубляет действительность. Сам Бертран Рассел сказал: «Как это ни парадоксально, но всякая точная наука подчинена идее приближенности».

Представления о математизации лингвистики часто несколько примитивны и, как отмечали многие специалисты по математической лингвистике и у нас и за рубежом, связаны с некоторыми предрассудками.

В действительности далеко не всякое применение чисел или математического аппарата или компьютеров делает результаты строгими и научными. Неверно также думать, что математика обязательно связана с количественными оценками и со статистикой. Современная математика изучает абстрактные системы, из которых лишь некоторые являются количественными, и вычисления часто играют лишь вспомогательную роль.

О том, с какой осторожностью следует применять статистические методы, и об опасности некорректного использования статистики предупреждал наш великий физик П.Л. Капица. «Хорошо известно — писал он — что нужна большая осторожность, чтобы при ограниченном числе статистических данных вывести из них общую закономерность. Как-то, говоря о применении статистики, кто-то сказал „Существует три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика“. Правда, это было сказано о статистике общественных процессов, но, до известной степени, это может относиться и к применению статистики в физике. Ни в одной области физики не было сделано столько грубейших ошибок и ложных открытий, как при обработке статистических данных, полученных в результате ядерных столкновений» (Капица, 1981).

Необходимо со всей ясностью осознать, что для стыковки с лубой наукой, в том числе и с математикой, предварительно надо со скрупулезной тщательностью выполнить лингвистическую часть исследования и серьезно ознакомиться с данными и понятиями применяемой другой науки.

Применение новых методов оправдано не само по себе, а только если оно позволяет получить нетривиальные результаты и/или проверить подсказанную интуицией гипотезу. Правда, многие считают, что получение старых результатов новым способом тоже должно рассматриваться как научное достижение, но это представляется сомнительным.

Все сказанное выше отнюдь не означает, что математизация науки не должна касаться лингвистов и что применение вычислительной техники не для них. Жизнь показала, что эффективность многих типов лингвистических исследований может быть таким образом повышена, но при обязательном условии продуманного согласования лингвистического объекта и примененных к нему методик.

В заключение отметим, что новый виток спирали в развитии науки это, по-видимому, — антропоцентризм, т.е. внимание к человеческому фактору. Кстати, этот термин, который все сейчас так ча-

сто повторяют, в действительности не нов. Его, в частности, можно найти в работах по кибернетике 70-х годов.

Правда, филология как наука о слове и искусство слова всегда была обращена к человеку, но именно в настоящее время в науке и в производстве человеческий фактор приобретает особое значение. Дальнейшее совершенствование науки и техники невозможно без учета сил и способностей человека-оператора. Стремительный научно-технический прогресс создает для человека такую среду обитания и деятельности, к которой ему приходится приспосабливаться, вырабатывая в себе новое мышление.

В этом своем новом качестве филология и ее методы должны получить новые большие возможности для формирования высоких качеств личности, стать катализатором влияния личности учителя на личность ученика в выработке творческого начала и интереса к труду и творчеству.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. — Л., 1963.
Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. — М., 1974.
Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: Учебник. — М., 1986.
Арнольд И.В. Потенциальные и скрытые семы и их актуализация в английском художественном тексте // Иностран. яз. в школе. — 1979. — № 5. — С. 10—14.
Беляева Л.Н. Применение ЭВМ в лингвистических исследованиях и лингводидактике: Учеб. пособие по спецкурсу. — Л., 1986.
Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. — М., 1963. — Т. I.
Гинзбург Р.С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностран. яз. в школе. — 1978. — № 5. — С. 25.
Гинзбург Р.С. Основы лексикологического исследования: Учеб. пособие по англ. лексикологии. — М., 1978.
Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М., 1983.
Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 291—314.
Долинина И.Б. Валентностные категории английского глагола: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1982.
Капица П.Л. Научная деятельность Резерфорда // Эксперимент Теория Практика. — М., 1981. — С. 276—291.
Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987.
Караулов Ю.Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка. — М., 1980.
Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. — 1987. — № 3. — С. 20—32.
Левицкий В.В., Стернин И.А. Экспериментальные методы в семиологии. — Воронеж, 1989.

- Лейкина Б.М. Некоторые аспекты характеристики валентностей. — М., 1961.
- Марчук Ю.Н. Применение ЭВМ в учебной лексикографии // Проблемы учебной лексикографии и обучения лексике. — М., 1978. — С. 161 — 166.
- Никитин М.В. Лексическое значение слова. — М., 1983.
- Основы компонентного анализа: Учеб. пособие / Под ред. Э.М. Медниковой. — М., 1969.
- Селиверстова О.Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 119 — 146.
- Сильницкий Г.Г. и др. О некоторых математических методах классификации лексических единиц и их признаков // Проблемы словообразования в английском и немецком языках. — Смоленск, 1982. — С. 5 — 19.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977. — С. 31 — 269.
- Справочник наиболее употребительных английских словосочетаний / Сост. В.И. Перебейнос и др. — М., 1986.
- Степанова М.Д. Методы синхронного анализа лексики. — М., 1968.
- Степанова М.Д. О внешней и внутренней валентности // Иностр. яз. в школе. — 1967. — № 3. — С. 13 — 19.
- Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. — М., 1973.
- Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1986.
- Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. — М., 1987.
- Шайкевич А.Я. Дистрибутивно-статистический анализ в семантике // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 353 — 378.
- Шаховский В.И. Значение и эмотивная валентность единиц языка и речи // Вопр. языкознания. — 1984. — № 6. — С. 97 — 103.
- Шерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Изв. АН СССР. — Отд.ние общественных наук. — 1931. — № 1. — С. 113 — 129.
- Butler Chr.S. Systemic linguistics. Theory and application. — L.: Batesford, 1985.
- Nida E. Componential analysis of meaning. — The Hague — Paris: Mouton, 1975.

Глава IV. ВЫБОР И ОБОСНОВАНИЕ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Требования, предъявляемые к научному исследованию. Обоснование темы

Непременным условием всякой научной работы от самых первых студенческих исследований и до докторской диссертации является ясность цели, четкость постановки задачи, ясное представление о том, что требуется выяснить, как это сделать и зачем, каков объект исследования, каковы критерии его выделения в материале, в какой отрасли науки он уже рассматривался, что о нем уже известно, кем получены имеющиеся результаты, что еще остается выяснить.

Общая цель науки — раскрытие закономерностей развития природы и общества для использования их на благо человека. Эту общую цель, а также другие более частные ставит перед наукой общество. Другими словами, общие цели ставятся перед наукой «извне», т.е. людьми, которые профессионалами в данной области не являются. Примером могут служить задачи, возникшие в связи с реформой школы и высшего образования. Формулирование идей и частных задач происходит уже «изнутри» науки, т.е. в результате развития научной мысли.

Общие требования к научной работе сформулированы во многих официальных инструкциях и постановлениях, они вкратце сводятся к следующему: постановка задач должна быть конкретной, вытекать из современного состояния вопроса и обосновываться анализом соответствующих научных работ.

Основные требования, которые официально предъявляются к диссертациям, т.е. требования новизны, актуальности, достоверности и практической и теоретической значимости, имплицитно входят в любую научную работу, но отличаются масштабностью. К сожалению, часто бывает так, что о значении этих требований вспоминают только тогда, когда работа уже закончена, и пытаются подогнать под них уже готовое. Между тем продумать эту сторону вопроса следует с момента планирования работы, хотя по мере ее продвижения эти обоснования тоже несколько изменятся.

Поскольку начинающие иногда воспринимают эти требования как нечто формальное, а понимание их оказывается недостаточно адекватным, на них следует остановиться.

В понятие «актуальность» входит полезность темы для современного этапа развития науки. Из одной работы в другую повторя-

ется мотивировка, утверждающая, что исследование нужно либо ввиду неразработанности данного вопроса, либо вообще, либо в рамках какой-либо новой теории, или еще менее убедительное соображение, что объект необходимо исследовать, поскольку о нем нет единства мнений. Вполне возможно, что если вопрос не разрабатывался, то это потому, что он не представляет никакого интереса. Мотивируя актуальность исследования, важно указать, что проблема привлекает внимание многих, но в ней есть еще белые пятна, важно сформулировать свое понимание имеющихся неясностей.

При установлении актуальности темы недопустимо пренебрежение трудами предшественников. Точное упоминание роли других ученых в разработке того же вопроса обязательно.

Устанавливая актуальность темы, желательно также определить, в какой мере изучаемое явление типично, частотно и может помочь в общем описании системы языка. То есть актуальность может определяться большой распространенностью явления.

Требование новизны может иметь разные аспекты — одни хотят преодолеть трудности, с которыми не удавалось справиться их предшественникам, других интересует уточнение центральных понятий в свете новых данных науки, третьи — и это особенно характерно для последних десятилетий — стремятся усовершенствовать методы исследования.

Разумеется, вопрос о степени новизны возникает уже при самом выборе темы и объекта исследования.

Тему и проблему лучше выбирать либо совсем новую, либо очень актуальную, но не старую. Проблемы, теории устаревают, коллективы стареют, и, пока работа пишется, тема может устареть.

При обосновании неизученности какого-либо вопроса не следует ссылаться даже на авторитеты. Бывает так, что большой ученый отмечает необходимость изучения какого-либо вопроса в порядке обоснования своей работы и тут же сам дает решение этого вопроса. Например, и сегодня встречаются ссылки на В.В. Виноградова в подтверждение того, что якобы проблемы фразеологии совершенно не разработаны. Но, поставив проблему, Виноградов сам же и заложил основы современной фразеологии.

При недостаточно добросовестном и компетентном отношении к науке возникает опасность дезинформации. Так, например, если автор утверждает, что вопрос, которому посвящена работа, никем не рассматривался, а на самом деле просто не знает предшественников, это — дезинформация.

Дезинформация может возникать вследствие терминологических излишеств, когда известные вещи оказываются неузнаваемыми под новыми именами. Новые термины нередко вырывают понятия из системы, в которой им уже было найдено место, и вызывают ложное представление о чем-то якобы новом или становятся причиной того, что читателю кажется, будто он не вполне понимает сказанное из-за недостаточности знаний.

Замалчивание чужих работ не считается плагиатом и не карается законом, но оно немногим лучше, чем плагиат, и свидетельствует в лучшем случае о недобросовестности автора или о недостатке у него эрудиции.

Требование достоверности предполагает, что результаты работы должны быть обоснованы достаточным объемом обработанного фактического материала, соответствием объекта и метода исследования и последовательным применением избранных методик.

Желательно, чтобы выбор темы был обоснован практическими соображениями и чтобы эти практические задачи были известны автору не понаслышке. Так, например, для того чтобы писать о технической терминологии, не обязательно быть инженером, но важен практический опыт переводчика или преподавателя иностранного языка именно в этой области. Жалкое впечатление производит исследование какой-нибудь терминологической системы, выполненное людьми, которые о данной отрасли техники имеют очень туманное представление или почти никакого.

Практическую значимость работы принято указывать как возможность использования ее в том или ином теоретическом курсе, на семинарах и практических занятиях. Этого требует инструкция по внедрению. Но инструкции составлены по одному шаблону для представителей технических и гуманитарных наук, а проблемы внедрения у них очень разные, специфика не учитывается. Если бы в высшей школе стали действительно включать в теоретические курсы все то, что пишется в диссертациях, у нас не оставалось бы времени для материала программы. Значительно полезнее рекомендовать полученный материал для освещения в научных кружках, в спецкурсе или факультативе, как это уже нередко делается, хотя и не везде.

Очень желательно, чтобы исследователи, особенно студенты педагогических вузов, думали о конкретной пользе, которую могут принести результаты их исследования для лучшего понимания иностранного текста, для перевода, для лексикографии, информатики и других разделов прикладной лингвистики.

Оценивая практическую значимость и одновременно актуальность, следует учесть, что в настоящее время все большее внимание уделяется решению прикладных задач, которые связаны с методикой преподавания родного и иностранных языков, с лексикографическими работами, с переводоведением и терминоведением и многими другими проблемами. Подчеркнем, однако, что прикладные задачи следует понимать широко, памятуя слова С.С. Аверинцева о том, что филология есть «служба понимания», а функции «службы понимания» реализуются не только в интерпретации текста, но и в воспитании культуры чувств, человечности, эстетической восприимчивости, гражданской и духовной зрелости.

Образцом для нас в этом смысле является деятельность академика Л.В. Щербы, крупнейшего языковеда-теоретика нашего времени, который всегда помнил и заботился о приложении успехов теоретической науки ко всем возможным видам языковой практики. Круг его деятельности был необычайно широк, включая все разделы как теоретического, так и прикладного языковедения. Много внимания он уделял преподаванию родного и иностранного языков взрослым и детям, разработке программ и учебников. Он не только создал фонетический метод преподавания иностранных языков, но и принимал самое активное участие в создании соответствующих учебных заведений. Он заложил основы теории лексикографии и деятельно участвовал в составлении словарей. Его многогранная деятельность включала и участие в реформе орфографии и транслитерации, и сурдопедагогику, и дефектологию. Его работы были основополагающими для лингвистической интерпретации поэтических произведений и их перевода (*Зиндер, Маслов, 1982*).

Залогом успеха всегда является увлеченность темой. В число стимулов для научной работы входят аттестационные стимулы успеха и престижа. Получить зачет, диплом, степень очень важно. Но эти стимулы при отсутствии других таят в себе большие опасности для общества, для науки, для самого исследователя. Учитель, имеющий диплом педагогического института, но равнодушный к своему делу, к процессу школьной жизни, не заинтересованный в постоянном расширении своих знаний, в своей специальности, может и у учеников вызвать такое же равнодушие, отбить охоту к занятиям и чтению и принесет школе и детям не пользу, а вред. Кандидат наук, пишущий статьи ради выполнения плана и собственной карьеры, создает вредный информационный шум. Создаваемая им макулатура отличается от обычной макулатуры высокой себестоимостью. На нее напрасно тратятся время и силы множест-

ва людей, консультирующих такого автора, рецензирующих, редактирующих, корректирующих его произведение. Напрасно тратятся издательские ресурсы и бумага, которые могли бы пойти на что-нибудь более полезное для науки и культуры. Невольно приходит на память один из законов Н. Паркинсона, который гласит, что прогресс науки обратно пропорционален числу выходящих журналов.

«Информационный шум» — термин информатики, означающий излишнюю, бесполезную, нерелевантную информацию, создающую в коммуникативном процессе помехи для передачи полезной информации. Информационный шум создают, например, работы, которые при помощи большого и трудоемкого аппарата доказывают вещи уже известные или даже очевидные.

Заметим попутно, что информационный шум не следует путать с избыточностью, под которой понимается передача информации числом знаков, превышающим минимально необходимое для передачи той же информации и выполнения коммуникативной задачи в условиях отсутствия помех. Название «избыточность» ассоциируется с чем-то излишним, но на самом деле термин негативной оценки не содержит. Избыточность бывает необходимой для повышения помехоустойчивости и увеличения надежности речевого воздействия.

Информационный шум не всегда порождается недобросовестностью или некомпетентностью. Часто бывает трудно заранее отличить нужное от ненужного. Еще Сенека в IV веке до нашей эры говорил: «Великие оставили нам не только открытия, но и много ненайденного. Может быть они и нашли бы необходимое, если бы не искали лишнее». Это мудрое замечание римского философа остается справедливым и через много веков и не только в отношении науки, но и в других областях человеческой деятельности, например в строительстве.

§ 2. Выбор темы и объекта исследования

При выборе темы начинающий исследователь, будь то студент, аспирант или кто-нибудь еще, стоящий перед этой проблемой, должен отдавать себе отчет в том, к какой более или менее разработанной научной теории этот вопрос относится и что в этом направлении уже накоплено наукой. В противном случае начинающему грозит эклектичность или изобретение велосипеда. Складывая в своей работе кусочки концепций разных ученых, начинающий часто не замечает, что они противоречат друг другу, а иногда даже основываются на разных методологических подходах.

Выбрав направление, важно ознакомиться с трудами всей школы, если таковая имеется, т.е., например, не только с трудами своего руководителя, но и с работами других его учеников, даже в тех случаях, когда объект их исследования сильно отличается от только что избранного. Это существенно, независимо от того, была ли тема выбрана самостоятельно или предложена руководителем. Тема должна соответствовать общему направлению научно-исследовательской работы кафедры, на которой она выполняется.

Для современных лингвистических работ очень характерен и перспективен комплексный подход. Так, например, функционирование личных местоимений рассматривается применительно к их стилистической функции в тексте и выявлению возникающих в тех или иных контекстуальных условиях экспрессивных, оценочных и эмоциональных коннотаций (Гомберг, 1974) или в единстве семантического, синтаксического и прагматического аспектов (Леванова, 1986), или в сочетании стилистики с социо- и психолингвистикой (Долинин, 1987).

Одним из проявлений интеграции внутри лингвистики является установление все более тесных связей между лексикой и грамматикой, как это осуществляется в семантическом и прагматическом синтаксисе. Многие из тех вопросов, которые теперь рассматриваются в семантическом синтаксисе, ранее относились к лексикологии и семасиологии, хотя изучались там под несколько иным углом зрения. Точно также многое из того, чем теперь занимается теория текста, раньше входило в компетенцию стилистики, а сама она развилась из риторики. Почти выделившееся в отдельную отрасль словообразование широко использует результаты, ранее полученные в лексикологии и семасиологии.

Это означает, что, начиная работу, важно учесть, из каких составляющих складывается избранная дисциплина, и при изложении истории вопроса учесть эти компоненты.

Заметьте, что указание на объект исследования само по себе тему еще не определяет. Так, например, в качестве объекта исследования можно назвать неопределенные местоимения или значения числа, или подтекст, или зоометафоры и т.д. Но это еще не тема. При определении темы необходимо продумать проблематику, которую предположено раскрыть, и границы наблюдения. Вот, например, возможные этапы последовательного выявления темы: «Подклассы имени существительного» → «Подклассы имени существительного в английском языке» → «Особенности синтаксического функционирования различных подклассов существительных в современном английском языке». Полезно бывает проверить

свой выбор проблемы, сопоставив ее с проблематикой, выдвинутой в работах, посвященных рассмотрению того же объекта.

Жанр работы определяет ее масштаб. Так, дипломная работа может быть посвящена описанию сложных предложений с теми или иными союзами. В диссертационной кандидатской работе рассматривается актуализация тех же союзов при гипотаксисе и паратаксисе и ставится проблема расхождения между типом синтаксической связи и выраженным содержанием, т.е. когда сложноподчиненное предложение передает отношения, типичные для паратаксиса, а сложноподчиненные — отношения, свойственные гипотаксису (Смакотина, 1987).

В докторской диссертации проблема должна быть фундаментальной, в названии ее формулируется именно проблема, а не частный объект. Так, в докторской диссертации В.В. Богданова, которая называется «Семантико-синтаксическая организация предложения», предлагается новая научная концепция смысла предложения, который рассматривается как организованная совокупность смыслов предикатных выражений. Цель работы состоит в том, чтобы показать, как организована смысловая структура предложения в терминах его предикатов и аргументов и как этот смысл оформляется синтаксическими средствами (Богданов, 1977).

Фундаментальной является и проблема, сформулированная в докторской диссертации З.Я. Тураевой, которая изучает соотношение грамматического и художественного времени и их взаимодействие (Тураева, 1974).

Темпы развития науки непрерывно убыстряются, при этом имеют место два противоположно направленных процесса: внутри каждой науки идет дифференциация и проникновение во все более тонкую структуру явлений, и одновременно происходит интеграция наук. В ходе этой интеграции возникают все новые направления стыковки. Такие процессы каждый исследователь должен учитывать, подкрепляя свою работу обращением к той дисциплине (математика, логика, психология и т.д.), которая может быть полезна в разработке проблемы. Иногда приходится обращаться к специалистам. Если, для того чтобы получить модель объекта или обобщить полученные результаты, применяется математический аппарат, это должно быть сделано строго корректно.

Следует помнить, что всякая модель является известным округлением действительности, особенно в случае объекта такой необычайной сложности, как язык. Для языкознания особенно важно то, что математика позволяет устанавливать не только количественные, но и качественные закономерности. Не случайно в совре-

менной лингвистике особенно плодотворно используются такие разделы математики, как теория графов, теория нечетких множеств, теория информации, математическая логика, и другие области математики, для которых количественная сторона не выступает на первый план.

§ 3. Название темы

После предварительного знакомства с темой и материалом и накопления некоторых фактических данных обращаемся к детальному знакомству с историей вопроса и с уже сделанным предшественниками. Параллельно собирается библиография.

Этот подготовительный этап позволяет сформулировать название темы, цели и задачи работы, составить ее план и выдвинуть основную гипотезу. Все это представляется в соответствующие инстанции, первой из которых является кафедра. Дальнейшее прохождение и утверждение темы зависит от типа работы: она может проходить утверждение на кафедре, на совете факультета, в редакционно-издательском отделе, редакционной коллегии и т.д.

Конечно, название, план, задачи, гипотеза могут в процессе работы измениться, но такие первоначальные наброски совершенно необходимы.

Выше уже немного говорилось о важности названия работы. Остановимся на названии несколько подробнее. Название книги, статьи или диссертации, т.е. ее имя, существенно влияет на ее дальнейшую судьбу и потому должно быть тщательно продумано. Дело в том, что читатель находит нужную ему книгу, статью и т.п. не только потому, что кто-то ее рекомендует или она встретилась в сноске в работе на интересующую тему, но и просто по названию. Первичное решение о том, заслуживает ли книга внимания, читатель часто принимает, еще не видя книги и ориентируясь только на заглавие. Название должно точно указывать тему и отражать проблематику и в то же время быть достаточно кратким, иначе книга может не найти своего читателя.

Требования к названиям несколько разнятся в зависимости от типа работы. Так, для статьи названия, начинающиеся со слов: «К проблеме...», «К вопросу о ...», «К истории...», «О типологических соотношениях...», «О некоторых закономерностях...», «Некоторые вопросы моделирования...», «Опыт анализа...» и т.д., не очень желательны в силу своей неопределенности, но вполне возможны. Для курсовых и дипломных работ они не годятся, так как звучат претенциозно. Для диссертаций они совершенно неприемлемы, поскольку при таком названии автор как будто не претендует на серь-

езные результаты, но тогда можно ли аттестовать такие работы как диссертационные? Подобное название характеризует только начало какого-то исследования, причем, если тема указана широкая, читатель по названию не может судить о том, в каком аспекте разрабатывается проблема и представляет ли она для него какой-либо интерес.

Не следует перегружать название диссертаций иноязычной терминологией. Очень нежелательно введение в заглавие новых терминов без их расшифровки. Название должно быть понято и до прочтения самой работы без обращения к специальному словарю. Неудачно, например, название «Катайконимия в современном английском языке». Далеко не все знают, что этот термин имеет в виду оттопонимические названия, т.е. названия жителей тех или иных городов, стран и т.д.

Диалектика развития науки такова, что новое необходимо, но оно должно быть как-то связано с уже знакомым.

О том, как не проста судьба нового в науке, в «мерфологии», т.е. в известных сатирических «законах Мерфи», говорится следующее: Каждая радикальная идея в науке, в политике, в искусстве вызывает три стадии ответной реакции: 1) „Это невозможно, и не отнимайте у меня время...“; 2) „Может быть это и так, но, право, не стоит за это браться...“; 3) „Я же всегда говорил, что это отличная мысль“.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1977.
- Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В.* Избр. тр.: Лексикология и лексикография. — М., 1977. — С. 118 — 161.
- Гомберг Е.И.* Стилистические функции местоимений в современной английской и американской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1974.
- Долинин К.А.* Стилистика французского языка. — 2-е изд., дораб. — М., 1987.
- Зиндер Л.Р., Маслов Ю.С.* Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. — М., 1982.
- Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М., 1985.
- Леванова А.Е.* Личные местоимения в структуре текста (на материале английского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1986.
- Смакотина Т.М.* Актуализация периферийных значений союзов if, but, for при гипотаксисе и паратаксисе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1987.
- Тураева З.Я.* Лингвистика текста. — М., 1986.

Глава V. ПЛАНИРОВАНИЕ РАБОТЫ. ИСТОЧНИКИ

§ 1. Планирование

Содержание этой главы трудно четко разграничить с содержанием двух предыдущих. Некоторые повторения неизбежны. Речь пойдет о планировании и организации исследования, о сборе материала и научной теоретической информации, о необходимости соответствия материала, метода и проблематики, о критериях отбора материала и его оформлении. Нам также придется вернуться к гипотезе и в этой связи остановиться на роли интуиции.

Важно напомнить, что задача исследователя состоит не только в том, чтобы найти какие-то новые связи в языке и выявить что-то новое в его механизме, но и в том, чтобы установить, что это ново не только для исследователя, и найти место полученных данных в общем поступательном движении науки, в том, что уже известно.

В планировании работы существует как бы две стороны. Во-первых, это планирование процесса исследования, т.е. его организации. Надо установить проблематику, объект исследования, его временные и географические границы, какой фактический материал и по каким критериям он будет отбираться, с какой теоретической литературой предстоит ознакомиться, какая методика будет применяться, зачем теоретически и практически нужно исследовать поставленный вопрос и где могут быть применены результаты исследования. То есть решить три основных вопроса: что делать?, как делать? и зачем? Во-вторых, надо спланировать композицию работы — изложение результатов в виде текста.

Основные этапы работы: нулевой, или предварительный, цикл (предварительное ознакомление); выбор направления, темы, объекта и предмета; сбор и анализ информации по теме; первоначальный сбор фактического материала; формулировка гипотезы; выбор методик; составление подробного плана работы; затем — собственно исследование, обработка, анализ и обобщение результатов и оформление текста работы.

По существующим правилам, если речь идет о диссертационном исследовании, в процессе работы над ним аспирант делает по своему материалу доклады и пишет статьи. В связи с трудностями публикации это приходится, к сожалению, делать на очень раннем этапе и соответственно включать в план.

Необходимо также продумать проверку материала практикой, т.е. его внедрение.

Гуманитарные науки, и особенно филология, — служба понимания и взаимопонимания. Чтобы честно и компетентно выполнить свою задачу, человек, пожелавший стать филологом, должен развивать в себе самостоятельность мышления и чуткость к мышлению другого, для того чтобы в процессе творчества самому решать, как поступать при изучении поставленного вопроса, а не ждать указаний извне. Это касается и умения самостоятельно обобщить и затем применить свои выводы для объяснения своих наблюдений и умения обнаружить противоречия между теорией и фактами языка. Это важно и для любой творческой работы вообще.

Выбирать в потоке обрушивающейся на сознание информации нужное для выполнения поставленной задачи приходится ежедневно и ежечасно, и в процессе этой деятельности молодой человек осознает и свои возможности и находит себя как личность. Филология — самая антропоцентрическая наука. Творческое отношение к исследованию языка несет в себе заряд большой силы для будущей педагогической работы и передачи духовных ценностей следующим поколениям.

Планирование научного текста подразумевает, прежде всего, определение его жанра: доклад, статья, книга, диссертация и т.д. Для более крупных форм существует соответствующий официальный порядок планирования. Статьи и доклады вносятся в план научной работы кафедры или отдела. Для заключения договора на издание книги, как правило, в соответствующее учреждение представляются заявка на издание, план-проспект, аннотация и некоторые другие документы. В аннотации указывается тема работы и область науки, к которой она принадлежит, обосновывается ее актуальность и практическая значимость, а также контингент читателей, на который она рассчитана.

Написание статьи целесообразно предварять докладом, будь то на какой-либо конференции, семинаре или перед другой заинтересованной аудиторией. Реакция слушателей, их вопросы, записки и замечания могут принести не меньшую пользу автору, чем замечания рецензента.

Темы дипломных работ и диссертаций защищаются сначала на кафедре, а затем на совете факультета или сектора, что также очень помогает автору внести соответствующие коррективы и уточнить формулировки. Чем чаще в дальнейшем автор предъявляет отдельные части работы на суд соучеников или коллег, тем лучше для работы. Но тут нужно сделать одно предостережение. Автору очень важно серьезно отдавать себе отчет в принятой позиции и, учитывая обоснованные замечания, не пытаться угодить всем. Оп-

понент может и неточно понять сказанное и вообще ошибиться. Не следует спешить отказываться от хорошо продуманного.

За этой первой пробной попыткой выступить со своей темой должна стоять предварительная работа, но вполне возможно, что результаты этой работы в дальнейшем значительно преобразуются. Эта первая предварительная работа может осуществляться по указанному в главе II гипотетико-дедуктивному методу, включая все его этапы: знакомство с литературой, сбор фактов, их индуктивное обобщение, выдвигание гипотезы или теории для их объяснения, проверка гипотезы. Но все это лишь предварительная работа, обосновывающая тему и целесообразность ее дальнейшего исследования.

Когда тема таким образом утверждена, приступают к самой работе. Очень целесообразно уже на этом этапе составить ее более или менее подробный план по главам и разделам. Само собой разумеется, что в действительности этот план будет осуществлен не полностью и в процессе работы будет не раз переделываться. Но он очень дисциплинирует и помогает организовывать всю получаемую новую информацию, помогает отбирать нужное и отбрасывать ненужное.

Руководителей часто спрашивают, с чего надо начинать, начинать ли теоретическую литературу или собирать фактический материал. По-видимому, это лучше делать параллельно. Опыт, однако, показывает, что на первых порах лучше самому разобраться в фактах (некоторая теоретическая подготовка уже есть), а только уж потом собрать все существующие мнения. В противном случае, у начинающего развивается некоторый комплекс неполноценности и неспособность остановиться: чем дальше он читает, тем больше остается того, что еще надо было бы прочесть. Процесс становится бесконечным, а собственная точка зрения теряет устойчивость.

Последовательность изучения вопроса и написания самого текста работы могут не совпадать. Иногда бывает целесообразно написать сначала исследовательскую часть и только потом — общетеоретическую первую главу с формулировкой исходных концепций и обзором состояния вопроса, с тем чтобы включить сюда только то из проработанной по теме информации, что оказывается релевантным для освещения своего нового материала и решения поставленных задач.

Другой вопрос заключается в том, какую теоретическую проблему позволяет осветить тот или иной факт текста.

Об этом надо подумать еще на первом этапе работы при установлении гипотезы и задач работы. Большую помощь в этом мо-

жет оказать наличие не только положительного, но и отрицательного материала, поскольку, как известно, именно парадоксальные случаи могут привести к интересным открытиям.

§ 2. Критерии отбора материала

Одна из первых трудностей, с которой сталкивается исследователь, — точное выделение объекта исследования и продуманное согласование с ним предмета и материала, на котором производится наблюдение.

Допустим, нас интересуют особенности рекламного текста. Какой частный объект можно выделить, чтобы проследить его специфику? Удачным и оправданным сочетанием трех составляющих — предмета, объекта и материала — мы находим, например, в работе М.Д. Лековой «Специфика гиперболы в языке англоязычной рекламы» (1987). В свете такой центральной для современной лингвистики проблемы, как категория оценки, реклама, действительно, именно тот тип текста, который содержит богатый и благодарный материал для чрезвычайно часто встречающейся в ней гиперболы.

При выборе материала иногда встает вопрос (если работа проводится на материале произведений одного писателя), не будет ли эта работа литературоведческой, а не лингвистической. Думается, что работы по стилистике остаются в компетенции лингвистики, если автор достаточно полно освещает в ней именно языковые явления, встречающиеся в тексте. Часто бывает эвристически целесообразно рассмотреть то или иное явление в произведениях автора, который особенно часто ими пользуется, с тем чтобы получить наиболее полную картину всех возможных его форм и функций. В дальнейшем следует проверить полученные данные и на других источниках, как это сделала Р.А. Киселева, описавшая комические функции авторских неологизмов в поэзии Огдена Нэша, виртуозного изобретателя новых слов.

Неубедительные аргументы типа *Это — не лингвистика, Это — не в нашей компетенции* или *Это — литературоведение* возникают вновь и вновь, хотя и являются в наше время интеграции многих наук подлинным анахронизмом. Интеграция лингвистики с психологией, социологией, логикой и возникновение психолингвистики, социолингвистики и других наук, образованных из соединения с науками смежными, никого не удивляет и не смущает, но всегда находятся консерваторы, которые не признают объединения теории литературы и лингвистики в стилистике декодирования, лингвистической поэтике или лингвистике текста.

Надо надеяться, что появление все новых и новых работ, расширяющих опыт лингвистов за счет включения данных других наук о слове, развеет эти заблуждения.

Проследим теперь некоторые возможности постепенного нащупывания темы. Наметка темы иногда возникает в процессе практических занятий языком или в студенческих докладах на семинарах.

Нередко случается, что формулировки границ объектов исследования страдают нечеткостью и расплывчатостью. Если это имеет место на начальных этапах работы над темой, это вполне естественно, но по мере углубления в работу исследователь уже получает возможность уточнить или сузить определение своего объекта и это необходимо сделать. Немалое значение при этом имеет четкое представление о том, какие уровни языка рассматриваются и какие отрасли науки о языке интегрируются, если такая интеграция имеет место. Заметим попутно, что такое объединение уровней вполне правомерно и необходимо, поскольку в языке знаки низших уровней не только служат кирпичиками для создания единиц следующих по иерархии уровней, но и имеют возможность сквозьуровневого действия, т.е. эффекта на уровнях более высоких рангов.

Всякое множество, а следовательно, и множество подлежащих изучению фактов языка, определяется, как известно, двумя путями: либо указанием свойств входящих в него элементов, либо перечислением.

Первый подход можно иллюстрировать на примере диссертации Е.Н. Коршак о поэтических неологизмах. Она определяет предмет своего исследования так: «Поэтическими неологизмами будем считать слова, употребленные в поэтическом тексте, но незафиксированные словарями» и далее устанавливает список словарей, по которым это свойство проверяется (Коршак, 1983). Второй подход пояснений не требует.

Отметим также, что источники примеров и количество страниц, на которых делается выборка, надо фиксировать сразу же, не откладывая, потому что подсчеты постфактум приводят или к очень нерациональным тратам времени, или к неточностям.

§ 3. Источники фактического материала

Основными источниками материала для лингвистических работ являются тексты, словари и опрос информантов.

Успехи лексикографии привели к тому, что в лексикологических работах, особенно в тех случаях, когда обследованию подлежат

большие массивы слов, сбор материала по словарям дает основную массу фактов и словари считаются вполне надежным источником. В большинстве работ, однако, материал, собранный по словарю, в дальнейшем проверяется и дополняется текстовым материалом. Изучая большие группы или высокочастотные слова, исследователи собирают более трех тысяч примеров.

Полные выборки накапливаются к концу работы, а приблизительная наметка проблематики и стратегии работы осуществляется на сравнительно небольших предварительных выборках.

Собранный корпус примеров всегда учитывается при оценке достоверности, хотя, конечно, и с учетом адекватности и последовательности применения методики. Достаточность выборки зависит от типа и частотности объекта. Так, для анализа функционирования в тексте шести слов неполной предикации потребовалось несколько тысяч примеров, поскольку для этих шести слов приходилось учитывать весьма разнообразные связи. В работе же об авторских неологизмах уже само отыскивание их представляло нелегкую задачу, и собранные 560 случаев позволили сделать интересные и обоснованные выводы.

Для того чтобы охарактеризовать английскую лексику со значением лица, Н.К. Карпухина собрала по «Большому Оксфордскому словарю» свыше 7000 слов, и такая цифра давала ей возможность обобщить и смоделировать эту группу и не была чрезмерно большой.

Вполне возможно, что когда лексикографии с помощью ЭВМ удастся сделать словари нового типа, в которых будут содержаться все сведения о данном языке, в том числе и синтаксические, то и работы по синтаксису можно будет основывать на данных словарей. А пока синтаксические работы делаются по материалам текстов.

Многие американские ученые считали возможным исследовать язык на основе придуманных примеров. Однако отсутствие объективных данных или, точнее, ограничение данных интуицией ученого были одной из причин недолговечности этих теорий.

Основным источником материала для советских англистов служат оригинальные тексты: художественные, научные, газетные, публицистические, рекламные и т.д. Если в задачу работы не входит изучение национальной вариативности тех или иных явлений, то для английского языка целесообразно проводить исследования в пределах какого-либо одного варианта — британского, американского или, может быть, австралийского, — хотя в настоящее время есть

тенденция некоторого их сближения благодаря средствам массовой коммуникации.

Изучение вариативности английского, немецкого, французского, испанского и португальского языков, которые в разных странах приобретают статус национальных языков и, точнее, национальных вариантов, формируется теперь в отдельную и очень важную отрасль языкознания, получившую название вариантологии (см. работы А.И. Домашнева, Е.А. Реферовской, Г.В. Степанова).

Как уже сказано выше, источником материала могут быть и информанты.

С информантами работают преимущественно представители психолингвистики, в других отраслях языкознания к ним обращаются мало и преимущественно только для дополнительной проверки.

Источник материала должен строго соответствовать поставленной задаче. Большие группы лексики изучаются по словарям, валентность тех или иных единиц — по текстам, но существуют в этом плане и некоторые предрассудки, против которых нужно предостеречь. Некоторые считают, что изучать особенности разговорной коммуникации и ее психолингвистические проблемы можно по диалогам в романе или по драматургическому тексту. Это — заблуждение: в художественной литературе речь преобразована и препарирована в соответствии со стоящими перед писателем художественными задачами и не может служить документальным и достаточно объективным отображением реальной коммуникации. Разговорную коммуникацию следует изучать с помощью информантов-носителей и записей на пленку.

Комбинированное использование источников разных типов увеличивает достоверность: результаты, полученные на лексикографическом материале, могут проверяться на текстах или с помощью информантов. Следует помнить, что очень многое зависит от постановки эксперимента, при котором интуиция исследователя может заменяться интуицией информанта. На проблеме интуиции предстоит остановиться в § 4.

§ 4. Интуиция и воображение

В главе III подробно рассматривались различные процедуры научно-объективного анализа языковых явлений. Но успех исследования зависит не только от удачного выбора и комбинаций методик, но и от сочетания формальных процедур и интуиции, а иногда и воображения.)

Вопрос о месте интуиции в лингвистических исследованиях разработан пока очень мало, но времена, когда интуиция считалась чем-то ненаучным, субъективным и даже одиозным, к счастью, миновали. Роль интуиции и воображения в других науках все больше привлекают внимание ученых. О значимости интуиции и воображения для научного творчества писали такие корифеи науки, как А. Эйнштейн, Н. Винер, П. Капица.

Под интуицией понимается, как указано в «Логическом словаре» Н.И. Кондакова, способность человеческого мозга совершать в процессе познания как бы скачок. Этот скачок происходит в результате внезапного постижения недостающих в логическом анализе компонентов, минуя промежуточные этапы, и является очень важным фактором для целостного восприятия объекта. В конечном счете, интуиция опирается на имеющиеся в сознании и памяти данные опыта, но происходит как мгновенное «озарение».

В отличие от расчлененности логического мышления, интуиция имеет синтезирующий характер и позволяет видеть целое раньше частей. Поэтому она нередко играет очень важную роль в создании первоначальной гипотезы и подсказывает направление дальнейших исследований. Сформулированная гипотеза проверяется в дальнейшем отбором фактического материала, его тщательной обработкой в соответствии с избранной методикой, классификацией и доказательным объяснением. Если гипотеза подтверждается лишь частично, ее соответственно модифицируют и вновь проверяют.

Следует отличать только что описанную эвристическую интуицию, направленную на познание, от интуитивного знания языка его носителями.

Оба типа интуиции оказываются необходимыми на разных этапах исследования. Эвристическая интуиция позволяет сформулировать гипотезу. Если она проверяется, например, по словарям, то мы пользуемся результатами коллективной интуиции носителей языка, которая в них отражена; если мы обращаемся к информантам, мы пользуемся лингвистической интуицией отдельных носителей языка. Обращение к информантам признается оправданным в тех случаях, когда нет возможности обосновать те или иные результаты данными строгой процедуры.

С эвристической интуицией связан категориальный синтез, посредством которого к объекту исследования применяется система сформировавшихся в сознании исследовательских категорий, что позволяет обобщить полученные данные и сделать выводы.

Исследователь должен давать себе ясный отчет в том, на каких этапах работы он опирается на интуицию и какие результаты получены экспериментальным или логическим путем.

Заметим попутно, что так называемый филологический круг Шпитцера и описанный выше гипотетико-дедуктивный метод опираются именно на эвристическую интуицию. Сущность принципа филологического круга состоит в том, что исследователь, заметив в тексте какую-то необычную деталь, по догадке объясняет ее каким-то важным элементом содержания. Приняв это объяснение за основу, исследователь проверяет свою догадку на других особенностях произведения (дедукция). Затем, вновь индуктивно выясняет, насколько существенны найденные идеи и какими другими чертами они подтверждаются, т.е. идет как бы по кругу.)

Воображение занимает важное место в системе творческих способностей человека, так как оно необходимо для мысленного преобразования ситуаций, мысленного изменения их величины и других свойств. Это мысленное преобразование знаний и опыта ведет к формированию наглядных образов для явлений, которые не даны нам в непосредственном наблюдении. Создаваемые воображением образы могут служить чувственной опорой для мышления. Образы эти перерастают в символы, которые, в свою очередь, способствуют обобщениям и помогают понять многозначность явлений.

Воображение по-новому комбинирует элементы, экстраполирует их в новые условия, создает идеальные объекты и научные модели.

Субъективность в поэзии признают все, но она есть и в науке, и в том числе в точных науках. Известно, что многие физики, размышляя над своими проблемами, воображали себя теми элементами или частицами, которые изучали: «Как бы я вел себя на месте этой частицы?» – вопрос этот помогал многим. Так же и в естественных науках. Ч. Дарвин говорил, что он воображал себя эволюционирующим существом.

У научного воображения есть некоторые общие черты с поэтическим. Они оба накладывают на действительность некоторую схему, модель, устраняя несущественное. Отрыв от реальности сочетается с новой привязкой к ней. Подобно поэтическим, научные образы – не просто слепки с действительности, они преобразуются и получают форму, удобную для включения в мыслительный процесс.

Не случайно и в научной терминологии новые понятия номинируются иногда метафорически. В качестве примера можно привести очень выразительное название, которое на первых порах по-

лучили упомянутые в предыдущей главе нечеткие множества, их называли «пушистыми множествами» (fuzzy sets).

§ 5. Композиция работы

Несколько слов следует сказать о композиции работ. Всякое исследование должно иметь введение, которое сразу же вводит читателя в тему и задачи работы, обзор состояния вопроса, основную часть и заключение. Основная часть может еще делиться на разделы или главы. Приблизительно такую же структуру имеют и отдельные главы. То есть в начале каждой главы говорится несколько слов о ее задачах. Только истории вопроса здесь может и не быть, если она целиком дана во введении или в первой главе. Принятый в школьных сочинениях «план» в курсовых работах может сохраняться, но лучше его иметь только в авторском черновике, а в окончательном варианте целесообразно показать структуру с помощью графического соподчинения заголовков и закончить работу «содержанием», отражающим структуру всей работы. Хорошо продуманные названия разделов помогают читателю при первом же просмотре составить себе ясное представление о логике и архитектонике работы.

В диссертационных исследованиях введение делается теперь по стандарту. Введение занимает около 5 страниц машинописного текста, в нем обязательно указываются отрасль науки, в русле которой написана работа, объект и тема исследования, актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость работы по данной теме, материал и методы исследования, положения, которые выносятся на защиту как результат решения поставленных в исследовании задач, и структура диссертации.

Важно подчеркнуть, что автор здесь не дает оценки своей работы, это сделают оппоненты, а конкретно обосновывает свою тему и как бы делает «патентную заявку» на полученные результаты.

Всякая работа должна содержать точную формулировку основных используемых в ней понятий. Их можно дать либо во введении, либо в первой главе. В первой главе обычно дается обзор и критическое изложение истории вопроса. В зависимости от характера работы такой обзор может быть развернутым или очень кратким.

Статья на главы, естественно, не делится, но и в ней должна быть четкая композиция.

В кандидатской диссертации обычно содержится от двух до четырех глав. Главы могут делиться на параграфы и далее на абзацы. Очень существенно, чтобы все части композиции были пропорци-

ональны, логично расположены, начинались с сообщения о том, чему они посвящены, и заканчивались выводами. В конце каждой главы выводы специально маркируются, а в конце всей работы сводятся в заключение, которое не должно повторять выводов по главам, а, подводя итоги всему исследованию, показывает, как полученные результаты вписываются в уже известное в науке и какие перспективы обещает дальнейшая разработка темы. На этих последних трех-четырёх страницах автор как бы поднимается на более высокую степень обобщения.

Работа заканчивается списком использованной литературы. Его размеры зависят от типа работы. Для дипломной работы — примерно 20 названий, а для кандидатской диссертации — до 200. Количество страниц в кандидатской диссертации регламентируется соответствующими постановлениями. Объем приложений не лимитируется.

Реферат для поступления в аспирантуру занимает обычно страниц 30—40. Но здесь очень существенно, чтобы материал и его трактовка подсказывали возможности дальнейшего расширения темы, хотя сам материал может быть более узким. Проблема может рассматриваться на материале какого-нибудь одного романа. Здесь особенно важно, чтобы автор проявил эрудированность и умение найти интересную и актуальную тему. Списки использованной литературы могут быть разными — от 20 названий и больше.

От курсовой работы научной новизны не требуется, хотя она, конечно, не возбраняется. Важно получение и применение элементарных навыков научной работы, т.е. обзора литературы, ее конспектирования и цитирования, сбора и классификации собственного фактического материала, т.е. примеров и их анализа применительно к тем или иным научным положениям. Необходимо развитие самостоятельности и научной наблюдательности. Студент должен научиться не просто находить нужную научную информацию, но и грамотно ее переработать и показать, как и откуда получены те или иные сведения. Объем текста — порядка 20—30 страниц, библиография, как правило, включает 10—20 наименований.

Требования к дипломным работам во многом приближаются к диссертационным, но объем их меньше (до 100 страниц), а тема может быть узкой и очень конкретной по материалу, хотя здесь руководителю, студенту и кафедре предоставляется достаточно большая свобода выбора. От пишущего дипломную работу требуется хорошее знание языка, умение собирать и наблюдать языковой материал, умение с помощью руководителя установить степень изу-

ченности рассматриваемого вопроса, обосновывать свои выводы по поводу собранного материала и критически подойти к литературе вопроса, умение корректно и стилистически грамотно изложить результаты и аккуратно оформить работу.

Перестройка высшей школы предполагает всемерное оживление разнообразной творческой активности студентов. Все изложенное выше нужно учитывать во всех видах самостоятельной работы студентов как индивидуальной, так и в кружках, на конференциях СНО и т.д. Добавим только, что при устной форме научной коммуникации изложение должно быть рассчитано на восприятие на слух, оживляться яркими примерами, а объем его регламентируется ситуацией.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
Воображение и фантазия в научном творчестве: Аналитический обзор // Проблемы научного творчества. — 1985. — Вып. 4.
Киселева Р.А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции (на материале английской и американской сатирической и комической литературы XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1970.
Коршак Е.Н. Авторские новообразования в поэтическом тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1983.
Лингвистическая прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. — 1985. — Вып. 16. — С. 1—501.
Степанов Г.В. К проблеме языкового варьирования: Испанский язык Испании и Америки. — М., 1979.

Человек устроен так, что знание неотделимо от языка.
(Ю.Н. Караулов)

Глава VI. МЕТАЯЗЫК ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Общее понятие о метаязыке

Для того чтобы описать факты языка и установить существенные связи между ними, необходимо не только разработать эффективные методы исследования, но и найти рациональные способы вычленения подлежащих изучению элементов, эффективно представить полученные результаты, классифицировать и обобщить их. Поскольку любое знание должно быть выражено словами или другими знаками, все эти задачи выполнимы только при условии, когда процессы познания и интеллектуальной коммуникации обеспечены адекватно развитым метаязыком.

Метаязыком называют язык, предназначенный и используемый для описания другого языка, т.е. язык, объектом которого являются содержание и форма другого языка. Этим другим языком может быть отдельный национальный язык (в нашем случае английский) или даже любая другая семиотическая система.

Греческий префикс *мета-* означает *другой, после* и употребляется в научном стиле достаточно часто (ср. *метатеория* — теория, изучающая свойства другой теории, *метаматематика* — теория математических доказательств).

В метаязык лингвистики входит терминология, общенаучная лексика, свойственная научной литературе вообще в любой отрасли знания, буквенная символика и графика.

Графический метаязык включает таблицы, схемы, графики, графы, матрицы и т.п. Графические средства имеют вспомогательный характер и должны сочетаться с вербальными.

Научный уровень любого исследования существенно зависит от применяемого метаязыка, его строгости и точности. Метаязык влияет не только на ясность концептуального аппарата и понятность его для читателя, но влияет и на самого автора: усложняя язык, автор сам себе мешает мыслить.

Всякая наука есть процесс переработки информации и обмена ею, поэтому, если коллеги не понимают терминологии и вообще метаязыка, которым пользуется автор, обмен информацией становится или вообще невозможным, или сильно затрудняется, а в результате и вклад автора в науку обесценивается.

§ 2. Терминология

Термином принято называть слово или словосочетание, служащее для точного выражения понятия, специфичного для какой-нибудь отрасли знания, производства или культуры, и обслуживающее коммуникативные потребности в этой сфере человеческой деятельности. Совокупность терминов той или иной отрасли образует ее терминологическую систему.

Объем и содержание отражаемого термином понятия фиксируются в специальной литературе и входят в систему профессиональных знаний в этой области. Для того чтобы слово стало термином, оно должно иметь определение в специальной литературе. Такое определение принято называть дефиницией. Это, однако, далеко не означает, что у каждого термина имеется единая дефиниция в данной науке. Разные авторы, пользуясь одним и тем же термином, дефинируют его несколько по-разному.

В качестве примера можно привести сильно различающиеся определения основного для лингвистики понятия «значение».

Э. Бенвенист определяет значение как способность языковой единицы быть составной частью единиц высшего уровня, а форму как способность языковой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Для контраста можно привести определение В.М. Солнцева: «Значение в слове есть тот минимум признаков понятия, который необходим для того, чтобы языковой знак приобрел социальную значимость» (Солнцев, 1977). Или определение известного автора словаря лингвистических терминов — Ж. Марузо: «Значение слова есть совокупность представлений, которые могут быть вызваны произнесением этого слова». В книге по стилистике английского языка я определяю значение слова таким образом: «Под лексическим значением слова понимается реализация понятия, эмоции или отношения средствами языковой системы» (Арнольд, 1981).

Этот список можно было бы продолжить на добрую сотню страниц. Причина такого разнообразия состоит в том, что определения соответствуют разным задачам того или иного направления в лингвистике и отражают разнообразие подходов авторов к предмету.

Терминоведение в настоящее время представляет собой самостоятельную отрасль лингвистики, и число работ в этой области непрерывно растет. «Терминологический взрыв», вызванный научно-технической революцией, в свою очередь, порождает интенсификацию этой области языковедения. Лингвисты оказывают большую помощь специалистам других наук в изучении и стандартизации

их терминологии. Но состояние самой лингвистической терминологии вызывает некоторую озабоченность. Терминология лингвистики отягощена синонимией и многозначностью. Она настолько не упорядочена, что изложение материала часто приходится начинать с перечня терминов, уже существующих для концептов, которые предполагается изучить.

Чтобы показать, как это делается, посмотрим, как Ю.С. Степанов описывает основную терминологию, которая встречается при рассмотрении семантического строения языка.

«В слове внешний элемент — последовательность звуков или графических знаков, означающее — связан — в системе языка и в сознании его носителей — с двумя другими элементами: с одной стороны, с предметом действительности, т.е. с вещью, явлением, процессом, называемым *денотат*, *референт*, *экстенционал*; с другой стороны, с понятием или представлением об этом предмете, называемом (в разных теориях по-разному) *означающее*, *сигнификат*, *концепт*, *интенционал*. <...> Что касается слова «значение» (англ. *meaning*), то оно употребляется в обоих смыслах» (Степанов, 1981: 11).

Это предложенное Ю.С. Степановым перечисление достаточно показательно как свидетельство терминологической синонимии, но оно оставляет в стороне терминологическую полисемию. Большинство авторов понимает под «означаемым» и референт, и сигнификат, т.е. обе группы, также как в термине «значение». «Денотат» многие относят ко второй группе, называя этим термином предметно-логическое значение в отличие от коннотативного.

Во многих книгах по лингвистике определения важнейших терминов, в особенности, если они вводятся впервые или отличаются по содержанию от более или менее известных, даются в конце в глоссарии или указателе терминов.

Такой метатекст (метатекстом называется всякий текст, дополняющий и сопровождающий основной текст: глоссарии, ссылки, библиографический аппарат) очень удобен для читателя и всегда заслуживает внимания, тем более, что туда включаются термины, которые представляются автору особенно важными.

Ориентированию читателя помогают также предметные указатели, где термины расположены в алфавитном порядке с указанием страниц книги, на которых о них идет речь.

Для того чтобы заострить внимание читателя на новом термине, применяют шрифтовое выделение.

В некоторых случаях термин можно сравнить с именем героя романа. Для того чтобы действительно познакомиться с героем и

понять предложенный автором образ, нужно прочесть роман до конца, для того чтобы освоить термин — необходимо прочесть весь посвященный ему текст.

Следует помнить, что дефиниции часто включают другие термины, которые требуют специальных знаний, комментариев или дополнительных дефиниций, что справедливо и для авторских и для словарных дефиниций.

Общеизвестно, что наиболее трудно поддаются определению основные понятия. Для лингвистики это особенно важно, поскольку в число терминов метаязыка, и притом основных терминов, входят слова, бытующие и очень частотные в общелитературном языке: «язык», «речь», «слово», «имя», «знак», «значение» и многие другие. Переосмысление слов обиходного и общелитературного языка ведет к межотраслевой полисемии и омонимии.

Богатые возможности литературного языка иногда оказываются полезными только на первых порах создания концепта и термина, а позднее могут привести к нежелательной синонимии. Так, в настоящее время, когда категоризация эмоций в лексике языка стала предметом подлинно научного анализа (например в работах В.И. Мальцева, В.И. Шаховского), прежнее разнообразие обозначений уже становится тормозом. Между тем в литературе, исследующей отражение эмоций в лексике, приблизительно одно и то же обозначаемое называется «эмоционалом» или «эмотивным аспектом», «эмоциональным значением», «коннотацией», «обертонном», «окраской» и т.д. Само собой разумеется, что введение термина в текст не может ограничиться определением, даже самым точным и исчерпывающим. Надо еще дать многие пояснения, указать место нового концепта в системе уже существующих. (Об определениях см. подробнее в гл. VIII.)

В заключение параграфа уместно привести мысль основателя семиотики Ч. Морриса о том, что изучение науки есть изучение языка науки. Отметим, что определение основных терминов, которыми Вы пользуетесь в той или иной работе (т.е. терминов, принятых в данном конкретном исследовании), очень важно, поскольку без него читатель не может представить себе их место в общей системе уже существующих знаний и невозможно отличить вновь вводимые понятия от уже существующих.

§ 3. Требования к термину

Требования, предъявляемые к терминам и терминосистемам, были сформулированы еще в 30-х годах в многочисленных работах основоположника советского терминоведения Д.С. Лотте. Деятель-

ность этого ученого была в первую очередь связана с упорядочением и стандартизацией русской научной и технической терминологии, его вклад в теорию термина и в практику работ по стандартизации, проведенных АН СССР, имеет неоценимое значение.

Д.С. Лотте показал, что однозначность не возникает в терминологии сама по себе, а является следствием или должна быть следствием работы над термином тех, кто создает терминологию (Лотте, 1961).

Он выдвинул и обосновал следующие применяемые к термину требования: краткость, однозначность, мотивированность, простота, согласование с другими имеющимися в терминосистеме терминами, т.е. системность, предпочтение уже внедренным и русским терминам перед новыми и иностранными.

Особый интерес и значение имеют мысли Д.С. Лотте о системности терминологии как отражении системности науки, его работы по образованию научных терминов и об условиях их заимствования.

При создании лингвистических терминов используются те же способы, что и при создании других терминов и вообще новых слов. Это — разные типы аффиксальных образований, сложных и сокращенных слов, словосочетаний и акронимов («алломорф», «аллофон», «прагматикон», «ФСР»); изменение значений уже существующих терминов («код», «валентность», «парадигма»); заимствование терминов из другого языка («импликатура», «фрейм»).

Чтобы правильно построить новый термин, надо определить его обоснованность. Для этого исследователь должен отчетливо представлять себе содержание самого понятия, научную идею, для которой оно необходимо, его место среди других в классификационной схеме. Последнее важно, ибо четкая классификационная схема позволяет отличить необходимые и существенные признаки от случайных, т.е. установить общие признаки, связывающие это понятие с другими понятиями того же класса, и признаки, его отличающие.

Большое значение при этом имеет мотивированность термина, тесно связанная с его системностью. Под мотивированностью понимается соотношенность термина с другими терминами той же системы или со словами общего языка. Эта внутренняя форма термина определяется и в сопоставлении его с распространенными в данной терминосистеме морфемами, и с лексикой языка в целом. Так, например, «контакт» — характер соединения гласного с последующим согласным — соотносителен со словом обычного языка, обозначающим *соприкосновение*.

С другой стороны, такой термин, как «омонимика», оказывается мотивированным благодаря корреляции с такими терминами, как «антропонимика», «синонимика», «топонимика», где суффикс *-ика* указывает на то, что термин означает *учение о том, что названо корнем*, а также совокупность названных корней единиц.

Сам термин «омоним» тоже мотивирован. Первый его элемент встречается в терминах «омофон» и «омограф» и означает *одинаковый*, а второй — в терминах «синоним», «антоним», «аллоним» и «пароним» означает *название*. Термин указывает на то, что единица рассматривается не сама по себе, а в соотношении с другой единицей лексики или несколькими другими единицами. Так, омонимами называются две или более разные лексические единицы, совпадающие по звучанию.

Мотивированность имеет место и в тех случаях, когда аффикс имеет несколько значений, как тот же упомянутый выше суффикс *-ика*, который может образовывать слова со значением *аспект исследования языка* («синтагматика», «парадигматика») и со значением *графический знак* («диакритика»); подобная неоднозначность внутренней формы снимается контекстом.

Требование мотивированности термина лучше всего удовлетворяют терминологические сочетания, но они противоречат требованию краткости.

Как пример классификационной точности и мотивированности терминов словосочетаний можно привести предложенные М.Д. Степановой, разработавшей для немецкого языка теорию валентности, такие термины, как «внешняя валентность» и «внутренняя валентность» с подразделением последней на «внутреннюю морфологическую валентность» и «внутреннюю семантическую валентность» (см с. 45).

Вопрос о заимствовании терминов всегда является актуальным в практике терминологической работы. Стихийные заимствования здесь могут быть очень вредными, так как нарушают установившуюся систему понятий. При заимствовании чужого термина Д.С. Лотте рекомендует учитывать: 1) насколько звуко сочетания в данном слове соответствуют общепринятым сочетаниям русского языка; 2) насколько морфологическая его структура гармонирует со строем принимающего языка; 3) имеются ли у рассматриваемого слова производные, которые также могут быть заимствованы; 4) как взаимодействует заимствованное слово со всей системой принимающего языка, т.е. есть ли у него синонимы, антонимы, слова того же корня.

Под буквальными заимствованиями понимают случаи, когда слово заимствуется целиком с мелкими фонетическими изменениями, обусловленными различиями фонетических систем двух языков. Это — самый простой и нетворческий вид заимствования. От таких заимствований следует отличать случаи, когда термины составлены из иноязычных элементов, но из элементов (обычно латинских или греческих), которые в качестве самостоятельных слов в тех языках не существовали, например: «макроконтекст», «метатекст». К числу заимствований относят также буквальные переводы — кальки. В момент заимствования какого-либо термина из иностранного языка значения вновь созданного слова и прототипа могут полностью совпадать, но в дальнейшем такой термин может подвергнуться всем тем изменениям, которые происходят с терминами любого происхождения, бытующими в языке.

§ 4. Недостатки терминологии и их причины

Одна из причин, нарушающих системность терминологий, состоит в том, что в лингвистике существует большое число различных научных школ, а следовательно, не одна, а несколько систем терминов. Множественность теорий порождает и многочисленность и многозначность терминов, одновременно используемых в разных школах.

Заметим, что неприятная неизбежность разнобоя в терминологии в пределах отрасли в работах разных авторов не может оправдать терминологической пестроты в работе одного автора. Раз приняв термин, следует его придерживаться, во всяком случае, в пределах одного текста.

Неоднородность терминологии, вызываемая существованием разных направлений, — причина объективная. Но существуют и вредные субъективные факторы. Эти факторы — соображения престижности или, даже хуже, — карьеризма. Диагноз этой болезни дает Р.А. Будагов. Он делит исследователей на три типа. Первый тип, обнаружив что-то новое, как бы предлагает это новое на суд коллег, приглашает их к дискуссии. Это, разумеется, плодотворный для науки тип. Другие стремятся усовершенствовать уже имеющиеся в науке результаты. При условии достаточной компетентности и достаточной аргументированности критики они тоже вносят в науку полезный вклад. Но есть, к сожалению, и третий тип. Их позицию Р.А. Будагов называет «позицией затмения». Пытаясь затмить предшественников, они искажают сделанное другими, приписывают им нелепые идеи. Они бездоказательно, не утруждая себя поисками истины, переписывают модные в данный момент концеп-

ции других ученых, особенно почему-то американских, пренебрегая тем, что сделано в нашей стране. В отношении метаязыка это приводит к неоправданному засорению терминологии заимствованными словами и терминами.

Обильное чтение литературы по специальности конечно необходимо, но подхватывание из прочитанного новых слов и их бездумное показное использование к получению новых научных результатов не приводит. Такой подход не должен подменять основания новых методов исследования и обработки больших массивов самостоятельно собранного материала.

А то ведь можно заработать оценку, произнесенную персонажем из пьесы А.П. Чехова «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном».

Авторы лингвистических работ часто не соблюдают сформулированных Д.С. Лотте требований и особенно часто пренебрегают внедренностью термина, без необходимости заменяя уже имеющиеся в науке термины новыми, желая показать, что они как-то видоизменили концепцию. Вместо того чтобы уточнить дефиницию или распространить и уточнить старый термин при помощи атрибутивного словосочетания, они вводят новое слово. Термины-словосочетания в таких случаях всегда предпочтительны, так как они не разрушают существующую терминосистему, не расшатывают ее, как неоправданно введенные новые термины, а совершенствуют ее, мотивированно показывая категориальные связи.

Сказать новое слово в науке и употреблять новые придуманные слова — далеко не одно и то же.

Как уже говорилось выше, критическое состояние метаязыка лингвистики имеет объективные и субъективные причины. Погоня за престижем — причина субъективная, а интеграция и дифференциация наук — объективная. Термины, возникшие в пределах одной науки или одной школы, переходят в другую. Попадая в новую сферу, они могут видоизменить свое значение, а читатель может понять их в том смысле, в каком он встречал их раньше, в той науке, откуда они пришли, или не понять совсем.

Интеграция наук проявляется в лингвистической терминологии в постоянном заимствовании терминов из других наук. Выше уже говорилось о том, что термин «адаптивность» дал нам Ч. Дарвин, а термин «валентность» заимствован из химии. Множество терминов заимствовано из математики и логики. Термин «ассоциация» — из психологии, «квант» — из физики. С лексикологической точки зрения интересно проследить процессы возникновения и миграции термина «фрейм». Первоначальное очень конкретное

значение *рама* в процессе абстрагирования дает значение *структура*. В английской теоретической механике возник термин-словосочетание *reference frame система координат*. Эллиптическое сокращение дало термин *frame*. В таком виде слово, или точнее термин, перешло сразу в несколько областей лингвистики и особенно укрепилось в прикладной лингвистике в русском языке через буквальное заимствование в смысле *один из элементов промежуточного языка*, по Караулову, или языка мыслей. «Фрейм» — абстрактная сеть из взаимосвязанных схем, функциональных связей и смысловых опор при представлении содержания текста, знаний или событий.

Субъективный фактор стремления к престижности и наукообразию приводит к образованию лишних новых терминов. Текст перегружается квазинаучными словами, часто самодельными. Сложность метаязыка маскирует отсутствие новизны и содержания.

Мысль эта далеко не новая. Ее можно найти у великих философов XVII века — Томаса Гоббса (1588 — 1679), Джона Локка (1632 — 1704) и Готфрида Лейбница (1646 — 1716). Этим мыслителям интересовало выявление и устранение несовершенств языка и злоупотребления словами. «Самый легкий способ защищать странные и нелепые учения — это окружить их легионами неясных и непонятных слов. От появления нового термина неизвестное известным не становится.<...>Так как неправда неприемлема для человеческого ума, то для защиты нелепости остается только неясность», писал Дж. Локк. Известный английский лингвист У. Хаас в своих лекциях в ЛГУ говорил: «Для того чтобы путаница продержалась в науке много лет, ей нужно только иметь достаточно высокий уровень сложности».

Даже опытному ученому иногда трудно отличить новое название для чего-то уже знакомого от названия другого, похожего, но не тождественного, концепта и установить, в чем их различие.

Терминология лингвистики сильно отягощена синонимией и полисемией. Так, вместо термина «коннотация» употребляют термины «слабый импликационал», «прагматическое значение», «виртуема» и другие.

Для большинства авторов коннотация — составляющая лексического значения, выражающая эмоциональное и оценочное отношение к предмету речи и собеседнику, экспрессивность, стилистическую принадлежность и другую прагматическую информацию. Многие подчеркивают в коннотации признак дополнительности к когнитивному значению. Другие считают собственно коннотацией только эмотивность (*Шаховский, 1987*) или только стилистическую

принадлежность (*Азнаурова, 1973*). Все эти случаи усложнения терминологической ситуации объясняются объективными причинами дифференциации внутри науки. Чем больше лингвисты убеждаются в том, что язык выражает не только предметное и абстрактное мышление, но и эмоции и оценки, тем более содержательным становится учение о коннотациях как отражении языковой личности. Теорию коннотаций и обзор литературы о них можно найти в работах И.А. Стернина и В.И. Шаховского.

§ 5. Советы начинающим

У начинающих исследователей неустойчивость терминологии возникает не только потому, что им кажется, что чем сложнее, тем научнее, но нередко и потому, что в процессе работы молодой ученый совершенствует и уточняет термины, но, когда работа закончена, забывает о необходимости унификации. Во избежание употребления разных терминов для одного и того же концепта или незаметного для самого автора переосмысления терминов следует фиксировать избранные термины на специальном листе или еще лучше в картотеке и там же записывать их определения. Последние будут по ходу работы уточняться. Этот материал нужно всегда иметь перед глазами. Он станет для исследователя персональным глоссарием и в дальнейшем будет пополняться.

Помня, что точность и систематичность термина — это не присущее ему свойство, а предъявляемое к нему требование, приходится, сталкиваясь в литературе с разными наименованиями для одного и того же понятия, группировать их в синонимические ряды и отбирать для своей работы наиболее подходящие и, по возможности, уже внедренные.

Приходится считаться и с наиболее привычными для лингвистической терминологии типами и особенностями словообразования: например, с так называемой алло-эмической системой аффиксов, по которой единицам с суффиксом *-ема* на всех уровнях могут противопоставляться единицы с префиксом *алло-*. Первый используется при обозначении структурных типов или элементов: «морфема», «фонема» и т.д. Префикс *алло-* служит для обозначения разновидности: «алломорф», «аллофон».

Большую и положительную роль в стабилизации терминологии сыграл «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой. Но он был опубликован более 20 лет тому назад и теперь, естественно, устарел. Многие современных терминов в нем нет. Пользоваться им можно, но приходится вносить некоторые коррективы. Серь-

езным недостатком его является то, что в нем не указаны расхождения в терминологии разных школ. В библиотеках больших городов можно пользоваться и зарубежными словарями лингвистической терминологии, но и в них обычно указывается терминология только одной школы, той, к которой принадлежит составитель словаря.

Корректному сознательному применению или созданию терминов может значительно помочь обращение к большим толковым словарям. Разумеется, в отборе и преобразовании терминов каждый автор основывается в первую очередь на прочитанной специальной литературе, но и толковые словари — русские и иностранные — могут оказаться очень полезными. Например, «Большой Оксфордский словарь» и четыре тома дополнений к нему, полное несокращенное издание словаря «Рендом Хаус» и все словари Барнхарта. Обращение лингвистов-теоретиков к словарям этого типа следует признать полезным по ряду соображений: дефиниции, которые они дают, хорошо отработаны, отличаются точностью и краткостью и могут служить образцом для собственных дефиниций начинающего ученого. Указанные словари включают многие термины современных теорий, касающиеся разных отраслей знания, с пояснением их значений на примерах. Эти сведения позволяют глубже проникнуть в семантические возможности слова, сопоставить его нетерминологические, а иногда и этимологические значения. Цепь ассоциаций, которая связана с возникновением в слове новых значений, иногда помогает проследить ход человеческой мысли в постижении мира. Все это очень важно для сознательного пользования словом на этапе, когда исследователь определяет основные понятия и термины, которыми собирается пользоваться.

Научный уровень работы количественного измерения не имеет, и все же надо помнить, что два-три неудачно выбранных термина могут его сильно снизить.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. — Ташкент, 1973.
Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — Л., 1981.
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М., 1966.
Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л., 1977.
Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. — М., 1982.
Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. — М., 1961.
Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки (на материале лингвистики). — М., 1987.

- Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. — М., 1977.
Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). — М., 1981.
Степанова М.Д. Теория валентности и валентностный анализ. — М., 1973.
Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж, 1985.
Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. — Воронеж, 1987.
Lewandowski Th. Linguistisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1973.

Глава VII. ГРАФИЧЕСКИЙ МЕТАЯЗЫК

§ 1. Буквенная символика

Буквенная символика образует как бы промежуточный слой между вербальным метаязыком и собственно графикой. Буквенную символику можно разделить на традиционную — она уже приводилась в главе третьей, в параграфе о дистрибутивном анализе — и индивидуальную авторскую, которую каждый автор вводит в соответствии со стоящими перед ним задачами, пользуясь преимущественно латинским и греческим алфавитами.

Промежуточным слоем между буквенной символикой и терминологией являются буквенные аббревиатуры, т.е. инициальные сокращения терминологических словосочетаний. Такие инициальные сокращения, как ЛСВ (лексико-семантический вариант), или ФЕ (фразеологическая единица), ГК (грамматическая категория), ФСП (функционально-семантическое поле), АСОТ (автоматическая система обработки текста), и некоторые другие получают все большее распространение.

При обоснованном использовании для особенно часто встречающихся терминов такие аббревиатуры удобны и полезны, ибо экономят время и место. Однако начинающие авторы склонны ими злоупотреблять, полагая, что с подобными сокращениями текст выглядит серьезнее, научнее. Между тем, при обилии таких новообразованных сокращений восприятие текста значительно затрудняется. Читателю приходится тратить время на то, чтобы вспомнить или разыскать их объяснение. Поэтому такие сокращения следует применять только для немногих, особенно часто встречающихся сложных терминов, обязательно пояснять их при первом употреблении и указывать в общем списке принятых сокращений.

§ 2. Схемы

Схемой называют изображение чего-либо в самых общих чертах. В лингвистике схемы используются главным образом для наглядного представления различных связей и отношений.

Такой хорошо известной лингвистам схемой является, например, семантический треугольник (см. рис. 1). Его также называют треугольником Фреге или треугольником Огдена-Ричардса, треугольником отнесенности и т.д. С его помощью изображают отношение между факторами, конституирующими слово как знак языка, т.е. отношение между референтом — объектом реальной дей-

тельности, значением и обозначающим, т.е. звуковым или графическим словом.

Рис. 1

Треугольник — простейшая из геометрических фигур — оказывается очень удобным для представления этих основных для семантики отношений. В литературе существует множество вариантов трактовки представленных связей и заполнения вершин треугольника: предмет — понятие — знак; предмет — означаемое — означающее; соответственно меняются и названия ребер.

Стремление разграничить значение и понятие и показать специфику значения как языковой категории заставляет некоторых авторов заменить треугольную модель трапециевидной (см. рис. 2).

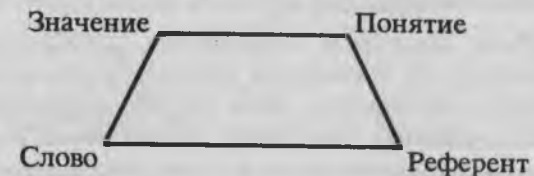

Рис. 2

Заметим, что важным достоинством всякой схемы, и треугольника в том числе, является ее простота, поскольку только простая схема может быть наглядной.

Многие авторы пользуются собственными схемами для того, чтобы сделать абстрактное положение более наглядным и запоминающимся. Удачным авторским применением схемы является схема контекстуального варьирования слова, предложенная Е.Г.Белявской.

Идеально простой и наглядной и в то же время допускающей бесконечное варьирование, углубление и конкретизацию является хорошо известная общая схема систем связи создателя теории информации Клода Шеннона (см. рис. 3).

Рис. 3

Схема Шеннона применима для сообщения любого типа – от радиолокационных сигналов до поэтических текстов. В литературе как технической, так и филологической существует множество вариантов этой схемы, приспособляющих ее к задачам той или иной науки. Широкую известность получила схема Романа Якобсона.

Необходимость применения графических средств метаязыка в основном зависит от принятой методики и объекта исследования, а также, по-видимому, от индивидуальных свойств мышления. Одни авторы прибегают к графике почти на каждой странице, другие в работах на аналогичную тему ею почти не пользуются.

Недостатком некоторых позднейших преобразований схемы Шеннона является их чрезмерная усложненность, вследствие которой они теряют наглядность, сами по себе непонятны и требуют пространственных словесных пояснений. Задача науки не в том, чтобы сложно изложить простые вещи, а в том, чтобы просто объяснить сложные.

§ 3. Таблицы и графики

Графический метаязык в виде таблиц и графиков применяется в лингвистике несколько реже, чем в других дисциплинах, однако пренебрегать им не следует. Для получения ясного представления о достигнутых результатах он может быть очень эффективным.

Таблицы – как будто бы всем известный способ суммирования и обобщенного представления полученных данных. Однако опыт показывает, что пользоваться им умеют далеко не все.

Таблица должна быть связана с текстом и прокомментирована в нем, но она должна быть более или менее понятна и без текста. Для этого она должна иметь название, поясняющее, что именно она иллюстрирует. Должны иметь свои названия вертикальные колонки и горизонтальные строки. Если колонки содержат цифры, то внизу следует их подытожить. Сокращения и условные обозначения, если они не общеприняты, должны быть расшифрованы.

Количественные данные приводятся либо в процентах, либо, если они невелики, допустимо давать их в абсолютном значении.

Следующая форма графического метаязыка, с которой необходимо познакомиться, – графики. Назначение графиков – показывать зависимость изменения одних величин от других. График функции есть кривая, которая дает наглядное представление об изменении функции. Ниже (см. рис. 4) приводится график, показывающий эволюцию во времени длины слова в разные периоды истории английского языка. По оси ординат отложена средняя длина слова в графемах по оси абсцисс – синхронные срезы (срезы обозначены римскими цифрами): I – 1666, II – 1685, III – 1713, IV – 1763, V – 1813, VI – 1863, VII – 1913, VIII – 1963. График заимствован из статьи Л.В. Малаховского.

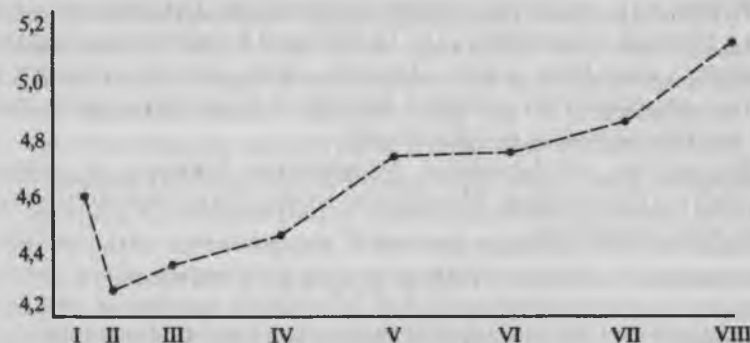

Рис. 4

График полезен только тогда, когда автор его анализирует и комментирует. Л.В. Малаховский, комментируя этот график, отмечает, что из него следует: в конце XVII века (срез II) средняя длина слова несколько уменьшилась, а в дальнейшем неуклонно возросла. Обнаружив такую зависимость в изучаемой системе, автор затем ищет объяснения наблюдаемому явлению в окружающей системе среде (Малаховский, 1981).

§ 4. Графика, заимствованная в математике

Тенденция к общей математизации наук в XX веке сильно интенсифицировалась. Одним из проявлений этой тенденции в лингвистике явилось обращение, и притом все более частое обращение, к теории множеств, а в последнее время — и к теории нечетких множеств, о чем уже шла речь на с. 26 — 28. Теория множеств и принятая в ней символика оказались метаязыком в лексических, синтаксических и фонетических исследованиях. Применительно к лексике целесообразность описания с помощью теории множеств поддается самой природой словаря, состоящего из большого числа элементов, находящихся в определенных отношениях между собой и вместе составляющих одно целое.

Создатель теории множеств Георг Кантор определял множество как объединение в одно целое объектов, хорошо различимых нашей интуицией или нашей мыслью. В книге Никола Бурбаки* есть и несколько более подробное определение: «Множество образуется из элементов, обладающих некоторыми свойствами и находящимися в некоторых отношениях между собой или с элементами других множеств». Оба определения, на наш взгляд, чрезвычайно подходят как определения словарного состава языка.

Кроме того, теоретико-множественный подход отлично согласуется с теорией оппозиций Н.С.Трубецкого и системным подходом, о которых шла речь выше. Наконец, сами способы задания множеств и вся принятая в теории множеств символика очень удобны для лингвистических исследований.

Множества обозначаются заглавными буквами, а элементы множеств — строчными. Множество может быть задано перечислением всех элементов:

$$A = \{a, b, c\}$$

или указанием свойств, характеризующих все его элементы:

$$A = \{a / \text{прилагательные английского языка}\}$$

Косая черта означает *таких что*, а все выражение читается: Множество всех элементов *a*, таких что *a* есть прилагательное английского языка.

Применительно к лингвистическим работам это означает, что автор сразу указывает, какие именно элементы он собирается ис-

* Коллективный псевдоним группы французских математиков.

следовать, и указывает свойство, по которому отбираются подлежащие изучению слова, например: мелиоративная лексика, топонимы, имена деятеля с суффиксом -ег.

Рассуждения об абстрактных множествах не зависят от природы элементов. Элементами множеств могут быть слова или отношения, морфемы или функции, фразеологические единицы или семы. Важно, чтобы они были различимы и в совокупности составляли одно целое. То есть критерии их отдельности или тождества предполагаются решенными.

Итак, различные группы и категории слов или других языковых элементов можно рассматривать как множества и применять при их описании графику и символику теории множеств.

Современные лингвисты все больше пользуются концепциями и символикой логики. Особенно широко применяются понятия и знаки конъюнкции, дизъюнкции и импликации.

Знак \cup (дизъюнкция) имеет значение *или*.

Знак \cap (конъюнкция) имеет значение *и*.

Знак \rightarrow (импликация) имеет значение *если ... то*.

Знак \in имеет значение *принадлежит к...*

Проиллюстрируем употребление этих знаков и буквенной символики на представлении грамматического значения числа. Суть грамматического значения числа состоит в том, что какой-либо класс может быть представлен каким-то своим единичным элементом, т.е. единственным числом, или во множественном числе — многими своими элементами. Допустим, что перед нами множество людей *H*. В единственном числе этот класс представлен $h_1 \cup h_2 \cup h_3$, т.е. каким-нибудь одним человеком, — либо этим, либо другим. Это — дизъюнкция. В формах множественного числа тот же класс антропонимов представлен несколькими, многими людьми: и тем, и другим, и третьим. Это — конъюнкция: $h_1 \cap h_2 \cap h_3$. Если мы хотим представить класс антропонимов как некое целое, мы представим его как множество: $H = \{h_1, h_2, h_3, \dots, h_n\}$.

От буквенной символики математики перейдем к изобразительной. Широкое применение в лингвистике нашли так называемые круги Эйлера*, или диаграммы Венна**, которые показывают отношения между множествами посредством пересекающихся или непересекающихся кругов или эллипсов. До Дж. Венна эти диаграм-

* Леонард Эйлер (1707 — 1783) — великий математик, физик и астроном, член Петербургской и Берлинской академий наук.

** Джон Венн (1834 — 1923) — английский логик.

мы были предложены Л. Эйлером, а еще раньше в древности философом Филоном.

Изучаемым целым для нас будет, например, все множество слов английского языка. Это универсальное множество обозначим прописной буквой U .

Условимся, что строчные буквы a_1, a_2, a_3 и т.д. обозначают слова английского языка. Следует различать общий элемент множества a , т.е. такой элемент, в котором обобщаются свойства всех остальных элементов, и отдельные элементы: a_1, a_2, a_3 , каждый из которых отличается от всех остальных. Для нас общий элемент a имеет единственное характеризующее свойство – принадлежность к английскому языку. Тогда запись $a \in U$ читается: Элемент a принадлежит множеству U (см. рис. 5).

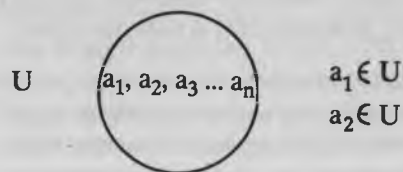

Рис. 5

Всякая лексическая классификация, т.е. выделение слов, принадлежащих к какой-либо части речи, функциональному стилю, этимологическому слою и т.д., представляет выделение в универсальном множестве его подмножеств. Увеличивая число свойств «общего элемента», например, рассматривая только слова, имеющие терминологическое значение, мы выделим в общем множестве его подмножество A , все его элементы обладают свойством терминологичности, которое обозначим P_A . Тогда все остальные слова составят дополнительное множество \bar{A} (A с чертой), которые свойством P_A не обладают и, следовательно, в множестве A не содержатся. Мы можем теперь написать $A \in U$ и $A \neq U$, потому что в генеральное множество U входят также элементы, которые свойством P_A не обладают, т.е. не являются терминами.

На диаграмме Венна это изображается следующим образом (см. рис. 6):

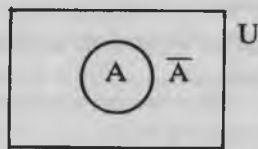

Рис. 6

Предположим теперь, что необходимо учесть и выделить слова, обладающие еще каким-то свойством, например, метафоричностью P_B . Они образуют другое подмножество B . Поскольку одно и то же слово может обладать обоими этими свойствами (метафорическим может быть и термин), множества пересекаются; в пересечении оказываются элементы, принадлежащие обоим множествам. Пересечение обозначается $A \cap B$ и изображается как два пересекающихся круга (см. рис. 7). Если подмножества общих элементов не имеют, они изображаются как два отдельных непересекающихся круга внутри общего генерального множества. Записывается это $A \cap B = \emptyset$, где \emptyset обозначает пустое, т.е. не содержащее ни одного элемента множество (см. рис. 8).

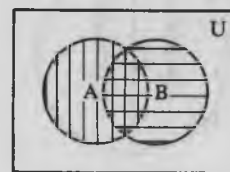

Рис. 7

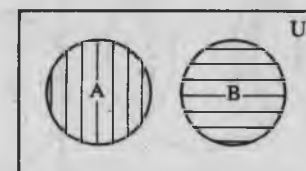

Рис. 8

В семасиологии пересечение множеств используется, например, для показа синонимических отношений, или полисемии, поскольку у слов, находящихся в таких отношениях, часть сем оказывается общей, а часть – нет.

При родо-видовых, т.е. гипо-гиперонимических отношениях, множество гипонимов включают как подчиненное в объем гиперонима. Отношение между ними есть отношение включения (см. рис. 9).

Рис. 9

Следующие два квадрата с кругами Венна показывают различие между контрарными и контрадикторными антонимами (см. рис. 10, рис. 11). Напомним, что контрарными называются антонимы — крайние члены ряда, между которыми существуют средние, промежуточные члены: *холодный — прохладный — теплый — горячий*, а контрадикторными, или комплементарными, антонимы, вместе составляющие единое понятие и не имеющие промежуточного члена: *живой — мертвый*.

Контрарные антонимы

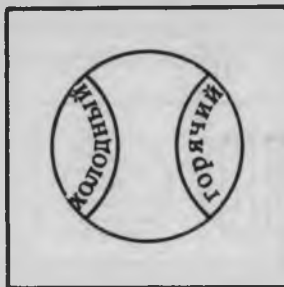

Рис. 10

Контрадикторные антонимы

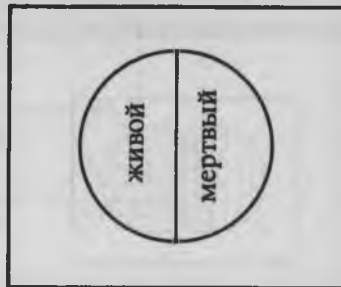

Рис. 11

Если оказывается необходимым учесть три пары признаков, то диаграмма Венна-Эйлера состоит из трех кругов (см. рис. 12). Но диаграмма становится недостаточно наглядной и неудобной в пользовании для показа всех возможных комбинаций признаков.

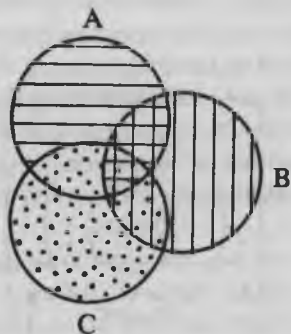

Рис. 12

Эвристический потенциал ее падает. Поэтому при необходимости дать сочетание нескольких признаков круги преобразовывают в прямоугольники, показывая их границы разными типами пунктиров, волнистыми линиями и т.п. (см. рис. 13).

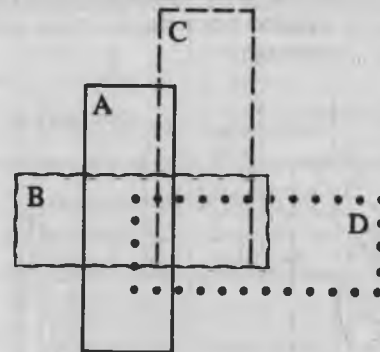

Рис. 13

В тех случаях, когда надо установить комбинаторику нескольких пар признаков, пользоваться таблицами с горизонтальным и вертикальным делением, т.е. только с двумя входами, а также графиками или диаграммами Венна-Эйлера неудобно. При большом числе признаков для установления их сочетаемости эвристически полезны решетки Вейтча, или, как их еще называют, карты Карно. Их эффективность для лингвистических исследований автору удалось установить при анализе семантической структуры слова (Арнольд, 1966).

И вот в теории логического синтеза релейных устройств появляются новые типы изображений решеток. Применяя их в семасиологии, автор назвал их решетками Вейтча (поскольку познакомивший автора с ними Л.Д. Гольдштейн предпочитал этот термин). Решетки Вейтча несколько отличаются от предложенных позднее карт Карно. Но останавливаться здесь на этих различиях нет необходимости.

Представим себе, что мы изучаем комбинаторику четырех пар признаков, могущих иметь значение 0 или 1. Тогда, разделив квадрат на 16 частей, дадим всей левой половине квадрата представлять признак A , а правой — противоположный признак \bar{A} (читается: A с чертой). Верхние 8 клеток соответствуют признаку B , а нижние — \bar{B} . Для того чтобы ввести третью пару признаков, противопоставим

две средних колонки как представляющие признак C двум крайним \bar{C} . Для четвертой пары две средние строки обозначают признак D , а верхняя и нижняя — противоположный признак \bar{D} .

Полученная решетка, или карта, (см. рис. 14) эквивалентна матрице (матрицей называется прямоугольная таблица чисел, имеющая m горизонтальных строк и n вертикальных колонок).

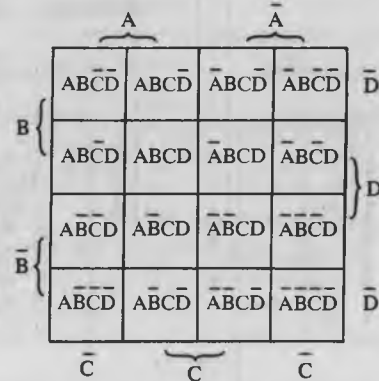

Рис. 14

Предположим, что задача состоит в том, чтобы показать место синонимии и омонимии в общей лексико-семантической системе русского языка, показать смежные явления и выявить возможные различия внутри групп. Сравнивая пары слов, будем учитывать сходство и различие в лексическом значении (A и \bar{A}), сходство и различие частеречного значения (B и \bar{B}), фонетическое тождество и различие (C и \bar{C}) и морфологическое сходство и различие, т.е. наличие или отсутствие общих морфем (D и \bar{D}) (см. рис. 15).

Анализ таблицы показывает, что в клетке 1, где наличествует общность всех признаков, получается тождество слова или, учитывая, что признак A предполагает не тождество, а сходство значений, в этой клетке окажутся лексико-семантические варианты одного слова, например $земля_1$ — 'страна' и $земля_2$ — 'планета Земля'. В клетке 11 наблюдается отсутствие всех признаков, т.е. слова отличаются и по значению, и по форме, их объединяет только то, что они по определению принадлежат русскому языку ($земля$ и $любить$). В клетке 2, которая отличается от первой только отсутствием фонетического тождества, оказываются однокоренные синонимы, например, $языкознание$ и $языковедение$, а также фонетические варианты одного слова. Таблица обладает тем свойством, что смежные по

Решетка Вейтча

для анализа места синонимии и омонимии в лексической системе

сходные лексические значения разные лексические значения

		A		A			
одночастеречное значение	B	1	2	3	4	D	
		5	6	7	8		D
	разные частеречные значения	B	9	10	11	12	
			13	14	15	16	D
		C	C		C		
		есть фонетическое сходство	нет фонетического сходства		есть фонетическое сходство		

Рис. 15

вертикали или по горизонтали клетки отличаются только в одном признаке. Под клеткой 2 помещается клетка 6, в которую попадут все прочие синонимы, т.е. сходные по лексическому значению слова, принадлежащие к одной части речи, но не содержащие общих морфем (*лингвистика* и *языкознание*). Под клеткой 6 находится клетка 10, и можно видеть, что сходство лексического значения, при различии частеречного значения, дают слова, принадлежащие к одному лексико-семантическому полю (*свет*, *сиять*, *яркий*). Еще ниже располагается гнездо однокоренных слов (*свет*, *светить*, *светлый*), относящихся к разным частям речи.

Решетка Вейтча с таким содержанием признаков позволяет очень подробно рассмотреть случаи фонетического сходства при различии значения — омонимию. Она занимает всю последнюю колонку и последнюю клетку первой, т.е. клетку 13, содержащую моделированную омонимию, — транспозицию в другую часть речи (*течь* — глагол и *течь* — существительное). Сходство лексического значения сохраняется. В случае если лексическое значение при общности генезиса в моделированной омонимии утрачивается, получается распад полисемии (клетка 16). Клетки 4, 8 и 12 показывают

еще три возможных типа омонимии: омонимию в одной части речи (*брак*₁ и *брак*₂), в разных частях речи (*да* – частица и *да* – союз) и в одной части речи при омонимичности корня и одинаковых аффиксах, например *отливать*₁ (*колокол*) и *отливать*₂ (*воду*).

Клетки 5 и 9 оставлены пустыми, так как сочетание сходства значения и фонетического сходства при отсутствии морфологической общности автору не встретилось.

Эвристическая ценность разработки материала при помощи таких матриц очень велика. Их применяла для характеристики акронимов Е.Н. Ардаматская, при анализе низкочастотной лексики В.Г. Малахова, для анализа фонационных глаголов Е.П. Павлова, для анализа омонимов Л.В. Малаховский, в анализе поэтического текста Г.И. Лушникова и др.

§ 5. Графы

Большое место при описании в лингвистических работах отношений между языковыми элементами занимают графы, изображаемые геометрической совокупностью точек и линий, соединяющих некоторые из этих точек. Точки называют узлами графа, а линии – дугами. В зависимости от получающихся при этом геометрических фигур графы называют деревьями. Графы могут быть линейными, иерархическими или звездными.

Лингвистика заимствует графы из математической теории графов, тесно связанной с теорией множеств, что отражено в предложении К. Бержем определения графа: «Собственно говоря, граф, обозначенный символом $G = (X, \Gamma)$, есть пара, которая состоит из множества X и отображения Γ » (Берж, 1962).

Еще до возникновения математической теории графов подобные схемы существовали для изображения электрических цепей, сетей коммуникации, диаграмм организации чего-либо в экономике и т.д. Всем известны генеалогические деревья. В генеалогическом, или родословном, древе учитывались все члены основной и боковой ветвей рода и их брачные связи.

Графы могут применяться как классификационные и как графы зависимостей. Разные варианты графов можно встретить во многих работах по синтаксису. Так, например, в грамматике непосредственно составляющих принято представлять синтаксическую структуру предложения в виде дерева, позволяющего показать направление каждой синтаксической связи. В каждой паре единиц элементы делятся на главный и зависимый, а дерево зависимостей отражает все множество связей (см. рис. 16).

Дерево зависимостей

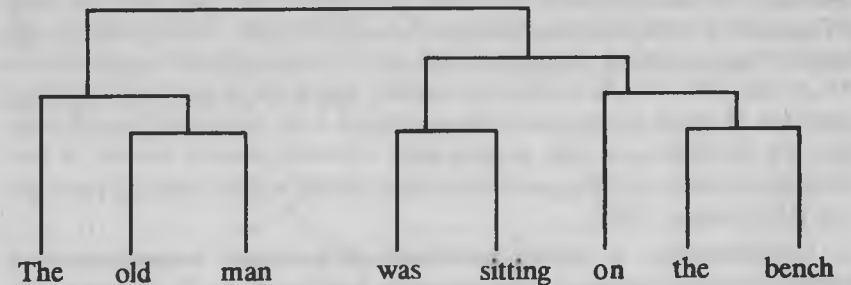

Рис. 16

Подобные деревья называют также иерархическими.

В грамматике зависимостей, исследуя возможности представления структуры предложения с помощью графов, И.Б. Долинина широко пользуется как линейными (см. рис. 17), так и иерархическими графами (Долинина, 1977). Предложение

1 2 3 4 5 6 7 8

A little girl is sitting at the table при линейном изображении выглядит так:

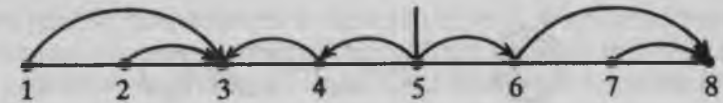

Рис. 17

Этот автор показывает плодотворность применения графов при изучении свойств проективности языка, отражающих отношение между линейным расположением элементов предложения и его синтаксической структурой (см. рис.18). Пример:

1 2 3 4 5 6
Одно обстоятельство причиняет американцам в последнее
7 8 9
время особое беспокойство.

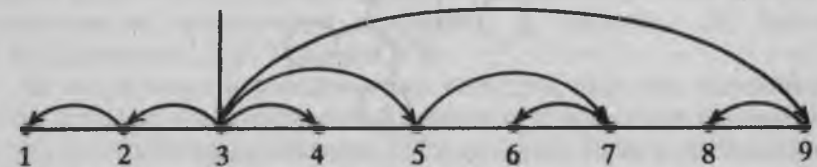

Рис. 18

Много и плодотворно использует графы для самых различных задач, преимущественно связанных с таксономией лексики и проверкой таксономических гипотез, А.Я. Шайкевич. В его работах использование графов тесно связано со статистическими процедурами, о чем уже шла речь выше в связи с методикой дистрибутивного анализа. В своей докторской диссертации А.Я. Шайкевич использовал эту методику и при выделении семантических полей, и для дифференциации функциональных стилей, и для ряда других целей (Шайкевич, 1980).

Структурные и функционально-смысловые характеристики текста интерпретировал при помощи графов Ю.А. Головенко. Использование теории графов позволяет этому ученому охватить синтагматические цепи значительной протяженности.

В лексикологии и семасиологии для изображения семантической структуры слова принято выделять три основных конфигурации: цепочечную (конкатенацию) (см. рис. 19), радиальную (иррадиация) (см. рис. 20) и смешанную радиально-цепочечную, которая встречается чаще двух первых (Беляевская, 1987).

Конкатенация

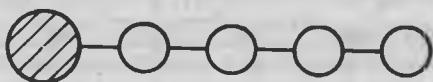

Рис. 19

Иррадиация

Рис. 20

Смешанную структуру покажем на примере семантической структуры английского слова *flood* (см. рис. 21). Рассмотрим следующие восемь его ЛСВ: 1. Пол, 2. Дно, 3. Ровная поверхность. 4. Почва. 5. Места членов Парламента. 6. Право выступить, взять слово. 7. Минимальный уровень. 8. Этаж.

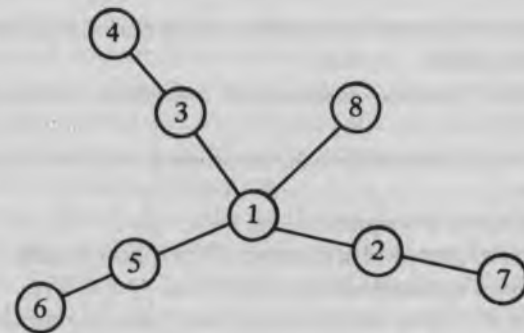

Рис. 21

Значительное развитие, которое получила в настоящее время теория графов, объясняется в первую очередь ее полезностью для автоматизации. Но она оказывается полезной и в самых различных областях лингвистики, которая не только заимствует в теории графов уже готовые результаты, но ставит перед ней и новые задачи.

§ 6. Векторный анализ

Из математики в лингвистику проникло также понятие и изображение вектора. Вектор — отрезок прямой, которой придано определенное направление, указываемое стрелкой. Вектор имеет начальную точку, из которой он выходит. Следовательно, вектор может отразить не только величину, но и направление. В языкознании векторный анализ передает динамическую характеристику системы языка и его единиц и функций, позволяет рассмотреть их в движении и применяется в трудах Г. Гийома, У. Булла, Л.М. Скрелиной, З.Я. Тураевой и др.

В заключение необходимо подчеркнуть, что весь описанный здесь очень кратко графический метаязык и буквенная символика, круги Венна-Эйлера и решетки Вейтча (карты Карно), графы и векторный анализ обладают удивительной способностью сочетаться со множеством абстрактных теорий: с теорией множеств, в том числе

и нечетких, с Булевой алгеброй, с матричным анализом и математической статистикой, а также с такими уже собственно лингвистическими теориями, как теория оппозиций, компонентный анализ, функциональная грамматика и многие другие, и это делает графический метаязык неоценимым помощником исследователя.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. — Л., 1966.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. — 2-е изд., перераб. — Л., 1981.

Беляева Т.М. Словообразовательная валентность глагольных основ в английском языке. — М., 1979.

Беляевская Е.Г. Семантика слова. — М., 1987.

Берж К. Теория графов и ее применение / Пер. с фр. — М., 1962.

Долинина И.Б. Системный анализ предложения. — М., 1977.

Малаховский Л.В. Эволюция размера слова и структуры предложения в английской научной прозе XVII—XX веков // Структура и объем предложения и словосочетания в индоевропейских языках. — Л., 1981. — С. 199—248.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. — М., 1982.

Скрелина Л.М. Грамматическая синонимия. — Л., 1987.

Шайкевич А.Я. Гипотезы о естественных классах и возможности количественной таксономии в лингвистике // Гипотеза в современной лингвистике. — М., 1980. — С. 319—357.

Многие понятия кажутся глубокими, потому что они неясны и путаны.

(Б. Рассел)

Глава VIII. СТИЛЬ ИЗЛОЖЕНИЯ

§ 1. Функциональный стиль научной прозы

Стиль научного изложения привлекает в наше время внимание очень многих. В настоящей главе предстоит остановиться на некоторых важнейших к нему требованиях и дать читателю представление о функциональных стилях вообще и о некоторых частных вопросах, связанных с необходимостью помочь начинающим улучшить свою манеру изложения.

В научном тексте не должно быть места стилистической неяршливости или чрезмерной усложненности. Изложение должно быть ясным, точным, простым и строгим. Но все эти свойства не приходят сами собой. Им надо специально учиться, тщательно отработывая свой стиль. Начинающим часто кажется, что простые русские слова и неусложненный синтаксис делают текст недостаточно научным. Руководствуясь такими ложно понятыми престижными соображениями, начинающие авторы создают целую «дымовую завесу» из самодельных или транслитерированных слов и тем только затрудняют понимание. Русский язык имеет богатейшую научную традицию и портить его таким образом непозволительно.

Общее определение функционального стиля было дано В.В. Виноградовым еще в 1955 году, и его никак нельзя считать устаревшим: «Стиль — это общественно-осознанная и функционально-обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа» (Виноградов, 1955).

Все научные тексты обладают некоторыми общими чертами, отличающими их от других специальных текстов, но эти общие черты несколько видоизменяются в зависимости от жанра, письменного или устного вида речи и ситуации высказывания.

Каждый функциональный стиль характеризуется своим, присущим ему набором жанров, и пишущий должен учитывать их особенности. В научном стиле объединяются следующие жанры: научная монография, учебник, научно-популярная книга, статья, до-

клад, лекция, научный отчет и квалификационные работы (диссертация, дипломная работа, реферат, курсовая работа).

Одна и та же тема подается несколько по-разному в докладе, лекции или в печатной публикации. Научный текст отличается от других типов текстов большей регламентированностью, хотя и допускает некоторые индивидуальные отклонения. Надо, впрочем, заметить, что вполне уместные в работах уже сложившихся известных ученых для начинающих они считаются нежелательными.

Необходимо обратить внимание на обусловленное прагматическими факторами требование четкого деления на новое и то, что уже известно и в данной работе только систематизируется, т.е. на строгую постановку задачи и указание того, что дано и что требуется выяснить, установить, доказать.

Заметим, что это деление не имеет ничего общего с рекламным выпячиванием своих достижений, эти данные должны быть строго объективными и конкретными. Изложение мысли должно быть логически последовательным, а оценка — интеллектуально-логической.

Унификация языка проявляется не только в унификации терминологии, но и в употреблении так называемой общенаучной лексики, фразеологии и служебных слов, и в особенностях синтаксического построения, а также в характере сложных синтаксических единств. Научный стиль возможен в письменной и устной форме. Причем, устная форма отличается, главным образом, большей простотой синтаксиса.

Специфика языка научного текста определяется сферой общения (в нашем случае — лингвистические науки), целевой установкой коммуникации (закрепление и передача научной информации), подготовленностью участников (тезаурус специалистов). Отбор средств выражения имеет осознанный, принятый в данном коллективе и закрепленный традицией характер. Коммуникация рассчитана далеко не на каждого носителя языка — аудитория ограничена специалистами.

Отражая интеллектуальную деятельность, научная информация характеризуется, или должна, во всяком случае, характеризоваться, логичностью, объективностью, безличностью. Функция научной прозы — последовательное и систематичное изложение и аргументированное доказательство или, напротив, аргументированное опровержение научных концепций и теорий.

Условия научной коммуникации порождают тенденцию к традиционности и унификации языковых средств, которая проявляется не только в стремлении к стандартизации терминологии, но и в

выработке типовых приемов композиционной организации, а это связано с появлением отработанных синтаксических конструкций, типичных для книжной речи.

§ 2. Синтаксис научного текста

Научная литература XX века характеризуется довольно жесткими нормами синтаксиса. Содержание научного текста требует логичности и доказательности, что и обуславливает некоторую специфику синтаксического построения: например, детальную передачу причинно-следственных отношений и оснащение придаточными предложениями, причастными и деепричастными оборотами. Необходимость аргументировать высказываемое и облегчить читателю понимание путем ясного членения текста приводит к широкому использованию параллельных конструкций и вводных слов (*во-первых, во-вторых, как уже указывалось, как известно, о чем речь пойдет ниже, на первый взгляд* и т.д.).

Стремление к лаконичности, краткости, к тому, чтобы вместить «максимум информации в минимум сигнала», приводит к синтаксической компрессии. Синтаксическая компрессия сокращает избыточность при сохранении объема информации. Осуществляется она множеством различных средств: за счет бесподлежащих односоставных предложений, за счет предложений с однородными членами, за счет движения от предложения к словосочетанию и, в частности, за счет распространенности причастных, инфинитивных, предложно-падежных и других оборотов. С этой же целью широко применяются конструкции, насыщенные существительными в родительном падеже, обычно в виде более или менее длинных цепочек. Последние иногда лучше заменить придаточными определительными предложениями, потому что, если их много, они придают тексту канцелярский оттенок и создают неприятную тяжеловесность.

Не перечисляя подробно все специфические особенности синтаксиса научной прозы, остановимся только на некоторых его чертах, особенно важных для начинающих. Прежде всего, следует обратить внимание на богатые синонимические возможности синтаксиса, которыми надо научиться целесообразно пользоваться, учитывая условия широкого контекста.

Возможности варьирования представляют, например, использование пассивных конструкций вместо активных, создающее безличность выражения; возможность изменения порядка слов, позволяющая оптимальную расстановку смысловых акцентов; синтаксическая компрессия; замены глагола-сказуемого сочетанием

существительного с глаголом, который становится при этом полузнаменательным (*представлять интерес для, проводить анализ*). В последнем случае синонимичными оказываются обычные связочные глаголы (*быть, являться, становиться*) и полусвязочные-полузнаменательные (*представлять собой, заключаться, оказываться*). Больше того, в научной речи широко принята и нулевая связка, например: *Отсюда — несамостоятельность номинативной функции или Прагматическая направленность этого оборота — создание экспрессивно-образного смысла* вместо: *Прагматическую направленность этого оборота можно определить как создание экспрессивно-образного смысла*.

Особую проблему синтаксической стилистики научного текста составляет выражение авторского мнения, модальность и связность текста.

Необходимость доказательной оценочности приводит к частому применению так называемых пропозициональных установок, выражающих отношение автора к высказываемому и одновременно служащих для связи с предшествующим (*Представляется целесообразным отметить...; Следует, однако, подчеркнуть...; Условимся считать, что...; Возвращаясь к вопросу о...; Заметим...; Вслед за... будем считать...*). Эти выражения авторского мнения наиболее обычны в начале абзаца, но могут использоваться и как вводные в середине предложения (например: *Граница между экспрессивной и стертой образностью, как нетрудно показать, зависит от контекста*).

В связи с этим важно обратить внимание на некоторые особенности употребления форм лица. В пропозициональных установках в письменной речи формы множественного числа первого лица вполне уместны (*Мы считаем...; Нам представляется...; Подчеркнем также...*), хотя иногда такая форма и может восприниматься как несколько манерная. В устной речи в подобных пропозициональных установках их надо избегать и предпочитать им безличные обороты (*Можно считать доказанным...; Нетрудно убедиться в том...*). Убедительности ради полезно показать и основание для авторской оценки: *Анализ примеров показывает...; Приведенные факты подтверждают...; В связи с изложенным выше можно...*

Удобными эквивалентами оказываются также сочетания *В исследовании установлено...; В статье рассмотрены...* и др.

Первое лицо единственного числа (*Я старался проследить...; Мне представляется возможным...*) уместно в тексте в трудах ученых, чей авторитет уже прочно установлен. Начиная авторам

в письменном тексте лучше избегать подобных эгоцентрических построений, а в устной речи лучше пользоваться ими умеренно.

Некоторые неопытные авторы склонны создавать видимость аргументации за счет таких связок, как *следовательно* или *таким образом*, что очень нежелательно при отсутствии действительно логической мотивации.

Это замечание отнюдь не означает предложения обходиться без подобных связок. Напротив, они необходимы, но как подкрепление исследовательской логики рассуждения. Каждый автор располагает богатым арсеналом подобных средств: союзы, союзные наречия, повторные местоименные номинации и другие виды повтора, комбинации видо-временных форм глагола и т.д. Связочные средства, как правило, выполняют многие коммуникативные функции. Они могут указывать начало рассуждения (*Прежде всего, Теперь, Сначала*), они могут противопоставить последующее предыдущему (*С другой стороны, Вместе с тем*), выражать следственные отношения (*Таким образом, Итак*).

Для эффективности восприятия научного текста большое значение имеет его логическая организация в сверхфразовые единства. Они должны иметь четкую членимость в выражении смысловых отношений, стройную тема-рематическую организацию, для чего обычно требуется целая цепочка сочинительных и подчинительных связей.

Сверхфразовые единства графически отражаются в абзацном членении страницы, которое требует к себе специального внимания. Текст, состоящий из коротких предложений, воспринимается труднее, потому что установление связи между пропозициями ложится на читателя. Если эти предложения к тому же каждый раз выделены красной строкой, чтение оказывается особенно затрудненным.)

Восприятие, напротив, облегчается, если мысль логически, структурно и графически представлена в абзаце таким образом, что продвижение информации к читателю оптимально организовано и читатель получает ее как функционально и формально завершенную. Внутри абзаца предложения соединяются синтаксическими и лексико-грамматическими связями в тема-рематическую прогрессию таким образом, что читатель получает ясное впечатление о теме, ее развитии и завершении. Основная мысль располагается обычно в начале абзаца. Первое предложение поэтому очень важно для общей ориентировки в тексте. От утверждения переходят затем к доказательству, подкрепляя его примерами и их анализом.

Поскольку абзац является композиционным маркером текста, желательно, чтобы абзацы были пропорциональными и страница делилась на небольшое число частей. Страницы со сплошным текстом без абзацев и выглядят как-то непривлекательно для читателя, и чтение их больше утомляет.

На фоне сложных синтаксических построений короткие простые предложения оказываются выделенными и фиксируют внимание читателя, дополнительно акцентируя важные положения, факты или доводы. Помещенные в конце абзаца такие короткие предложения с простым синтаксическим рисунком афористически подытоживают рассуждение, а в начале абзаца служат для введения новой мысли, перечисления или доказательства.

Помимо этой композиционной роли, они выполняют и ритмообразующую роль. Абзацы могут состоять из чередования коротких предложений и очень длинных сложно-синтаксических целых. Ритмичность текста играет важную роль для оптимизации его восприятия. Очень важно поэтому, закончив текст или часть текста, прочесть его себе самому вслух и прислушаться к его ритму.

§ 3. Лексико-фразеологическое варьирование

Помимо терминов, научный текст содержит многие общенародные слова. Начинаящим авторам часто кажется, что простые русские слова делают текст недостаточно научным, и из престижных соображений они насыщают его редкими и даже самодельными словами (*демаркация полисемии, ригористически жесткий, манифестировать, акциональное значение, когнификация, ауториальный, репрезентировать, рецепция, презентный* и т.п.). Язык с такой богатой научной традицией, как русский, в подобных чуждых ему включениях совершенно не нуждается.

Научная проза отражает рассудочную познавательную деятельность, и поэтому принято думать, что эмоциональной или образной лексике в ней не место. Однако это не совсем так. Всякая творческая деятельность человека связана с эмоциями. Поэтому эмоциональная лексика полностью из научного текста, особенно современного английского, не исключается (*Разинкина, 1972*). Эмоционально-оценочная лексика и образное словоупотребление более присущи лекции, научно-популярному жанру и жанру рецензий, где такие формы оказываются даже клишированными.

Некоторые авторы, чтобы показать, что они употребляют слово в необычном, переносном значении, да еще и с некоторой долей иронии, злоупотребляют кавычками. Например: *Эмотивы — специальные средства всех «этажей» языка*. Или: *Исследование от-*

дельных аспектов эмоциональности как «стыковой» проблемы ряда наук... и т.п.

В работах начинающих экспрессивность и эмоциональность нежелательна, но нежелательна, как уже говорилось выше, и наукообразная сложность и книжность языка.

Язык научного текста отличается высокой частотностью некоторых лексических единиц, главным образом терминов, называющих объекты, которым посвящено исследование. В этом отношении никакое стилистическое варьирование не допускается. Раз употребив одно наименование, т.е. термин, его следует придерживаться. Но это не относится к клишированным фразеологическим оборотам типа *Теперь остановимся на...; Прежде всего необходимо отметить, что...; Обратимся к примеру...; В заключение подчеркнем... и т.п.* Эта фразеология необходима и закономерна, так как способствует логической последовательности и связности изложения, но ее, в отличие от терминов, необходимо варьировать. Эти необходимые стандартные выражения следует отличать от так называемых штампов — стершихся образных выражений типа *вносить вклад, проливать свет* или *под знаком*, которые обычно воспринимаются как выхолощенные и избитые, их следует избегать.

§ 4. Определение

Все то, о чем говорилось выше, относилось ко всем формам научного текста: к объяснению, рассуждению, описанию и доказательству. На определении предстоит остановиться подробнее, поскольку, как показывает опыт, именно определения чаще всего вызывают справедливые нарекания рецензентов и оппонентов. На них особенно ярко проявляется отсутствие опыта у начинающих, но безгрешны в этом отношении и самые опытные авторы.

Основные правила определения понятий известны в логике давно, еще с времен Аристотеля. Эти правила требуют, чтобы понятие определялось через ближайший род и видовое отличие, чтобы определение не содержало круга, правила требуют также, чтобы видовым отличием был признак или группа признаков, свойственные только данному понятию и отсутствующие у других, относящихся к тому же роду, и некоторые другие (*Кондаков, 1971*).

Нас проблема определения интересует как арсенал языковых средств построения научного определения, как способ языкового представления родовых и видовых понятий, и, наконец, что очень важно, нам необходимо изучить способы включения определения в общую ткань текста.

Вторая сторона проблемы определения касается установления границ значения каждого термина и его семантических связей с другими терминами. Термины и их определения должны отражать общую систему понятий, которыми пользуется автор. Определения поэтому составляют важную часть текста и существенно влияют на точность и научность изложения, что особенно важно в периоды интенсивного развития науки.

Общеизвестно, что в любой науке особенно трудно поддаются определениям основные понятия. Лингвистика не является исключением. Имеющиеся в литературе определения слова или предложения могут составить целые тома.

Одно из наиболее распространенных определений слова восходит к А. Мейе: «Слово — основная единица языка, сочетающая определенное значение с совокупностью определенных звуков, пригодное для определенного грамматического употребления».

Трудность определения основных понятий породила некоторый скептицизм и стремление избегать определений и заменять их объяснениями. Различие между определением и объяснением заключается в том, что определение указывает только важнейшие особенности определяемого, необходимые и достаточные для того, чтобы отличить его от смежных явлений и понятий, а описание стремится включить все наиболее важные с точки зрения автора черты определяемого.

Определение в значительной степени различается в зависимости от жанра текста, в котором оно приведено. Прежде всего, различают словарные определения и дефиниции в научных текстах. И для тех, и для других нужно учесть и дальнейшие подразделения. Словарное определение может быть чисто лингвистическим или энциклопедическим, и в последнем случае оно приближается к текстовому. Текстовые определения различны в учебниках и в научных текстах. В учебниках они более категоричны и помещаются нередко в начале соответствующего параграфа.

Показательным примером может служить введение определения центрального для современной науки понятия «знак» в книге В.В. Богданова. Указав сначала на то, что в литературе существует большое количество определений знака, он пишет: «Если попытаться выявить то общее, что характерно для любого объекта, который мы имеем право называть „знаком“, то это общее можно было бы представить в виде следующего определения: знак — это нечто воспринимаемое, что способно информировать воспринимающего как о себе самом, так и о чем-то другом, что находится за пределами самого знака» (Богданов, 1977).

Таким образом, к научному определению как к особому типу коммуникативной единицы в тексте предъявляется целый ряд требований при включении его в общую систему знаний, а именно: в определении указывается, кому оно принадлежит, существуют ли другие определения, может быть дана критика этих других определений. Существуют и некоторые чисто лингвистические характеристики. Об одной из них, а именно об обычности сопровождения термина пропозициональной установкой, уже упоминалось. Следует дополнить, что требование в определении ясности и четкости обычно исключает метафорические и другие риторические элементы или многозначные слова. Так, например, известный афоризм «Дети — цветы жизни» не может рассматриваться как научное определение детства.

В этой связи интересно отметить, что форма самого термина может содержать метафору («черная дыра»), а его определение — нет.

Разумеется, фразу «Дети — цветы жизни» никто за научное определение и не примет, но существует великое множество определений, которые, на первый взгляд, могут показаться строго научными, а на самом деле нарушают элементарные правила. Например, функция языковой единицы определяется как способность к выполнению определенного назначения (в частности как «свернутый» потенциал функционирования, обуславливающий пределы и правила самого процесса функционирования данной единицы), а с другой — как результат функционирования — реализованная достигнутая цель. Определение некорректно, потому что содержит круг: функция определяется через функционирование.

Другое правило логического определения требует, чтобы указанные видовые различия позволяли отличить определяемое от других понятий того же рода.

Подытоживая сказанное, заметим, что определение термина в научном тексте не есть просто объяснение термина с помощью более или менее понятных примеров, но его логическое представление и введение во всю систему определений, принятых в работе.

Проверяя написанное, автор должен добиваться единства содержания, архитектоники, языка и стиля своего текста, с тем чтобы смысл был понят читателем так, как его понимает автор. Изложение должно быть оптимальным для читателя или слушателя.

Одна и та же тема излагается несколько по-разному в автореферате, предназначенном для специалистов, и в докладе в студенческом научном обществе. Прежде всего, необходимо учитывать тот или иной тезаурус воспринимающих, т.е. для студенческой аудитор-

рии полезно бывает повторить общеизвестное, а докладывая специалистам, этого ни в коем случае делать не следует.

Очень большое значение имеет умение выделить и подчеркнуть главное и отграничить детали, которые в случае недостатка времени или места можно и нужно опустить. Это деление не имеет ничего общего со скороговоркой, к которой прибегают неопытные докладчики, когда отпущенное им время истекает, или с конспектоподобным изложением, обусловленным попыткой уложиться в отведенное число страниц. Такой способ интенсификации слушательского восприятия никогда себя не оправдывает. Всегда лучше оставить что-нибудь недосказанным, чем комкать изложение. Правильность и целесообразность организации подачи материала определяется ситуацией и аудиторией. Опыт слушателя и читателя способствует развитию культуры мышления и высказывания.

Перечислим некоторые принципы, которые следует учитывать при оценке стиля собственного изложения: текст должен быть написан правильным и простым русским языком; следует особенно следить за ясностью синтаксического построения и точным выбором и употреблением слов; необходимо проверять логичность изложения, т.е. смысловые связи между частями абзаца, параграфа, главы. Попытки воздействовать не только на разум, но и на чувства читателей, например, остроты или сильные одобрительные или неодобрительные эпитеты в работе начинающего неуместны.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Т.И.* Текстовые формулировки научного определения // *Вопр. языкознания.* — 1984. — № 1. — С. 108.
- Богданов В.В.* Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л., 1977. — С. 5.
- Виноградов В.В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики // *Вопр. языкознания.* — 1955. — № 1. — С. 73.
- Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. — 2-е изд. — М., 1983.
- Кондаков Н.И.* Логический словарь. — М., 1971.
- Разинкина Н.М.* Развитие языка английской научной литературы. — М., 1978.
- Разинкина Н.М.* Стилистика английской научной речи: Элементы эмоциональной субъективной оценки. — М., 1972.
- Сенкевич М.П.* Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. — М., 1976.

Невежество или полужнайство — это почти болезни.

(Д.С. Лихачев)

Глава IX. НАКОПЛЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ/ БИБЛИОГРАФИЯ

§ 1. Ознакомление с теоретической литературой. Практические советы

Сбор и накопление научной информации происходит с помощью книг, статей в периодической печати и в сборниках научных трудов, авторефератов, тезисов конференций и слушания докладов и публичных лекций.

В потоке информации, который обрушивается на каждого, кто занимается научной работой, надо отобрать нужное и в сжатом виде фиксировать необходимый материал в конспектах, выписках, картотеках.

Единой оптимальной системы фиксирования получаемых научных данных рекомендовать нельзя. Каждый вырабатывает ее для себя в соответствии со своими условиями работы — наличием постоянного рабочего места или отсутствием его, возможностью создать собственную библиотеку, частичной работой за собственным письменным столом и т.д. При всех вариантах, однако, систематизация своих материалов и организация рабочего места, даже временного, имеют очень большое значение.

В принципе наиболее эффективной системой для записи и хранения рабочей научной информации является система карточек или небольших листков, поскольку их удобно перекомпоновывать, по-разному классифицировать, дополнять и т.д. Многие, однако, предпочитают делать записи в общих тетрадях, по-разному выделяя в тексте те или иные темы, отделяя выписки от записи своих соображений цветными карандашами или другими знаками. При этом в одной общей тетради записывается все необходимое подряд, а по заполнении общей тетради начинают новую и ориентируются в содержании по датам. (Примерно так: «Книгу Ю.Н. Караулова я читала незадолго до Нового года, значит, надо искать в декабрьских записях».) Такой метод представляется малорациональным. Удобнее иметь несколько тетрадей разного назначения: для выписок, для записи своих соображений, для библиографии и т.д. Тогда те же поиски мнения Ю.Н. Караулова будут звучать так: «Где тетрадка с красной обложкой? Там все выписки». Отыскать нужное не так

трудно, но для включения в текст работы надо каждый раз все переписывать. В этом смысле удобнее выписки на отдельных листках.

В папках с выписками легко организовать порядок при помощи скрепок или прозрачных папок. Для того чтобы можно было внести дополнения и исправления, важно оставлять широкие поля, на которых удобно также делать библиографические пометы, чтобы можно было их легко отыскать. Название и выходные данные надо давать полностью в соответствии с принятыми стандартами (см. с. 127 – 129). Например: *Будагов Р.А. О работах Р. Якобсона по общему языкознанию и поэтике // Вестник МГУ. Филология. – 1985. – № 5. – С. 47 – 57.* Следует настоятельно рекомендовать при этом соблюдать все установленные стандартом разделительные знаки: тире, косые черты одинарные и двойные, знаки препинания и прочее, так как отсутствие такой привычки ведет к многочисленным опускам и трудоемкому их исправлению. Особенно трудно бывает восстановить в дальнейшем, когда книги под рукой уже нет, количество страниц.

Содержание теоретической литературы фиксируется в конспектах или выписках. Степень переработки чужого текста при этом может быть очень различна. Записывать своими словами хотя бы часть очень полезно, так как при такой переработке информация полнее понимается и лучше запоминается. Но это требует некоторого умственного усилия, и многие утверждают, что у них это не получается.

При дословном записывании очень важно отмечать цитаты кавычками, а пропуски точками, иначе в дальнейшем можно невольно совершить плагиат, приводя чужие слова без кавычек. Все цитаты тщательно выверяются.

Во многих библиотеках практикуется ксерокопирование. Иметь ксерокопии особенно нужных частей прочитанного очень удобно.

При конспектировании записывают и собственные мысли по поводу прочитанного. Это очень пригодится в дальнейшем. Свои соображения следует как-то выделять: либо квадратными скобками, либо на полях, либо в виде сносок внизу страницы, либо на обороте страницы.

Делать пометки на полях книг, особенно чужих или библиотечных, нельзя. Максимум, что можно себе позволить, – это точки на полях книги в особо важных для Вас местах, с тем чтобы ориентироваться по ним при повторном прочтении; затем следует их стереть.

Сбор информации по теме надо привыкать сочетать с анализом прочитанного, приучая себя к критическому и творческому воспри-

ятию. Сначала это получается с трудом, но постепенно входит в привычку.

Далеко не все книги требуют прочтения полностью, и многое надо читать, как говорят, по диагонали. Очень полезно познакомиться с методами быстрого чтения. При обычном беглом просмотре тоже существуют некоторые возможности оптимизации этого процесса. Особое внимание обращают на предисловие, введение, оглавление и заключение. Ориентируясь по ним и предметным указателям, каждый может найти то, что особенно важно для его темы.

В качестве примера приведем известную серию «Новое в зарубежной лингвистике», которая выходит с 1960 года и сначала называлась «Новое в лингвистике», а с 1973 года получила свое сегодняшнее название. Каждый год сборник посвящается какому-нибудь ведущему направлению или отрасли: теории текста, прикладной лингвистике, связи лингвистики и логики, синтаксису и стилистике, прагматике и т.д. В сборнике помещаются тщательно отобранные и наиболее яркие статьи многих известных авторов. Каждый сборник начинается со вступительной статьи ведущего советского специалиста в данной области (Н.Д. Арутюновой, В.А. Звегинцева, И.Р. Гальперина, Т.Н. Николаевой и др.). Эти вступительные статьи дают общее представление о состоянии дел в данной области и о содержании выпуска, позволяют ориентироваться в проблематике сборника и выбрать для внимательного чтения статьи, нужные для той или иной темы.

Очень полезным для быстрого нахождения необходимого материала является предметный указатель. К сожалению, предметные указатели имеются далеко не во всех изданиях.

Многое зависит и от индивидуальной манеры автора. Некоторые выделяют курсивом или жирным шрифтом особо важное в тексте. Другие строят свое изложение таким образом, что общее содержание легко улавливается по началам абзацев. Если ни того, ни другого нет, приходится читать подряд и, как говорил В. Маяковский, «Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

В будущем поиски нужной информации Вам значительно облегчит информатика, но пока информационно-поисковые системы обслуживают только технику, а гуманитариям приходится пользоваться справочной службой библиотек, помощью библиографов и разного рода каталогами, списками литературы в книгах, ссылками, советами руководителя и товарищей. Если в библиотеках существуют каталоги авторефератов диссертаций, с ними следует озна-

комиться; это особенно важно потому, что они, подобно журналам, позволяют получить представление о последних направлениях в данной области.

Большую трудность на пути овладения научной информацией составляет ее разбросанность. Заглавие статьи или название диссертации далеко не всегда позволяет представить себе все, что там можно найти. Так, например, особенно интересные соображения о роли интуиции в лингвистическом исследовании содержатся в диссертации И.С. Кессельмана, которая называется «Опыт разработки структурного критерия синонимичности». Разбросанность информации заставляет учитывать все возможные ориентиры и особенно внимательно относиться к ссылкам, которые встречаются при чтении литературы по теме.

§ 2. Библиографический аппарат

Библиография должна охватывать возможно больший временной диапазон и показывать не только эрудицию пишущего и его приоритет, но и, что гораздо важнее, участие других в разработке темы. Важную роль при этом играет знание общей истории науки и особенно истории отечественного языковедения. Будущий филолог должен знать имена и труды К.С. Аксакова, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф.И. Буслаева, В.В. Виноградова, Н.Н. Дурново, М.В. Ломоносова, А.М. Пешковского, Е.Д. Поливанова, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, Л.В. Щербы и других (список дан в алфавитном порядке и далеко неполон).

Роль библиографии в научной работе важна и многообразна. Она является не только отражением научной осведомленности и добросовестности автора, но также и отражением «совокупного знания» о предмете и о его связях с другими явлениями. Она нужна для ориентировки читателя, который будет заниматься близкими вопросами. Образно выражаясь, библиография — это мост между прошлым и будущим науки.

Собирание литературы — важная часть исследования и, вероятно, останется таковой даже тогда, когда машинный поиск информации значительно облегчит эту работу и отдельным ученым уже не надо будет «прочесывать» такое множество справочно-библиографических изданий и каталогов, как теперь.

Рост числа научных кадров и научных учреждений, интенсификация труда и стремительное увеличение количества публикаций привели к лавинообразному росту специальной литературы, что создает информационный шум и затрудняет нахождение и от-

бор действительно полезного. От успеха этого поиска зависит очень многое, поскольку индивидуальное знание включается в систему науки и становится общим достоянием только через разные формы публикаций (доклады, статьи, монографии и т.п.).

Библиография, сопровождающая научное исследование, заслуживает положительной оценки, если она целенаправленна, широка по временному и географическому диапазону, не пропускает существенных работ (т.е. обладает достаточной полнотой), включает работы на разных языках и правильно оформлена. Упоминание работ на разных языках и знакомство с ними очень существенно. К сожалению, часто те, кто изучают, например, английский язык, включают в библиографию только русские и англоязычные работы, забывая о том, что его тема может быть уже освещена в трудах на французском языке. Филолог должен быть полиглотом.

Требования к оформлению библиографии в настоящее время очень жесткие и различны для разных изданий. Тенденция к их стандартизации достаточно сильна, но существует несколько стандартов, и они меняются. В зависимости от того, куда должна быть представлена работа, пишущий должен обязательно знакомиться с соответствующими требованиями, будь то требования редакции журнала (их обычно публикуют на последней странице), издательства, редакции сборника или факультета. В связи с тем, что автор не всегда заранее знаком с соответствующими требованиями, а они несколько отличаются по полноте (например, не везде требуется указывать название издательства или количество страниц в книге), полезно с самого начала вести для себя библиографию самого полного вида. Надо указывать не только страницы, с которых взяты цитаты, но и общее количество страниц в книге, название и место издательства и в случае перевода записывать, с какого языка он сделан.

В последнее время для библиографии в диссертационных работах и в библиотечных каталогах введены новые и довольно сложные стандарты библиографических описаний. Схемы, принятые в журналах и сборниках, несколько проще, но ниже будет дано представление об основном стандарте. Его полезно твердо усвоить и набить себе руку, чтобы в дальнейшем не пришлось вносить бесконечные мелкие поправки в уже готовые работы.

Библиографическое описание изданий по существующему сейчас стандарту состоит из элементов, объединенных в области, и заголовка. Области и элементы приводят в установленной последовательности. Каждой области и элементу предшествуют условные

разделительные знаки, в качестве которых выступают знаки препинания. Каждая область отделяется точкой и тире (.—). Элементы описания делятся на обязательные и факультативные. Набор факультативных элементов определяет учреждение, в котором составляется описание. Библиографическое описание может быть составлено под заголовком: индивидуальным (имена авторов) или коллективным (учреждения) или же под заглавием.

Обратимся сначала к библиографическому описанию книг, а затем перейдем к описанию статей в сборниках и журналах и к авторефератам.

Порядок таков:

1. «Заголовок описания» содержит имя автора или авторов и его или их инициалы. В библиографии инициалы ставятся после фамилии, а в тексте — перед фамилией. В случае, если авторов больше трех, можно указать первую фамилию, далее писать «и др.». Фамилии авторов даются курсивом. Например: *Пиотровский Р.Г. и др.*

2. «Область заглавия и сведений об ответственности» отделяется от «заголовка» точкой и включает название книги, поясняющие его сведения и факультативно указание лиц и учреждений, участвовавших в создании книги. Например: *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 262 с. Или: *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Пер. с фр. Ю.Н. Караулова и др.; Под ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. — М.: Прогресс, 1974. — 445 с. Как видно из последнего примера, сведения об ответственности, которые здесь приведены, разделены на две части — первые и последующие — и разделены точкой с запятой.

3. «Область издания» содержит сведения о том, чем отличается данное издание от предыдущих. Например: *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. — 2-е изд., перераб. — М.: Просвещение, 1975. — 277 с.

4. «Область выходных данных» содержит сведения о том, где, в каком году и каким издательством опубликована книга. Как видно из приведенных выше примеров, после названия города ставится двоеточие и название издательства без кавычек, запятая отделяет год (только цифра и точка). Москва, Ленинград, а в зарубежных изданиях Лондон, как правило, сокращаются до первой буквы. Остальные города пишутся полностью. Санкт-Петербург сокращается СПб.

5. «Область количественной характеристики» включает сведения о числе страниц и иллюстративном материале.

6. «Область примечания» необязательна. Это могут быть указания о наличии библиографии или какая-нибудь другая дополнительная информация о книге.

Ниже приводится та же схема в сокращенном виде для того, чтобы сделать нагляднее нужные знаки препинания, так называемые разделительные знаки:

Заголовок описания. Основное заглавие = Параллельное заглавие: Сведения, относящиеся к заглавию / Первые сведения об ответственности; Последующие сведения. — Область издания. — Место издания: Издательство или издающая организация, Дата издания. — Область количественной характеристики. — Область примечания.

Библиографическое описание журнальных статей, статей в сборниках и авторефератов имеет свою специфику и называется аналитическим описанием. Ниже приводятся соответствующие примеры.

Статья в журнале: *Швейцер А.Д.* Советская теория перевода за 70 лет // *Вопр. языкознания.* — 1987. — № 2. — С. 9 — 17.

Статья в сборнике: *Буковская М.В.* Текстобразующие функции афоризмов в художественном произведении // Межуровневая организация текста в естественном языке: Сб. науч. тр. / Челябин. гос. пед. ин-т. — Челябинск, 1987. — С. 31 — 37.

Статья в сборнике трудов того же автора: *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров, проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 237 — 297.

Автореферат: *Мальцева О.А.* Лингвостилистические особенности словесного художественного портрета в современном английском романе (на материале произведений Джона Фаулза): Автореф: дис... канд. филол. наук: 10.02.04. — Л., 1986. — 16 с.

Сборник: *Стихи о музыке. Русские, советские, зарубежные поэты:* Сборник / Сост. А. Бирюкова, В. Татаринов. — М.: Сов. композитор, 1982. — 224 с.

Все сокращения даются по соответствующему стандарту. Для названия источников, из которых приводятся примеры, автор выработывает сокращения сам и дает их общим списком в конце работы.

В тех случаях, когда библиографические ссылки делаются внутри текста или внизу страницы, надо также соблюдать определенные правила: при повторных ссылках приводят только имя автора, заглавие и страницу; если заглавие очень длинное, его можно со-

кратить и поставить многоточие. Если делают несколько ссылок на одну и ту же книгу подряд, то пишут: «Там же» («Ibid») и указывают страницы.

В повторных ссылках только на одну работу данного автора основное заглавие опускается и заменяется словами «Указ. соч.» или «Цит. соч.» («Op. cit.»). Например: *Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с. — С. 53. заменяется при дальнейшем цитировании на: *Вольф Е.М.* Указ. соч. — С. 150.

В тех случаях, когда ссылка дается внизу страницы, а не в общем библиографическом списке, ее полезно вводить словами, показывающими Ваше отношение к высказыванию, о котором идет речь. Например: *Другая точка зрения, прямо противоположная нашей, высказана в работе...* или *Подробнее об этом см. ...*, или *Мы имеем в виду его основополагающую работу...* . Может случиться, что после последнего издания книги, на которое Вы ссылаетесь, прошло много лет; библиографическими стандартами это не отмечается, но этим следует поинтересоваться и отметить эти данные в тексте.

В библиографический список в конце диссертации или дипломной работы включаются, как правило, только те публикации, которые упоминаются (но необязательно цитируются или обсуждаются) в основном тексте работы. Включать в библиографию работы, которые знакомы только с чужих слов, не принято. Каждое такое включение требует специальной оговорки с указанием источника.

В курсовых и дипломных работах принято делать ссылки на использованную литературу в сносках внизу страницы, а затем сводить их в общий алфавитный список в конце работы. В текстах диссертаций, напротив, в целях экономии места, ссылки на литературу даются внутри текста. Существуют два варианта оформления внутритекстовых ссылок: 1) в круглых скобках указывается фамилия автора (без инициалов) и через запятую год издания цитируемой работы (фамилия и год даются курсивом); если указывается страница, то она дается через двоеточие и прямым шрифтом, напр.: (*Бодуэн де Куртенэ, 1963 : 127*); 2) в квадратных скобках указывается порядковый номер, под которым работа данного автора включена в общий список литературы в конце работы, и через точку с запятой указывается цитируемая страница, напр.: [160; 27]. Предпочтительнее первый вариант: во-первых, потому, что читателю всегда важно знать, кто именно так думает, на кого делается ссылка, а отыскивание каждый раз соответствующей фамилии в списке отнимает много времени и разбивает восприятие; во-вто-

рых, нумерация в общем списке может по ходу работы меняться, а это может быть источником путаницы.

Подробную библиографию надо вести с самого начала и продолжать ее потом всю жизнь. Вести ее надо на карточках. Это позволяет делать в дальнейшем необходимые перестановки. Поскольку первое упоминание о по-видимому нужной книге может быть найдено в какой-нибудь другой книге, каталоге или указателе, некоторые рекомендуют делить картотеку на две части — прочитанное и то, что нужно прочесть. На карточках, составленных по книге, которую Вы видели, хотя может быть еще и не прочли, ставят пометку *de visu (по виденному)*. В своей рабочей картотеке полезно указывать библиотеку, где Вы видели книгу, и ее шифр. На этих же карточках можно помечать, кто на эту книгу ссылается, а также почему она представляет интерес для Вашей работы. Приведем пример: книга Б.А. Успенского называется «Поэтика композиции», но в ней много интересного материала и для тех, кто занимается совсем другой областью знания, а именно материал об антропонимах — личных именах собственных. Поэтому тот, кто занимается антропонимами, включает ее в свою картотеку с соответствующей пометкой. Такая карточка может служить и самой краткой формой конспекта, так как позволяет пометить, какие важные для Вас темы здесь затронуты.

Часто кажется, что, записывая не все данные книги, мы экономим время. На самом деле — как раз наоборот. В дальнейшем часто оказывается так, что для включения книги в окончательную библиографию надо из-за какой-нибудь одной цифры, например количества страниц, снова ехать в библиотеку, а книга может оказаться выданной или, еще хуже, утраченной, или Вы читали ее в Ленинграде, а в библиотеке города, где Вы живете, ее нет.

Относительно композиции библиографии надо помнить, что первыми в списке помещаются работы русских авторов, потом работы на иностранных языках (в том числе и изданные в нашей стране). Словари даются отдельным списком, отдельный список делается и для источников примеров и их условных сокращений.

Выше уже говорилось о том, что в обзор литературы, а следовательно и в библиографию, полезно включать работы не только на изучаемом языке, но и на других языках, если автор в состоянии с ними ознакомиться (а филолог обязательно должен читать на нескольких языках). Здесь уместно сделать одно предостережение — важно очень внимательно относиться к диакритическим знакам во французском, польском, чешском и в некоторых других

языках, где они имеются. Подобные опечатки производят очень неприятное впечатление на компетентного читателя.

СПИСОК СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Новая советская литература по общественным наукам: Литературоведение: Библиогр. указ. / ИНИОН АН СССР. — М., 1953.

Новая иностранная литература по общественным наукам: Литературоведение: Библиогр. указ. / ИНИОН АН СССР. — М., 1954.

Новая иностранная литература по общественным наукам: Языкознание: Библиогр. указ. / ИНИОН АН СССР. — М., 1953.

Новая советская литература по общественным наукам: Языкознание: Библиогр. указ. / ИНИОН АН СССР. — М., 1954.

Общественные науки в СССР. — Сер. 6; Языкознание: РЖ / ИНИОН АН СССР. — М., 1973.

Общественные науки в СССР. — Сер. 7: Литературоведение: РЖ / ИНИОН АН СССР. — М., 1973.

Общественные науки за рубежом. — Сер. 6: Языкознание: РЖ / ИНИОН АН СССР. — М., 1973.

Общественные науки за рубежом. — Сер. 7: Литературоведение: РЖ / ИНИОН АН СССР. — М., 1973.

Cumulative book index: A world list of books in the Engl. lang. — New York: Wilson co.

Глава X. ОБЗОР ИСТОРИИ ВОПРОСА. ССЫЛОЧНЫЙ АППАРАТ.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЭТИКА В НАУКЕ. КУЛЬТУРА—АДАПТИВНАЯ СИСТЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

§ 1. История вопроса

Историю исследуемого вопроса следует доводить до современного периода, показывая при этом, что добавили последующие авторы к сделанному ранее, и стараясь установить приоритет и возникновение той или иной идеи. Располагать авторов желательно в хронологическом порядке. Цепочки типа: Ш. Балли, Аристотель, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ф. де Соссюр очень нежелательны. Самое новое — необязательно самое лучшее. Надо представлять себе, какой вклад внесли в науку такие ученые, как А.А. Потенция, И.А. Бодуэн де Куртенэ, Е.Д. Поливанов, Н.С. Трубецкой или Л.В. Щерба, и быть в состоянии указать тех, кто первым ввел в науку то или иное понятие, может быть, и под другим названием.

Историю вопроса надо давать как постепенное и последовательное раскрытие темы, а не как перечисление мнений, хотя последнее много легче. Не следует также подчеркивать расхождение в мнениях предшественников как доказательство актуальности темы и рассчитывать, что именно Ваше исследование положит конец расхождениям. Важно понять, в чем состоит неясность, порождающая разногласия. Вообще, чем больше исследуется вопрос, тем обычно и больше вероятность разногласий. Их отсутствие есть, скорее всего, признак догматизма. История вопроса должна быть такой же целенаправленной, как и библиография. В конце изложения истории вопроса следует привести концепцию, наиболее близкую к концепции автора, и пояснить, в какой мере автор с ней солидаризируется и почему и в чем он видит необходимость ее уточнения.

Как уже говорилось, в советском языкознании при единстве методологии существует довольно много методов, а в пределах этих методов — несколько школ, поэтому в истории вопроса нужно показать, к какому направлению и школе примыкает автор, как он включается в общий поток развития науки.

В случае использования концептуального аппарата других наук — математики, психологии и т.д. — желательно показать, кто из лингвистов первым обратился к их использованию и чьи работы использовал. Это поможет и Вашему читателю воспользоваться этим путем и, может быть, получить новые результаты и проверить Ваши. Проблема интеграции в пространстве и времени — в

значительной степени проблема этическая. Нравственному воспитанию ученого необходима опора в истории науки – в неисчезающей памяти о тех, кто до нас занимался нашей наукой. Установление перспективы преемственности – долг ученого и существенная часть нравственного воспитания народа.

Новое, как известно, часто оказывается хорошо забытым старым. В самых новых направлениях – функциональной грамматике, прагматике или теории текста – используются многие положения Пражского лингвистического кружка, концепции образа автора В.В. Виноградова и другие. Это важно знать. Вместе с тем следует иметь в виду, что глубина и степень детализации обзора литературы зависит от темы исследования, его задач, изученности объекта. Обзор и само исследование должны быть тесно увязаны.

• § 2. Ссылочный аппарат. Цитирование

В истории вопроса и в обзоре литературы важно четко разграничивать свое и чужое и правильно пользоваться аппаратом ссылок и цитат. Так, например, некоторые совсем неопытные авторы, получив от руководителя перечень рекомендованной литературы, просто выписывают из нее все, что имеет отношение к занимающей их теме, переписывают целые страницы, даже не упоминая источника, заботясь только о некоторой связности и гладкости изложения. Плагиатом это назвать, пожалуй, нельзя, поскольку речь идет об учебном задании, но и ничего общего с научной работой это тоже не имеет, это – даже не конспект, а просто «списывание». Конспект предполагает некоторую переработку, хотя бы в сторону сокращения, и указание источника. Умение составлять конспекты тоже нуждается в развитии и тренировке.

Другой тип нарушения принципа разделения «своего» и «чужого» называют «пасьянсом чужих мнений» по принципу «такой-то писал то-то, а такой-то – то-то». Вместо обзора истории вопроса, раскрывающего развитие знаний, получается просто набор выписок, который может свидетельствовать о том, с какой литературой знакомился автор и с каким прилежанием, но не более.

Первый тип («списывание») говорит о безграмотности и недобросовестности. Во втором случае («пасьянс») начинающий несколько теряется при знакомстве с большой литературой и у него нередко создается некоторый комплекс неполноценности: вместо того, чтобы критически осмыслить прочитанное, он неуместно цитирует разных авторов, не решаясь высказать свою точку зрения, а иногда и не пытаясь ее сформулировать.

Такой подход никак не обогащает науку. Те, кто так поступают, забывают, что новизна исследования не может состоять в новом комбинировании уже написанного другими. Это называется компиляцией. Студенты нередко оправдывают неумеренное цитирование тем, что «лучше уже не скажешь». Однако приводить такой аргумент значит расписываться в своей беспомощности. Кроме того, обилие цитат часто затрудняет чтение, приводит к стилистическому и терминологическому разнобою.

Еще одна причина неумеренного цитирования заключается в ложно понятой порядочности. Студент боится, как бы его не обвинили в плагиате, и считает также, что обилие цитат свидетельствует о большой начитанности. Между тем, научная этика требует большего, а именно правильного включения каждого нового исследования в общий поток движения науки, информационной полезности каждой работы и информационной полезности включения в нее только тех ссылок и цитат, которые этому включению способствуют.

Читателю надо дать возможность не только понять изложенное, но и самому при желании включиться и продолжать заинтересовавшую его тему, а для этого его надо правильно ориентировать. Автор должен иметь в виду не только свои личные интересы, но в первую очередь пользу для науки.

Злоупотребление цитатами – болезнь очень распространенная. А, между тем, цитата должна быть оправдана. Целесообразно, например, цитировать определения как для того, чтобы к ним присоединиться, так и для того, чтобы с ними поспорить. В большинстве случаев полезнее бывает пересказать чужую мысль своими словами и только сослаться на источник, что, конечно, не означает, что можно просто снять кавычки. В особо важных случаях можно себе позволить привести цитату потому, что какая-то мысль в ней точно сформулирована. Но злоупотреблять такого рода цитатами тоже нежелательно. Степень уместности цитаты зависит от ее места в композиции. Они довольно широко применяются в истории вопроса, но нежелательны в исследовательской части и совсем неуместны в выводах. Бывают случаи, когда цитата необходима при полемике, если автор не согласен с чьим-либо мнением. Вы приводите точные слова оппонента, с тем чтобы опровергнуть его формулировку. В таких случаях требуется, однако, сугубая тщательность, чтобы не исказить мысли оппонента, выхватывая их из контекста.

Пересказывая чужое мнение своими словами, важно также относиться к этому мнению очень бережно.

Правила ссылок требуют, чтобы при получении информации не из первых рук ее проверили по первоисточнику.

По содержанию ссылок и цитат следует обязательно эксплицитно выразить свое согласие или несогласие, сомнения и обосновать возражения. Возражения типа *такой взгляд неправилен* — недостаточны, необходимо пояснить — почему неправилен.

Делать сноски, а тем более приводить цитаты, касающиеся общеизвестных истин в науке, не следует. Исключение могут составить случаи, когда желательно указать, кто первый высказал ту или иную мысль.

Выразить свое отношение к цитате можно при помощи так называемых пропозициональных установок типа: *Ю.С. Степанов справедливо считает, что...* или *Нельзя не согласиться с Е.М. Вольф, которая пишет: ...*. Принятые в этих случаях выражения полезно заимствовать у опытных авторов. Вообще, не надо забывать, что у настоящих ученых можно получить не только научные, но и языковые знания.

В тех случаях, когда ссылка делается на одного из многих авторов, занимавшихся данным вопросом, пишут: *См., например, ...*

§ 3. Преемственность

Наука кумулятивна. Ее не строит одно поколение, она требует преемственности и «сооружается на костях предшественников». Достижения науки предшествующих периодов требуют уважения. Задача каждого исследователя выделить в общем потоке непрерывно увеличивающегося объема литературы то, что имеет отношение к рассматриваемой проблематике, установить, что уже сделано, а что остается решить. Нива филологии уже достаточно распахана, и важно показать не только знакомство с последними теориями, но и их генезис. Только при этом условии начинающий сможет оценить и то, что сделано им самим. А для этого очень важно остановиться на системе нравственных ценностей, связанных с развитием науки.

Остановимся прежде всего на этической стороне проблемы преемственности, ибо наука все больше и больше становится коллективным достижением человечества, интегрирующим сделанное разными людьми и в разные времена.

Культура прошлого, в том числе и культура людей с другим мировоззрением, при критическом ее освоении дополняет и расширяет наши возможности.

В истории языкознания XX века (ограничимся только языкознанием, многие примеры из истории других наук уже освещены в прессе) немало событий, показывающих, что отказ от уже достигну-

того ранее отбрасывал науку назад, а не способствовал ее успехам. Так было с «новым учением» о языке, с упрощенным вульгарно-социологическим истолкованием процессов языкового развития, препятствовавшим нормальному прогрессу науки. Так было и позже, когда истиной в последней инстанции стали цитаты из статей Сталина. Так было и при некритическом заимствовании американских структуралистских теорий и когда интуиция предавалась анафеме.

Вместе с тем опыт истории науки XX века показывает, что нельзя исходить из представления об однолинейном развитии науки — «только вперед, только прогресс». За этим лозунгом нередко скрывалась преступная демагогия. В доказательство этого положения акад. Д.С. Лихачев отмечал, что в XIV — XV вв. в России грамотность была очень высокой. Грамотными были и крестьяне и ремесленники. А в XVIII веке русские крестьяне были почти поголовно неграмотными, на что были исторические причины.

Все, о чем говорилось выше, касалось этического аспекта отношений с предшественниками. Необходимо обратить внимание и на ответственность перед теми, кто придет на смену. Профессия и деятельность ученого неразрывно связаны с преподавательской работой, т.е. направлены не только на отыскание истины и познание культуры, но и на приобщение к культуре других, а следовательно, и с человеческими судьбами. Соприкосновение с процессом научного познания и творчества формирует личность. Профессия ученого связана со многими духовными ценностями — эстетическими, интеллектуальными, этическими.

К сожалению, мы пока еще в плену у бюрократических норм, требующих не качества и значимости публикаций, а количества. Это приводит к погоне за возможностью печататься даже тех, у кого призвания к научной работе нет, что создает вредный информационный шум. Для того чтобы положение исправилось, нужны благоприятные моральные условия, повышение требовательности каждого к самому себе. От всех участников научного процесса требуется порядочность, порядочность и еще раз порядочность.

Гуманитарные науки несут ответственность за духовное здоровье и развитие общества и личности. Гармоничное развитие личности определяет баланс роста культурных и материальных потребностей. Рост первых для человечества полезен; рост последних часто развивает лишь негативные тенденции.

Взаимодействие личности с внешней средой можно себе представить как получение и переработку информации, потоками кото-

рой человек окружен. Искусство и наука обладают способностью расшифровывать для нас сигналы, которые посылает нам жизнь, и создают компактные способы ее хранения.

Культура человека зависит от его умения читать и понимать художественную и научную литературу, слушать музыку, видеть и понимать живопись, свободно и правильно выражать свои мысли, видеть и беречь красоту природы и человеческого общения.

Сопереживание и сотворчество приближают человека к талантливой или даже гениальной личности творца произведения, дают возможность открывать что-то новое и в самом себе, и в окружающих, делают его интеллигентным.

Надо научиться находить себе учителей среди больших ученых прошлого. Талантливый, а тем более гениальный ученый опережает свое время. Мы и теперь, в конце XX столетия, находим много актуального и заслуживающего продолжения в трудах А.А. Потебни, Е.Д. Поливанова, М.М. Бахтина, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.С. Трубецкого, В.В. Виноградова, Л.В. Щербы и многих других у нас в стране и за рубежом.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров П.С.* О призвании ученого // Наука и человечество. 1971 – 1972. – М., 1972. – С. 120 – 127.
- Арнольд И.В.* Семантическая структура слова и методика ее исследования. – Л., 1967.
- Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Л., 1981.
- Киселева Л.А.* Вопросы теории речевого воздействия. – Л., 1978.
- Степанов Ю.С.* В поисках прагматики: Проблема субъекта // Изв. АН СССР. – Сер. лит. и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325 – 332.
- Степанов Ю.С.* Методы и принципы современной лингвистики. – М., 1975.
- Якобсон Р.* Итоги девятого Конгресса лингвистов // Новое в лингвистике. – 1965. – Вып. 4. – С. 577 – 588.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
<i>Глава I.</i> Интеграция в науке. Методология – метод – методика. Направления в современном языкознании.....	6
+ § 1. Интеграция и дифференциация в науке.....	6
§ 2. Методология – метод – методика.....	8
§ 3. Направления в современном языкознании.....	9
Список рекомендуемой литературы.....	16
<i>Глава II.</i> Системный подход.....	17
§ 1. История системного подхода.....	17
§ 2. Адаптивные функциональные системы. Среда.....	20
§ 3. Полевая структура и нечеткие множества.....	26
§ 4. Тезаурусный подход.....	28
§ 5. Функции системы.....	30
Список рекомендуемой литературы.....	32
<i>Глава III.</i> Методы и процедуры лингвистического анализа.....	33
+ § 1. Выбор методики.....	33
§ 2. Гипотетико-дедуктивный метод.....	34
§ 3. Метод оппозиций.....	36
§ 4. Дистрибутивный анализ.....	39
§ 5. Дистрибутивно-статистический анализ.....	41
§ 6. Валентностный анализ.....	43
§ 7. Контекстологический анализ.....	46
§ 8. Компонентный анализ.....	49
§ 9. Использование компьютеров в лингвистических исследованиях.....	56
Список рекомендуемой литературы.....	61
<i>Глава IV.</i> Выбор и обоснование темы исследования.....	63
§ 1. Требования, предъявляемые к научному исследованию. Обоснование темы.....	63
§ 2. Выбор темы и объекта исследования.....	67
§ 3. Название темы.....	70
Список рекомендуемой литературы.....	71
<i>Глава V.</i> Планирование работы. Источники.....	72
§ 1. Планирование.....	72
§ 2. Критерии отбора материала.....	75
§ 3. Источники фактического материала.....	76
§ 4. Интуиция и воображение.....	78
§ 5. Композиция работы.....	81
Список рекомендуемой литературы.....	83
<i>Глава VI.</i> Метаязык исследования.....	84
§ 1. Общее понятие о метаязыке.....	84
§ 2. Терминология.....	85
§ 3. Требования к термину.....	87
§ 4. Недостатки терминологии и их причины.....	90
§ 5. Советы начинающим.....	93
Список рекомендуемой литературы.....	94

Глава VII. Графический метаязык.....	96
§ 1. Буквенная символика.....	96
§ 2. Схемы.....	96
§ 3. Таблицы и графики.....	98
§ 4. Графика, заимствованная в математике.....	100
§ 5. Графы.....	108
§ 6. Векторный анализ.....	111
Список рекомендуемой литературы.....	112
Глава VIII. Стиль изложения.....	113
§ 1. Функциональный стиль научной прозы.....	113
§ 2. Синтаксис научного текста.....	115
§ 3. Лексико-фразеологическое варьирование.....	118
§ 4. Определение.....	119
Список рекомендуемой литературы.....	122
Глава IX. Накопление теоретической информации. Библиография.....	123
§ 1. Ознакомление с теоретической литературой. Практические советы.....	123
§ 2. Библиографический аппарат.....	126
Список справочной литературы.....	132
Глава X. Обзор истории вопроса. Ссылочный аппарат. Преемственность и этика в науке. Культура — адаптивная система человечества.....	133
§ 1. История вопроса.....	133
§ 2. Ссылочный аппарат. Цитирование.....	134
§ 3. Преемственность.....	136
Список рекомендуемой литературы.....	138

Учебное издание

ИБ ПНУС

bn27780

Арнольд Ирина Владимировна

ОСНОВЫ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

Зав. редакцией *Л.И. Кравцова*
 Редактор *В.И. Киселева*
 Художественный редактор *В.А. Щербаков*
 Ст. корректор *З.Ф. Юрескул*
 Оператор *И.А. Дука*

ИБ № 9077

Изд. № А-124. Сдано в набор 10.05.90. Подп. в печать 19.11.90. Формат 60 x 88/16. Бум. офс. № 2. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем 8,82 усл.печ.л. 9,07 усл.кр.-отт. 8,56 уч.изд.л. Тираж 9000 экз. Заказ № 1099. Цена 30 к.

Издательство "Высшая школа", 101430, Москва, ГСП-4, Неглинная ул., д. 29/14.

Набрано на участке персональных компьютеров изд-ва "Высшая школа".
 Отпечатано в Московской типографии № 8 Госкомпечати СССР. 101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.